136 S (02)
Р 34

Проф. М. А. РЕЙСНЕР

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ КРАЕВОЕ ПАРТИЙНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „БУРЕВЕСТНИК"
РОСТОВ-ДОН :: 1925

Пров 38

Отпечатано
в Главной типографии
Севкавкрайпартиздата „Буревестник"
в городе Краснодаре
в июне 1925 г.
Изд. № 297.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
3126
25

Кубокрлит № 1651. Заказ № 81. Тираж 5.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр
Предисловие	VII
Часть I. Психология и исторический материализм	1—64
Психология и душа	1
Психология без души	9
Психология в свете марксизма	19
Инстинкт и культура	31
Классовая психология. Босяки, крестьяне, пролетарии	40
Классовая психология Мелкая и крупная буржуазия	51
Часть II. Учение о социальных раздражителях	65—135
Сознание и бессознание	65
Привычка, подражание и внушение	74
Социальные раздражители мистико-религиозного типа	83
Социальные раздражители формально-эстетического характера	94
Социальные раздражители рационального характера	104
Интеллигенция и общественные классы	114
Социальная надстройка и революция	127

ПРЕДИСЛОВИЕ

К опубликованию настоящего труда меня побуждает менее всего сознание, что мне удалось, наконец, окончательно разрешить необычайно трудные вопросы, которые связаны с марксистским подходом к психологии вообще и социальной психологии в частности.

Вопрос о строго марксистски построенной социальной психологии остается, к сожалению, пока еще открытым.

Но тем более автор настоящих строк считал себя обязанным обнародовать предлагаемые очерки, так как лишь путем подробной, внимательной и научно обоснованной дискуссии возможно притти к каким-нибудь положительным результатам и построению теории, отвечающей заданиям Маркса и Ленина.

Настоящие очерки представляют собой, в виду сказанного, более или менее популярно изложенные обобщения прежних трудов того же автора и некоторые гипотезы, которые подсказываются, с одной стороны, состоянием современной психологии, а с другой — учением исторического материализма.

Для интересующихся более углубленным изложением предмета отмечу некоторые мои работы, легшие в основу настоящих очерков.

Таковы: «Проблема психологии в теории исторического материализма» — доклад, сделанный в стенах Социалистической (ныне Коммунистической) Академии, напечатанный в кн. 3 «Вестника Академии».

Статьи, помещенные в том же «Вестнике» — «Способы представления» (кн. 7) и «Условная символика, как социальный раздражитель» (кн. 9); последняя работа представляет собою доклад, прочитанный в Психологическом Институте.

Статьи: «Фрейд и его школа о религии» и «Социальная психология в учении Фрейда», напечатаны в журнале «Печать и Революция» (кн. 1 и 3 1924 г. и кн. 3, 4, 5 1925 г.).

Предисловие, данное к книге Джексона «Очерки марксистской психологии» (1925). Вступительная статья к книге Ф. Виттельса—«Фрейд и его учение» под заглавием «Фрейд и буржуазная идеология» (печатается и выйдет в 1925 г.). Статья под названием «Социальная психология» в энциклопедическом словаре бр. Гранат (выпуск I, т. 41, 1925).

М. Рейснер.

Москва, V-й дом Советов,
12 марта 1925 г..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Психология и исторический материализм.

Психология и душа.

Подозрительное отношение к психологии, как науке о душе, имеет весьма серьезные основания. И не только специально с точки зрения материализма.

Не надо забывать, что «душа» была исходным пунктом всех доныне существующих религий. Можно прямо утверждать, что без «души» не было бы и никакого бога. Уже первобытный человек вступил на роковой путь религии, когда он поверил в существование души предка, отделенной от тела и способной то вредить, то помогать оставшимся на земле. Душа прадеда была источником всех религий. Именно эта душа переселилась в обожествленного зверя, оживила впоследствии небесные светила, возвратилась ко всевозможным героям и вновь родилась в разных человекобогах и богочеловеках. И с тех пор единственной связью между человеком и божеством стала независимая от человеческого тела душа, спасение коей было опять-таки невозможно без вмешательства бога, происшедшего из воображаемой человеческой души.

Совершенно ясно из сказанного, что в глазах не только строгого материалиста, но и вообще всякого сколько-нибудь добросовестного ученого, малейшая примесь «души» является своего рода предостерегающим сигналом и верным показателем того, что за данными философскими или иными истинами скрывается вместе с душой и неуловимое божество, суть которого в отрицании всякого положительного закона связи и взаимной обусловленности явлений. Иногда не только божество спрятано весьма хитро за душою, но и сама душа успешно прикрыта разными хитроумными вещами — познанием, разумом или идеей Подчас даже сама душа готова раствориться в материи и так сливается с последней, что никак не поймешь, где кончается одно и начинается другое. Но в таких случаях все же и душа, и связанный с нею бог обнаруживаются то во всеобщем законе мировой гармонии и порядка, то в какой-то сверхчувственной цели, к которой стремится все сущее. В своей книге, посвященной эмпириокритицизму, В. И. Ленин очень глубоко и убедительно показал всю двусмысленность подобных идеалистических построений, неизбежно приводящих в конце концов к тому или иному божеству.

Ясно из сказанного, что несчастная наука о психической жизни человека, т.-е. о нервно-мозговой его деятельности, а в частности о его познании, отражающем действительность, была всегда полем сражения между явными и скрытыми богословами и деятелями положительного знания. Прямо поразительны способы, к которым прибегали приверженцы божества, чтобы так или иначе спасти от давления фактов свою жалкую веру. Примером тут может быть хотя бы знаменитый американский психолог Уильям Джемс, который, отчаявшись в прямом построении разумной души, придумал для спасения божества в высшей степени странные обходные пути. Так, построив в своем известном руководстве по психологии физиологическую и материалистическую теорию психических явлений, этот ученый в другой своей книге — «Многообразие религиозного опыта» — решил притянуть опять за волосы изгнанное им из психологии божество. А, именно, он воспользовался для этого новым учением о «подсознательном», т.-е. о психической жизни человека, проходящей вне контроля сознания, и решил, что именно в этой области бессознательной или, вернее, подсознательной жизни можно найти ворота, чтобы через них провести божество. По его теории, таким образом, для божества не осталось места в сознании и никакой там особой души не оказалось, но в бессознании нашлось какое-то темное пятно, которое было немедленно насыщено чудом и тайной. Бессознательный человек или человек, действующий при помощи бессознания, оказался стоящим в непосредственной связи с божеством. И является ли такое бессознательное состояние результатом запойного пьянства, или отравления морфием и гашишем, для Джемса все равно. И больной истерик и человек, находящийся в состоянии гипнотического сна,— все они одинаково с пьяницей, наркоманом и религиозным самоистязателем оказались под наитием божества. Душа, пропавшая в трезвом состоянии, воскресла вместе с богом в состоянии болезни и отравы.

Значение души для религии, а религии для классового гнета общеизвестны. Нигде нельзя было найти такого непогрешимого и полного оправдания самой страшной тиранической власти, как именно в религии, где центром всего построения является бог в виде непознаваемого и всемогущего тирана. Полная независимость религии от человеческого блага и справедливости сделали ее особенно способной к тому, чтобы оправдать существование кровожаднейших паразитов, существующих, якобы, в воздаяние грехов и ради награды на небесах. Самые бессмысленные и дикие истязания и казни оправдывались таинственным велением божества, которое во имя спасения душ требовало изуродования тела, а ради довольства избранных осуждало на безысходную муку здесь людей, недостойных помазания и благодати. Так, вместе с богом душа стала одним из страшных чудовищ классовой эксплоатации, и совершенно понятно,

что психологи - идеалисты вольно или невольно сделались настоящими придворными мастерами идеологии у разных господствующих классов.

Но нужно отметить, что душа и соответственная психология не раз выступали в качестве открытого обоснования классового господства. И это тоже понятно. По учению философов, верующих в душу, она по сравнению с телом награждается весьма высокими свойствами. Тело зачисляется в разряд чего-то весьма скверного и жалкого. Оно материально и животно, а посему низводится в разряд презренной плоти. Оно доступно страданиям и смерти, чувственным наслаждениям и похоти. Отсюда второй вывод: тело есть вместилище несчастия, грязи и пороков. Недаром так много философов и религиозных пророков требовали уничтожения, истребления, или во всяком случае крайнего ослабления этого греховного начала. Наконец, в-третьих, т. к. познание, разум и сознательная воля приписываются душе, то на долю тела остается темный инстинкт, механическая косность, во всяком случае что-то бессмысленное, неразумное, лишенное порядка и организации. Таким путем душа получает значение какого-то командира над телом, вид разумного и сознательного начальства, связанного с грязным, похотливым, глупым и причиняющим большие страдания слугой. Подобная психология почти прямо переносит классовые отношения в зависимость между телом и воображаемой душой и это отражение классового общества использует для оправдания тех самых классовых отношений, откуда заимствована подобная психология. Яркий пример двойного идеологического отражения.

Классовая подоплека подобного рода психологии особенно бросается в глаза в построении древних мыслителей, гораздо более откровенных и отчасти наивных, нежели современные мудрецы. Так, у античного философа Платона мы совершенно ясно можем проследить общественные корни его психологии. Он нисколько не стесняется строить общество в виде большого человека, у которого все части души и ее основная деятельность гораздо более ясны, нежели у отдельного человека. Как известно, он различает три части души в строгом соответствии трем классам древнего общества. Высшим является здесь класс мудрецов или законодателей, которому соответствует в душе человека его разум. И мудрецам, и разуму одинаково свойственна добродетель — «софия» или мудрость. Вторым классом является, по его теории, класс воинов или стражей, который имеет своею задачей охрану установленного мудрецами порядка, и этому классу вполне соответствует та часть человеческой души, которую мы бы обозначили обычным словом «сердце», при чем, по мнению Платона, и воинам, и этой страстной (или аффективной) части души соответствует в качестве добродетели мужество. Наконец, третьей частью души по этой психологии оказывается ее наиболее низменная сторона,— область

чувственных вожделений. Сюда отнесены и деятельность питания, размножения и т. д.. Этой низменной части души человека отвечает, а вернее, служит образцом класс земледельцев, ремесленников и других трудящихся, которые своей работой обеспечивают досуг и мудрецам, и воинственным стражам. Даже общий принцип всей души заимствуется Платоном из общественных отношений и сводится к, так называемой, справедливости, которая, по его мнению, состоит в том, «чтобы каждый делал свое дело», т.-е., другими словами, чтобы каждый стоял на том месте, которое указывает ему разделение труда в классовом обществе. Выводы из теории Платона весьма понятны — прирожденный хам не должен претендовать на место господина и, благодаря своей умеренности, может отдавать излишки воинам и мудрецам. Так царствует мудрая душа не только над телом, но и связанными с ним «вожделениями»...

В новой психологии мы, конечно, не найдем столь откровенных построений. Демократический век чего-нибудь да стоит. Но зато мы имеем превосходные психологические теории «одаренности», которые опять-таки строго различают по прирожденным признакам мудрых господ и тупых рабов, осужденных на подчинение И даже такая, в общем либеральная, теория, как учение умершего перед революцией профессора Петербургского Психо-Неврологического Института, А. Ф. Лазурского («Классификация характера»), не может обойтись без такой удивительной психологии. Так, по этой теории оказывается, что современное классовое разделение есть не что иное, как результат прирожденных способностей и самой главной из них — способности к приспособлению. Тупые и глупые от рождения оказываются на основании своих психических качеств неспособными победить в борьбе за существование, в борьбе за успех и радости в жизни. Вследствие этого они не могут приспособиться и отходят на низы общественного здания, где складываются в широкую и темную массу пролетариев, рабочих, прислуги, поденщиков и вообще людей физического труда. Второй этаж общественного здания занимают более разумные, сознательные и предприимчивые, которые в силу своих свойств и становятся на положение командующих общественных слоев, т.-е. буржуазии. Они могут приспособиться. Им достается в удел богатство, власть и почет.

В некотором противоречии с этой теорией оказывается лишь положение «гениев», которые почему-то, несмотря на всю одаренность или даже сверходаренность, весьма часто сваливаются по социальной лестнице вниз, а иногда прямо растаптываются более счастливыми, хотя и менее одаренными, людьми командующих (буржуазных) профессий. Этот факт остается у Лазурского без достаточных объяснений, в общем же выводы подобной психологии лишь с небольшим отличием совпадают с научным гимном в честь господствующего класса,

который увенчивается в дополнение к наследственной собственности еще великолепным ореолом таланта, разума и культуры.

Мы не останавливаемся здесь специально на расовых теориях, которые желают видеть в современном человечестве прирожденных господ и рабов на основе строения черепа и прирожденных преступников в силу известных антропологических свойств. Для нас достаточно пока вышеприведенных примеров, т. к. мы здесь хотим лишь указать на классовую подкладку столь, казалось бы, научных и объективных теорий, как учения о человеческой «душе». Здесь мы напомним лишь ту аналогию, которая напрашивается сама собой при сравнении деятельности тела, живущего физическими отправлениями, и, так называемой, души, преданной всяким высоким занятиям. Ведь такое противоположение прямо отвечает печальному факту отделения умственного труда от труда физического, которое с такой яркостью в свое время нарисовал Маркс. Неудивительно поэтому, что психология, как наука о душе, стала излюбленным коньком всевозможной интеллигенции, утверждавшей в своем собственном лице развитие царственного сознания, тонких и возвышенных чувств, так же как руководящей, целесообразной и благопопечительной воли. Здесь психология является уже не идеологией класса, но самовозвеличением той профессии, которую в свое время Маркс окрестил, как «идеологическое сословие». Возвышать душу с этой точки зрения и поднимать значение разума — значило не что иное, как увеличивать престиж и авторитет тех бесчисленных «деятелей духа», которые в виде техников и адвокатов, учителей и медиков, инженеров и бюрократов, попов и ученых, являлись в известные эпохи монопольными обладателями науки и просвещения. Идеализм с этой точки зрения и идеалистически построенная психология были поэтому всегда профессиональным орудием в руках монопольной интеллигенции.

Приведенных оснований как будто достаточно для того, чтобы объяснить не только строго материалистическое направление, но и глубоко отрицательное отношение пролетарского материализма ко всем этим психологиям. Однако, список грехов, исторически совершонных наукою о душе, далеко не исчерпан. Мы должны здесь специально указать на ту роль, какую «душа» играла во все периоды реакции и мракобесия. Ибо это—исторический факт, не знающий исключений; он гласит, что, чем глубже был разлад между экономическим развитием и классовыми отношениями, тем более настойчиво было обращение к «духу» в противоположность бунтарскому и материалистически настроенному «телу». Права души, требовавшей бесчисленных жертв со стороны тела, в таких случаях всегда находили свирепого рыцаря, вроде нашего Победоносцева, который всегда становился на страже полицейской святости и попираемого бессмертия души. И, если ради спасения ее «блаженный

Августин» оправдывал принуждение в делах веры, а средневековые инквизиторы воздвигали костры «любви» для неисправимых еретиков, то не иначе и великие реакционеры укрепляли при помощи застенков реакционный идеализм.

Пожалуй, самым невинным психологическим учением было то, которое предшествовало в уме дикаря и варвара положительному познанию. Только там психология была естественна. Через себя и от себя человек шел к миру и его познанию. Чувствующий, мыслящий и действующий, он невольно в окружающей природе и ее движениях видел подобные себе существа. Неодушевленный мир представлялся одушевленным, мертвая природа — живой. Это естественный анимизм, который, однако, уступил место объективному познанию по мере роста техники и связанного с ней опыта. Такая психология сменялась в различных областях знания соответственной наукой. Здесь за религией следовала алхимия, а впоследствии самая настоящая химия. За музыкою сфер какого-нибудь Пифагора — совершенно неодушевленная математика. За живыми элементами или стихиями мира — физика, лишенная какой бы то ни было души. За колдовской медициной заговоров и приказаний — хирургия и терапия. За психическим воздействием при помощи магии, чуда и волшебства — техника, исключающая целиком веру в силу мысли и всемогущество слова. Это — психологизм первобытного мышления, с которого начинает всякое дикарское познание. В нем нет никакого классового оттенка, но лишь глубокая наивность первоначальной полуребяческой мысли. Впоследствии этот психологизм, кроме религии, уцелел только в искусстве и притом лишь, как художественный символ.

После сказанного нам совершенно понятно то глубокое отвращение и недоверчивая настороженность, которая свойственна была и положительной науке и необходимо связанному с ней материализму, и в особенности революционному мировоззрению пролетариата, когда они встречались с наукою о душе. Психология отпугивала от себя, как основной источник не только заблуждения, но идеологического извращения в определенно классовых целях. И с грустью нужно признать, что от такого идеологического уклона не застрахованы течения даже самой новой и, казалось бы, объективно построенной психологии. Мы говорим здесь специально о той части современной науки о поведении, которая посвящена уже не душе отдельного человека, а исследованию психических явлений и соответственной деятельности масс. Кажется, нигде так не скомпрометировала себя психология, как в этой области, и если даже в исходной точке она опиралась на строго материалистическое наблюдение, то стоило ей перейти к общественным фактам, как сейчас же начиналось извращение, явно подсказанное классовыми расчетами или национальной симпатией. Особенно характерны в этом отношении психология прирожденного преступника,

психология толпы или масс и, наконец, психология революции, как она выразилась в некоторых учениях не только старой школы, но и новейших течений, связанных с именем Зигмунда Фрейда.

Мы не будем повторять здесь учений о прирожденном преступнике Чэзарэ Ламброзо, который хотел найти среди современных людей настоящую расу низших существ, отмеченных органическим вырождением и осужденных на грабежи, убийства, проституцию и всякую извращенность. Эта теория в достаточной степени похоронена социологической школой криминологии во главе с учениями Ферри. Мы здесь отметим лишь новейшие опыты американских психологов и врачей, которые, оставив без внимания наследственно передаваемую бытовую обстановку и экономические условия отчаянной нищеты, беспризорности и вынужденного бродяжества, решили выделить категорию наследственных рецидивистов и добились для них закона об обязательной кастрации, в целях лишения их возможности иметь потомство, а, следовательно, и передать ему наследственное вырождение и пороки. И как показывает американская действительность, добродетельные и благонамеренные янки не затруднились искалечить сотни людей во имя безопасности капиталистических верхов и обеспеченного среднего класса. Только новейшая теория деятельности эндокринных желез опрокинула теоретически это дикое варварство и прекратила один из видов классовой психологии, сопровождаемой изувечением классовых же врагов.

Вторым образчиком столь же предвзято направленной психологии является учение о психике масс, где были провозглашены изумительные вещи С нарушением всех приемов и методов положительной науки были подобраны факты, рисующие массовые преступления и изуверства, совершенные во время революций и восстаний различными скоплениями, так называемого, «народа». Все внимание было при этом обращено именно на «низшие классы», при чем не делалось различия между простой городской чернью (люмпен-пролетариат), отсталыми крестьянскими массами или современным фабричным пролетариатом. Все это сваливалось в одну кучу; живо писались яркими красками всякие зверства, и затем под пером таких исследователей, как Сигелэ, Тард, и в особенности Ле-Бон, создавался настоящий обвинительный акт против животности, скотства и стадности так представляемой «демократии». Подвиги реакции при этом благоразумно замалчивались, зверства разных охранительных и карательных организаций — белых, шуанов, роялистов и прочих усмирителей ставились под почетное знамя порядка и культуры, а вывод гласил — всякий социализм, который должен передать власть в руки трудящихся масс, есть переход к анархии и бандитизму, ибо в таком случае неизбежно господство преступной толпы со всеми присущими ей чертами кровавого безумия

в отличие от организованного общества буржуазии, где культурная личность обладает разумной дисциплиной характера и проникнута правовым принципом свободы и частной собственности... Подобную психологию (см. «Психологию социализма» Ле-Бона) вряд ли можно назвать беспристрастным научным исследованием...

Насколько легко психология запутывается в классовых противоречиях показывает, наконец, тот факт, что даже некоторые ученики клинициста и экспериментатора Фрейда превратили его замечательное учение психоанализа в орудие пошлой политической пропаганды. Так, в борьбе социалистов-соглашателей против пресловутых ужасов большевистской диктатуры был выдвинут и такой, с позволения сказать, «психоанализ», который объявил коммунистов и большевиков страдающими возвратом к детству и дикарству, так что они, дескать, охвачены ребяческим слабоумием, увлеклись, как дети, несбыточным бредом коммунистического рая, подпали под гипнотическое воздействие марксовой теории и с беспомощностью слепых дикарей последовали в полном опьянении за своими вождями, к которым они относятся не иначе, как к «папаше» или «мамаше», на манер несмысленных детей. Если прибавить, что эта картина насыщается еще в достаточной степени различными извращениями полового чувства (либидо) и первобытного фетишизма, то новейшая «психологическая» теория», как ее строит хотя бы Кольнай, выступает во всеоружии своей объективности... Подобные учения прибавляют мало чести психологам и психологии и, само собой, далеко не способны внушить доверие к наукам о психических явлениях. И однако же этот вопрос надо поставить сейчас именно с марксистской точки зрения, т. к. лишь этим путем мы можем притти к созданию настоящей науки в данной области, а вместе с тем сумеем оценить и то, что сделано здесь новейшей психологией в ее новом материалистическом построении.

Трудно поэтому согласиться с т. Бухариным, который, с одной стороны, признает психологию, хотя и отождествляет ее с идеологией, а с другой—самым резким образом протестует и предостерегает против научного использования данных психологии, а равно против занятия этой «опасной» наукой. Да, мы с ним согласны, что психология в своем старом виде жестоко заражена идеализмом и отмечена проклятием классовой идеологии. Но есть психология и психология. И это значит игнорировать успехи современной науки и насущнейшие запросы марксистской теории и практики, если одним махом пера вычеркнуть из области нашего знания колоссальную массу психологических данных и построенную на этом основании глубокую и практически важную науку. Ибо в настоящее время мы обладаем и экспериментальной психологией, и рефлексологией, и биогенетической психологией, и, что еще важнее, научно построенной психотехникой.

Психология без души.

Для того, чтобы решить вопрос об использовании современной психологии марксизмом, необходимо, прежде всего, ознакомиться с самым положением как психологии, так и смежных с нею наук. И действительно, мы в этой области находим настоящий, разительный переворот. Перемена здесь настолько значительна, что среди психологов даже возник вопрос о том, сохранить ли прежнее название для этой науки. Психология, ведь, в точном переводе с греческого обозначает науку о душе (психе—значит душа). Между тем, современные психологи обходятся совершенно без какого бы то ни было признака старой души и считают, что самое это понятие не только излишне, но и прямо вредно. Предметом психологических исследований в настоящее время является отнюдь не душа, а та самая деятельность мозга и нервов, о которой неоднократно упоминали и Маркс, и Энгельс, и которая представляет собой лишь своеобразный подход к тому же самому физиологическому процессу. Современная психология есть наука без души. Она исследует жизнь нервов и мозга не с физической стороны, а со стороны всего поведения человека и лишь этим отличается от физиологии. Предмет исследования у них один и тот же и совершенно одинаково обе эти науки становятся на твердое материалистическое основание.

Понятно из сказанного, что ныне мы встречаемся с обильным предложением новых названий для новой по существу науки. Так бы оно и следовало сделать, чтобы прекратить всякие недоразумения и возможную подстановку старой нашей знакомки под совершенно новые понятия. Лучше всего, конечно, не вливать новое вино в старые меха. Вот почему одна школа (Бехтерев) предлагает новую психологию назвать объективной психологией или рефлексологией, т.-е. наукой о рефлексах или, иначе говоря, о тех процессах в мозгу и нервах, которые являются результатом внутренних и внешних раздражений. По той же причине современные английские и американские психологи (Мак-Даугол, Уотсон и другие) заменяют психологию понятием «бихевиоризма» от английского слова «бихевиор», что означает поведение, так как они подходят к психике исключительно с точки зрения поведения человека. Другие ученые ищут различных новых терминов, то в виде «научной психологии» (Блонский), то «социальной физиологии» (Залкинд), то — в виду господства эксперимента в новой психологии—предлагают назвать ее «экспериментальной» или наукой о реакциях человека «реактологией» (Корнилов).

К сожалению, до сих пор еще не установилось более или менее прочно какое-либо новое название, и нам пока приходится пользоваться старым обозначением, но, конечно, с тем, что под это достаточно скомпрометированное название

приходится подставлять совершенно новое содержание. Наша новая психология является, таким образом, одною из естественных наук, имеющей дело с материальным процессом в нервно-мозговой системе человека. Она отличается от физиологии лишь тем, что, как мы уже отметили выше, она подходит к указанному процессу не с одной физической стороны, а со стороны всего поведения, т.-е. сопоставляет с физиологическими изменениями те отражения, которые падают на нашу отражающую пластинку, как свет на светочувствительную пластинку фотографического аппарата и вызывают различные движения в ответ. Такое изучение дополняется материальной проверкой при помощи использования различных чувствительных аппаратов, которые являются как бы продолжением во внешнем мире нашей воспринимающей машины. Совместно с нашими глазами работает фотография, которая видит, подобно нашему глазу и снабжает его картинами, снятыми при помощи микроскопа или направленного к звездному небу телескопического стекла. Наше восприятие звука дополняется различными микрофонами так же, как обоняние химическим опытом. Наша психика в настоящее время вообще настолько осложнена при помощи воспринимающей, отражающей, закрепляющей и совершенствующей ее аппаратуры, а старая «душа» настолько растворилась во всевозможных технических приспособлениях, что от нее в действительности не осталось ничего. Старую душу наука в значительной степени заменила дополняющей физиологию исследовательской техникой.

Указанный характер современной психологии заставляет нас поэтому самым настойчивым образом потребовать пересмотра отношений некоторых кругов марксистской науки к психологии. Экспериментальная наука уже, благодаря своему материальному методу, обладает полным правом на признание ее работы, достаточно далекой от старой метафизики Но к этому присоединяется еще и другое обстоятельство. Новейшая психология не только родная сестра положительной физиологии, но, можно сказать, без последней не могла бы существовать ни одного дня. Новая психология работает в тесной связи с физиологией, так как является лишь ее дополнением, исследованием в целом того процесса, который в физиологии изучается лишь с одной стороны. По существу и физиология и новая психология являются органическими составными частями одной объединенной науки, у которой, к сожалению, до сих пор еще нет своего особого имени. Факт, как всегда, предшествует здесь и понятию, и соответственному термину. Но такая связь между двумя науками необходимо требует одного. кто хочет понять современную психологию, может к ней подойти только через физиологию, и лишь усвоив важнейшие победы этой последней в связи с завоеваниями других естественных наук, мы можем оценить значение такой психологии для теории исторического материализма.

Уже открытие Лебом его знаменитых «тропизмов» было целым переворотом в науке. Этот ученый исследовал целый ряд реакций живых существ, растений и насекомых на различные раздражения и пришел к удивительным выводам. Его заинтересовал тот факт, что растения стремятся к солнцу, поворачивают к свету верхнюю поверхность листьев и венчики своих цветов. Точно также обратило его внимание на себя стремление насекомых к свету, которое в наиболее ярком случае дает настоящую гибель массы насекомых, безудержно стремящихся на пламя свечи или стекло зажженной лампы. Как известно, такому движению соответствует и стремление на свет пролетающих птиц, которые разбиваются о стенки зажженного фонаря на маяке и погибают тысячами. Подробные исследования этих и аналогичных случаев заставили притти Леба к убеждению, что тут меньше всего действует какое-то сознание, воля или даже инстинкт. Оказалось, что все дело сводится к определенному физико-химическому процессу, который неуклонно поворачивает к свету части живого тела и этим предопределяет кажущееся их стремление. Леб даже построил своего рода искусственное животное, способное двигаться на колесах и снабженное стеклами и светочувствительными поверхностями. Когда «глаза» такой машины были подвергнуты влиянию света в разных положениях, она поворачивалась и шла к нему, как живое существо, обладающее зачатками психики. Такие реакции физико-химического свойства, дающие картину произвольного движения, Леб назвал тропизмами и вместе с тем перевел в разряд чисто материальных механических явлений то, что до сих пор было, казалось, неразрывно связано с наличностью живого организма.

В наше время академик Лазарев производит еще более интересные опыты, которые, в случае своего удачного завершения, обещают нам новое замечательное открытие. Мы говорим здесь о его ионной теории нервного раздражения, которая исследует процесс, происходящий в наших нервных и мозговых клетках во время прохождения нервного тока. Как кажется, Лазареву удалось выяснить физический процесс, лежащий в основе нашей нервной деятельности. По его теории мы здесь встречаемся с непрерывным рядом друг за другом следующих взрывов или химических процессов, которые и дают не уменьшающуюся от начала до конца силу раздражения. Путь, на который стал здесь Лазарев, может привести не только к сведению нервно-мозговых процессов к явлениям материальной энергии, но и поставить в связь эти совершающиеся внутри человека физические процессы с внешней природой. Весьма возможно, что целый ряд явлений, так называемой, «телепатии» или мысленного сообщения на пространстве получит твердую научную почву по аналогии с беспроволочным телеграфированием, где волны определенной длины получают возможность передавать движение от исходного пункта тем или другим приемникам. Исследования Лазарева не

являются одинокими в области физиологии и психологии. Мы имеем среди физиков ряд крупных имен, начиная с Гельмгольца, которые сделали чрезвычайно много для уяснения наших, так называемых, душевных процессов, а в частности в области ощущений и восприятия чувств. Сейчас этим вопросом занимаются и наши рефлексологи (См. сборник «Новое в рефлексологии»).

Не менее значительна здесь теория рефлексов, которая была в свое время обоснована И. Сеченовым, а в настоящее время разработана акад. Павловым и Бехтеревым. Здесь мы встречаемся опять-таки с чисто физиологическим подходом, который дал чрезвычайно много для современной психологии. И. Сеченов, а за ним Павлов установили в качестве основного процесса нашей нервно-мозговой деятельности рефлекс, который состоит в определенном ответном раздражении наших двигательных нервов, отвечающих этим путем на раздражение, полученное чувствительно-нервной системой и переданное им в той или иной связи с центральными органами мозга. Рефлекс, таким образом, дает своего рода рефлекторную дугу, где в начале имеются воспринимающие концы чувствительных нервов, воспринимающие внешнее или внутреннее раздражение. Такое раздражение ведет за собой своего рода замыкание тока, который стремится к центральной нервно-мозговой системе. Здесь полученное раздражение в свою очередь вызывает определенный разряд, захватывающий более или менее широкую область нервных путей и клеток, пока, наконец, этот разряд не устремляется по выводящим нервным путям к двигательной системе и здесь порождает то или иное сокращение наших мускулов.

Такое объяснение нашей психической жизни перевернуло вверх дном старую психологию, которая различала, как известно, отдельные силы в виде полунезависимых областей чувства, мысли и воли. Все эти сущности, к изучению которых сводилась старая наука, оказались или несуществующими вовсе, или целиком исчерпанными работою рефлексов. Разорванная на чувство, волю и разум душевная жизнь в новой теории получила полное единство. Всякое «чувство» оказалось неразрывно связанным с «разумом» и порождающим тот или иной акт «воли». Единая рефлекторная дуга объединила эти проявления душевной жизни, так что не оказалось ни чувства без воли, ни разума без предшествующего чувства и последующей воли, или, говоря языком науки, всякое чувствительное раздражение неминуемо дает разряд и в нервных центрах, и в мускуло-двигательной системе. Вместе с тем, такое понимание нервно-мозговой работы сняло и ореол сознательности, которым были окружены идолы старой психологии. Ибо рефлекс, не изменяя своей природы, может или проходить через высшие центры сознания или же миновать их и передаваться через другие нервно-мозговые центры вплоть до спинно-мозговой системы. Разница между бессознательной жизнью и сознанием оказалась лишь количественной,

но не качественной, так как весь вопрос здесь в том, как много различных нервных путей затрагиваются и раздражаются при получении определенного разряда. Благодаря этому стерся и резкий качественный переход между сознанием и бессознательной рефлекторной жизнью.

Теория Павлова не имела бы такого громадного значения для психологии и в частности психологии общественной, если бы этот ученый не установил одного, в высшей степени важного, различения. Изучая рефлексы, он установил среди них две типичных группы. Одна из них является результатом непосредственного физико-химического раздражения, как например, поступления кислоты на язык, что и дает соответственное выделение слюны. От такого «безусловного рефлекса» Павлов отличает, так называемые, «условные рефлексы», которые не связаны непосредственно с физико-химическим раздражителем, но устанавливаются в связи с наличностью безусловных рефлексов при помощи таких раздражителей, которые предшествуют им или же сопутствуют. Такие раздражители могут состоять в различных звуковых, световых и тому подобных сигналах, сопровождающих появление безусловного рефлекса. Как доказал Павлов при помощи многочисленных опытов, такие сигналы вызывают реакцию организма нисколько не хуже безусловного раздражителя, если только в течение известного времени они были с ним связаны. Таким образом, световой сигнал способен вызвать у животного выделение слюны, если даже за ним не следует непосредственного предложения пищи. И лишь в том случае, когда такой сигнал в течение некоторого времени не сопровождается безусловным рефлексом на физико-химического раздражителя, он постепенно гаснет и, наконец, теряет совсем свою раздражающую силу. В новейшее время теория рефлексов получила новое дополнение в виде учения проф. Ухтомского, который доказал, что рефлексы, в свою очередь, объединяются в особых центрах сильнейшего возбуждения и складываются в, так называемые, «доминанты», которые затем или тормозят другие рефлексы, или прямо притягивают к себе их энергию. На социальное значение таких «доминант» особенно указал тов. Залкинд.

Важность открытия условных рефлексов и их объединений выясняется для нас с особенною силой, если мы сопоставим с этим открытием биологические законы борьбы за существование, известные нам со времени Дарвина. Ибо несомненно, что живое существо, с одной стороны, закрепляет в себе наиболее удачные условные рефлексы в качестве наследственного достояния и тем повышает приспособление данного вида к окружающей среде, а с другой,—постоянно совершенствует жизненный опыт путем образования условных рефлексов и соответственных доминант и, таким образом, приобретает возможность пластического приспособления к изменчивым условиям существования. Как мы увидим ниже, образование условной сигнализации, связанной

с благоприятными или опасными явлениями окружающего мира, является важным фактором в общественной жизни человека, где при помощи материально выраженных знаков и сигналов образуется целая система искусственных раздражителей, при помощи коих человечество закрепляет свой коллективный опыт, передает его последующим поколениям и постоянно улучшает свое техническое овладение миром. Теория рефлексов Павлова в настоящее время является прочным завоеванием науки, и для марксиста здесь должно действовать лишь одно предупреждение: нельзя никоим образом допускать скороспелых обобщений на ее основе и попытки превращения ее в универсальный рецепт для объяснения мира. Идеалистически настроенная философия уже сейчас пытается придать павловскому материализму именно такой характер и использовать его, как основу, для классовых и политических требований. К сожалению, в этом виноват отчасти и сам Павлов, который не удержался от неоправданного расширения своей теории и уже соорудил такие рефлексы, как «рефлекс цели» или «рефлекс свободы». На этом пути нам с Павловым не по дороге.

К области физиологии относятся и некоторые другие открытия современной науки, которые были сделаны не столько физиологами, сколько врачами К таким победам материализма следует отнести изумительные опыты, проделанные в области изучения деятельности наших внутренних желез. Это теория, так называемой, эндокринной системы. Под этим именем разумеется сейчас твердо установленный и экспериментально проверенный факт, состоящий в выделении особых химических раздражителей или гормонов, которые являются результатом деятельности различных желез, как-то: щитовидной, поджелудочной, половой и т. п.. Раньше значение этих желез было совершенно от нас скрыто. Теперь, в особенности, благодаря работам Штейнаха, Воронова, Кеннена и врачей индианской школы Америки, мы уже твердо знаем, что именно эти железы дают возбудителей и тормозов для нашей жизненной энергии, а в частности обусловливают и ту деятельность, которая в старой психологии приписывалась бессмертной и независимой от тела душе. Блестящие опыты излечения идиотизма при помощи прививки щитовидной железы и практика омоложения так же, как изменения второстепенных половых признаков при помощи операции на половой железе и ее пересадке, а равно связь наших эмоций (возбуждений) с выделениями надпочечной железы (адреналин) доказали совершенно неопровержимо, что наша душевная жизнь в своем высшем проявлении обладает химико-физиологическим источником, который лишь воспринимается нами, как энергия, стремление к творчеству, энтузиазм, страсть и т. п.. От той же эндокринной системы зависит и работа нашего разума, дающего тем более богатые связи рефлексов, чем сильнее работают химические продукты внутренней

секреции. Духовное воздействие на человеческую душу заменяется оперативным вмешательством и пластической хирургией.

С другой стороны, к тем же вопросам подошли психиатры и психопатологи. Началось и здесь с учения, которое вначале было признано шарлатанским. Это — учение о внушении и гипнозе, перешедшее в конце-концов из рук дилетантов в клиники врачей. Благодаря ряду серьезных исследований Льебо и Бернгейма, Жанэ, Фореля и многих других была открыта новая область психических явлений, которая лишний раз подтвердила физиологические опыты рефлексологов. А именно, было установлено бесчисленными опытами, что действительно подавляющую часть наших переживаний составляют явления подсознательной жизни, которые проходят мимо высших центров нашего мозга и, таким образом, являются подсознательными или сублиминальными (суб лимине — значит по-латыни — под порогом). Врачи, применившие эти открытия специально к лечению невротиков и психопатов, естественно обратили главное внимание на патологические или болезненные формы проявлений подсознательной жизни нервно-мозговой системы. Их заинтересовала подсознательная жизнь человека в состоянии истерии и невроза, в состоянии искусственного гипноза и клинического внушения, выявляемая, наконец, в раздвоении личности, снохождении (лунатизме) и т. д.. Но переход от этих болезненных форм к нормальным был очень легок. И уже упомянутый выше Джемс в своей психологии применил добытые результаты к характеристике жизни нормального человека, который оказался в подавляющей степени ареной для проявления массы бессознательных процессов, связывающих его поведение с внешними и внутренними раздражениями самого различного типа.

Наиболее ценным в данном случае было окончательное устранение иллюзии, будто человек есть существо, всегда и везде сознательное. И если обратное положение уже достаточно обосновали физиологи, то психопатологи и психиатры подошли к этому процессу со стороны психологической, вернее психиатрической, и целиком подтвердили выводы физиологов. Они дали вместе с тем и самостоятельный результат Благодаря их работам мы имеем различнейшие типы психологических извращений, которые совершенно помимо воли и желания человека, попросту без его ведома, искажают и уродуют отражения действительности в мозгу и подставляют вместо них дикие и фантастические представления, властно направляющие его деятельность. Благодаря этому мы теперь, во-первых, твердо знаем, что отражение мира в мозгу испытывает порою жестокое искажение благодаря болезненному состоянию психического аппарата, а во-вторых, таким образом на поведении человека и человеческих масс резко отражается и то, что можно было бы назвать индивидуальным, т.-е. связанным с личной конституцией организма, фактором поведения. Между реальной средой, побеждаемой

при помощи производства и связанных с ним отношений, таким образом, стоит психический аппарат с его нормальными и ненормальными свойствами, как среда преломления, через которую проходит реальность, вызывающая наше к ней приспособление.

Те же психиатры не могли оставить без внимания и случаев массовых болезненных расстройств психического аппарата. По аналогии с инфекционными болезнями и здесь применили название душевной заразы и массовой психической эпидемии. Конечно, здесь мы не имеем пока никаких микробов подобной заразы. В этом отношении сходство между инфекционными болезнями (люэс, туберкулез, малярия) и психическою заразой совершенно отсутствует. Массовое расстройство нервно-мозгового аппарата является результатом воздействия определенной внешней среды, экономических и общественных условий. Но факт наличности такого массового невроза или помешательства установлен достаточно твердо. И такой факт для социолога имеем, конечно, особое значение. И хотя мы еще не имеем в этой области исчерпывающих монографий даже относительно религиозных помешательств, не говоря уже о различных «танцевальных» (хореических), «тюльпанных» или «спекулятивных» помешательствах, но факт остается фактом и принуждает нас исследовать в общественных науках не только непосредственную связь между внешней средой и реальными формами активного приспособления, но и состояния массовой психики, дающей полную неспособность данной группы поддержать, а тем более привести в действие и усовершенствовать уже ранее выработанные средства производства. Важно, ведь, не только установить наличность крушения той или иной культуры, но необходимо знать, какие причины приводят к возникновению известных типов массового помешательства. Ибо человек сам творит свою историю.

Теория Фрейда явилась дополнением и завершением учения о бессознательной жизни нашей психики в том смысле, что она внесла ясность в некоторые темные и нераскрытые стороны этого процесса. Мы уже видели раньше, как тот же Джемс использовал некоторые темные пункты учения о подсознании. Фрейд, работавший первоначально исключительно с лечебными целями, применил, подобно французскому психиатру Дежерину, так называемый, психоанализ, т.-е. особый метод, который пользуется выяснением объективного состояния психики через посредство высказываний пациента и материала его сновидений. Психоанализ тем отличается от внутреннего самоанализа старой психологии, что он отнюдь не принимает высказывания больных за объективную характеристику их состояния. Эти высказывания — лишь клинический материал, который затем используется согласно положительным данным науки. При помощи такого психоанализа Фрейду удалось установить господствующее

сексуальное (половое) содержание нашей подсознательной энергии, что совпадает с выше приведенным учением о значении эндокринной системы. Эта первоначальная энергия, однако, оказалась способной к переходу в другие формы энергии, вплоть до самых высших ее типов художественного и научного творчества. Такой переход энергии или сублимация явился результатом борьбы за существование, принудившей человека обратиться к познанию внешнего мира, самозащите и самосохранению. Так, в противоположность системе чисто сексуальной, с ее принципом приятного и неприятного, создалась система самосохранения с ее основным началом познания реальности. В противоположность сексуальному подсознанию так родилось обращенное к внешнему миру самосохранение, и с ходом развития культуры последнее совершенно вытеснило сексуальную сферу и перетянуло к себе подавляющую массу первоначальной энергии путем ее превращения или сублимации. Фрейд наметил, хотя и недостаточно разработал, еще третью, стоящую между сексуальностью и сознанием, систему, которую он назвал предсознанием и которую, как кажется, было бы правильно отнести к тому виду сублимированной первоначальной энергии, которую мы назвали бы специально направленной к деятельности организующей, формальной или эстетической.

Как очевидно, теория Фрейда выдвинула много новых положений, мимо коих не может пройти общественник. Но, может быть, еще важнее было то обстоятельство, что Фрейд путем психоанализа вскрыл в психическом опыте человека изумительные остатки древнейшей его культуры. Это удалось ему сделать специально благодаря анализу душевного развития ребенка, в котором оказались на первый взгляд совершенно непонятные представления, совершенно не отвечающие современной внешней культуре. При сравнении таких явлений с жизнью современных отсталых народностей (дикарей) нашлось большое сходство в поведении этих народов, во многих отношениях застрявших на древнейшей ступени развития, с поведением ребенка. Когда с этими фактами были сопоставлены данные, рисующие по дошедшим до нас памятникам жизнь первобытного человека, то эти сходства нашли еще одно подтверждение в древнейшей жизни и представлениях человечества. Совпадение таких фактов подтвердило лишний раз учение современной американской школы (ср. Болдуин) о том, что психическое развитие человека повторяет в своем индивидуальном развитии (онтогонез) черты коллективного развития человеческого рода (филогенез), при чем именно в детстве человек переживает остатки своего древнейшего прошлого, которые в нормальном случае сменяются высшими ступенями, пока не доходят с наступлением зрелости до уровня нашего времени. Эти положения Фрейда дали нам возможность заглянуть в самую глубь некоторых произведений культуры, а в частности, в корни религии, которая с этой точки зрения оказалась весьма грубой

сублимацией сексуального (полового) чувства, игравшего большую роль именно в первобытном существовании человека.

Мы бы сделали большое упущение, если бы не завершили настоящего очерка важнейших достижений новой психологии указанием на переход этой науки к созданию своего рода психической техники, или, как она называется, психотехники. Под этим именем мы разумеем практическую психологию, которая пробует применить добытые положительной психологией данные к непосредственному воздействию на жизнь в различных общественных целях. Конечно, практически и до современной научной психологии человечество бессознательно и находило, и применяло на практике различные приемы воздействия, которые должны были или через посредство физиологии и медицины, или при помощи различных средств психического давления так или иначе урегулировать как индивидуальное, так и коллективное поведение людей. Достаточно упомянуть здесь применение различных способов питания (посты), различных образов жизни и быта (монастыри, казармы, самоистязания аскета) для того, чтобы представить себе значение старой психотехники. Особенно она применялась хозяевами по отношению к трудящимся, властями по отношению к подданным и воспитателями—к их детям и питомцам. И надо признать, что некоторые способы психического воздействия и в древности (террор) и, особенно, в настоящее время (печать, общественное мнение) достигли высокой степени совершенства. Но, конечно, такая более или менее случайная и эмпирически построенная психотехника никоим образом не может итти в сравнение с ее современными методами и достижениями.

Отметим здесь специально новую отрасль, которая строится целиком на основании научной психологии. Это — наряду с педагогикой психотехника хозяйственной жизни, достигшая громадного развития под влиянием роста современного капиталистического производства. Здесь уже прямо выдвигается психический аппарат, как индивидуальная производительная сила, и подвергается использованию, подобно пару и электричеству, на основании данных строгой науки. Производится научная оценка дарований и способностей и на этом основании производится отбор работников, особенно способных к данному производству. Также научно устанавливаются внешние условия труда, начиная с освещения и кончая посадкой или ритмом работы. Высчитываются точнейшим образом физиолого-психические процессы и кладутся в основу интенсивности труда. Также научно распределяется отдых в целях наилучшего использования рабочей силы, учитываются даже, наконец, различные эстетические влияния вроде музыки, сопровождающей трудовой процесс. Все здесь направлено к возможно полному исчерпыванию и наиболее производительному расходованию рабочей силы. Но наряду с этим мы имеем психотехнику торгового оборота, где научно строятся методы рекламы, построенной на основе массового внушения.

Изучаются способы воздействия непрямого внушения в области выставок и витрин и т. п.. Одним словом, мы здесь имеем уже ту технику, которая так же, как техника в науках естественных, способна дать окончательную проверку теории и поставить ее на бесспорное основание практически проверенной истины.

В данном, весьма кратком, очерке мы коснулись лишь наиболее главных достижений современной психологии, и уже на основании приведенного материала мы можем дать некоторый ответ на поставленный вначале вопрос. Мимо такой психологии исторический материализм пройти не может. Огульное отрицание ее поэтому является плодом или чудовищного недоразумения, или же полного незнакомства с современными ее достижениями. Отрицание психологии в марксистском лагере тем более непонятно, что само учение Маркса и Энгельса в значительной степени использовало некоторые положительные данные старой психологии и, как мы постараемся выяснить ниже, построило в связи с общим своим учением и некоторую психологическую конструкцию, которая, представляясь в XIX веке большим новшеством, в настоящее время и подтверждается и дополняется данными новой положительной психологии.

Психология в свете марксизма.

Для выяснения связи между историческим материализмом и психологией отметим, прежде всего, общий характер этого учения.

Как известно, исторический материализм отличается одной господствующей чертою. Эта теория рождена не отвлеченным знанием или естественными науками. В центре ее стоит живой человек, как он дается реальной действительностью в ее историческом развитии. Это не отвлеченный человек XVII или XVIII веков, как его изображали теории естественного права, разума и природы. Это вместе с тем не результат сентиментальной фантазии, которая создает в романтическом образе предмет своих безбрежных симпатий и мечтаний. Живой человек марксизма — это есть человек, исторически пришедший путем труда и технических изобретений от полуживотного состояния к современной своей природе. Это реальный человек общественного стада, а затем социально расчлененного общества. Это деятель, который противоставит ей (природе) организацию, основанную на активном приспособлении или производстве. Существо, которое работает не одними руками, но всей мощью своего нервно-мозгового аппарата и вместе с тем под влиянием им же самим созданной технической обстановки претерпевает существенные изменения своей прирожденной конституции (организма). Это, наконец, создатель искусственного мира, при помощи которого он побеждает природу и устанавливает сознательную и целесообразную организацию борьбы с ней.

Теория, которая устанавливает в качестве исходного пункта производство и связанный с ним труд, естественно должна была обратиться и к некоторым психологическим категориям. Но, конечно, отсутствие научной психологии во времена Маркса и Энгельса отразились и на их психологических положениях. Поэтому, мы встречаем в их трудах некоторую неопределенность: ведь в их времена объективная психология почти не существовала, а физиологический материализм Молешотта или Бюхнера справедливо вызвал резкое осуждение со стороны основоположников марксизма. Примером такой неопределенности терминологии и Маркса и Энгельса является сочетание двоякого рода терминов, обозначающих собою психическую деятельность общественного человека. С одной стороны, эти термины внешнего объективного и материального характера, вроде «производство идей», «идеологическая надстройка», «мозг человека», «головы людей» и т. п., а с другой — все же «чувство», «страсти», «сознание», «воля» и т. п.. Терминология первого характера дает совершенно определенный внешний процесс и такие же явления, терминология второго характера невольно возвращает нас к некоторым субъективным обозначениям, так называемых, «внутренних переживаний».

Для марксистов, прошедших более углубленную школу, конечно, в этой терминологии нет ничего смущающего, и когда Маркс или Энгельс прибегают к психологическим определениям, словно заимствованным из психологии «души», то мы прекрасно знаем, что дело здесь идет не о процессе, оторванном от материи, который, якобы, подчиняется своим собственным законам, но о таких явлениях, которые и определяются целиком материальными условиями производства и воспроизводства жизни, и получают значение лишь постольку, поскольку они выражаются в реальнейших фактах общественного поведения, а в частности, в производственной деятельности человека. Особенно замечательным в этой терминологии является употребление обозначений, имеющих материальный характер, прямо отрицающий обычное словоупотребление. Ибо с точки зрения субъективной психологии совершенно немыслимо говорить о «надстройке», так как это термин не только материального, но какого-то даже материально-строительного или архитектурного значения. Точно также непонятным на первый взгляд представляется употребление слова «производство» по отношению к идеям. Ведь, под словом «производство» мы понимаем строго материальную деятельность, направленную к созданию столь же материальных ценностей. Однако, предполагать, что здесь идет дело лишь о некоторой поэтической вольности не приходится. Слишком часто и притом в научно-теоретическом контексте употребляются подобные обозначения. Невольно, поэтому, мы склоняемся к мысли, что такие материальные обозначения столь, казалось бы,

идеальных вещей, как идеи, идеологии и т. п., имеют какой-то более серьезный и существенный смысл.

Мы здесь подходим к одному из важнейших вопросов теории исторического материализма, на котором пока и остановимся. Этот вопрос мы можем формулировать, как проблему материальности идей. Она особенно важна потому, что в марксизме при желании можно усмотреть какое-то раздвоение и двусмысленность, порождаемую его учением об экономической структуре и идеологических надстройках. Получается как будто два отдельных мира — материальный и идеальный, между которыми лишь отношение находится в обратном направлении, чем это провозглашалось идеалистической философией. Ведь, там тоже было два отдельных мира — мир материи и духа, при чем, конечно, определяющим и важнейшим являлся дух. Если даже принять положение Маркса, переворачивающее в обратном порядке отношение между духом и материей, при чем решающей становится материя, а подчиненным дух, то все же остается наличность каких-то двух начал, совершенно в смысле дуалистической философии идеализма. Отсюда, ведь, недалеко и до их параллельного развития, так же как независимости этих самостоятельных сил. Конечно, ничего нет более противного учению исторического материализма, как подобное предположение. Однако, Маркс недаром приводит в послесловии ко второму изданию «Капитала» ссылку на критику его произведений, где ему делались упреки и в «метафизической» точке зрения, и «идеалистической» форме изложения.

Если мы хотим, однако, проверить с точки зрения современной науки тот процесс, путем которого переведенное и переработанное в человеческой голове материальное становится идеальным и дает картину производства идей, то для этого нет лучшего способа, как обратиться к данным современной физиологии (учение Павлова) и биологии (Дарвин), чтобы вскрыть тот смысл, который был еще не вполне ясен и самому Марксу в его гениальных догадках. Установим для этого, прежде всего, подлинное учение марксизма. Итак «идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное». «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые, отношения, — производственные отношения, — которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройки, и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

«Представления, воззрения и понятия, словом, сознание людей меняется с изменением их образа жизни, их общественных отношений, их общественного бытия. Что же иное доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным». «Последние причины всех общественных изменений и политических переворотов нужно искать не в сознании людей, не в их прогрессирующем понимании вечной истины и справедливости, а в изменениях в способах производства и обмена; их нужно искать не в философии, а в экономии данной эпохи». «Непоследовательность... старого материализма... заключается не в том, что идеальные движущие силы вообще признаются, а в том, что от них не идут дальше к их движущим причинам». «Все, что побуждает человека к деятельности, должно пройти через его сознание, но в какие образы это отольется в данном сознании, зависит от обстоятельств»...

Мы бы могли продолжить еще дальше подобные положения. Мы не делаем этого, так как предполагаем их достаточно известными, а приведенных цитат вполне достаточно для того, чтобы напомнить основное учение Маркса и Энгельса об отношении между бытием и сознанием, материальным и идеальным, истинными движущими силами, которые коренятся в экономике и идеальными движущими силами, которые являются лишь отражением первых в мозгу человека, притом, надо отметить, порою в весьма фантастических формах даже разных «небесных» идеологий. Нас здесь интересует психологический подход. Все время идет речь о сознании, идеях, убеждении или страстях, всевозможных мотивах и т. п.. С другой же стороны, все эти, на первый взгляд, субъективные явления именуются надстройками, для сооружения коих имеется производство. С точки зрения психологии здесь, поэтому, необходим вопрос: что же понимали Маркс и Энгельс под этими психологическими явлениями? Были ли это действительно факты психической деятельности человека, как разумела их старая психология? И не является ли, следовательно, обязательным для марксиста обратиться к методам старой психологии, чтобы выявить эту «идеалистическую» сторону марксова метода и оттенок «метафизики», в котором его упрекали?

Если стать на такую точку зрения, то получается положение безвыходное. И раз мы желаем уяснить, прежде всего, содержание всех вышеуказанных идей, идеалов, мотивов и пр., которые находятся в человеческом сознании, то, очевидно, нужно обратиться к тем людям, в головах которых проходят эти процессы сознания и стараться извлечь на основании их субъективного анализа или самонаблюдения и (соответственного) высказывания (интроспекция) то, что они думают по тому или иному поводу, при чем мы наперед знаем, что их мнение о самих себе менее всего отвечает действительности и судить о них

по тому, что они сами о себе думают, было бы совершенно наивной ошибкой. Совершенно ясно, что этим путем мы не получим никаких материалов сколько-нибудь серьезного характера. Ибо субъективизм подобных индивидуальных самонаблюдений или интроспекций положительно безграничен. Сведение такого пестрого и хаотически случайного материала к чему-то единому превышает силы самого крупного ученого. Сопоставление определенных материальных явлений экономического характера и личных мнений со всеми их оттенками произвольно взятой массы голов не может дать никаких определенных выводов. И казалось бы, отсюда законен вывод, который сделан Бухариным, а именно, что несмотря на весь психологизм марксистского учения, следует отбросить всякую психологию, а заменить ее изучением одних идеологий. Такое положение, как будто, оправдывается тем фактом, что у Маркса и Энгельса, поскольку идет речь о различных явлениях сознания, страсти, мотивации и т. п., все время упоминаются также идеи или идеологии, а иногда даже говорится о «сознании эпохи» или о «юридических, политических, религиозных, художественных, или философских, короче говоря, идеологических формах».

Однако, на это необходимо возразить, что самое употребление нашими основоположниками психологических терминов должно иметь определенный смысл уже потому, что они совершенно сознательно пользуются ими наряду с понятием идеологии и отнюдь не смешивают их. У людей, которые так осторожно пользуются терминологией, как Маркс и Энгельс, подобное использование психологических обозначений не может быть каким-то поверхностным и легкомысленным словоупотреблением. И раз они говорят отдельно об идеях и идеологиях и отдельно о страстях, убеждениях, побуждениях и мотивации, то очевидно, они желают провести некоторое различие между тем и другим. С другой стороны, Маркс и Энгельс, если бы они действительно сводили всю психологию только к идеологии, то в таком случае они бы не делали тех многочисленных психологических характеристик, которыми полны их произведения. Как я писал в другом месте: «Они всегда вводили нас в живую лабораторию классового сознания и показывали, как определенная классовая группа подвергалась влиянию данных производственных условий. Как в ней развивались крайняя бережливость и жадность, доводящая страсть к накоплению до фанатического самоограничения. Как при других условиях росла страсть к наживе и заражала бандитизмом первоначального накопления крупные объединения авантюристов, охотников за неграми и слоновой костью. Как определенная хозяйственная среда приводила к извращению самых естественных инстинктов и превращала родителей в торговцев своими собственными детьми. Как, благодаря изолированности мелких крестьянских хозяйств и косности их производства, создавался сельский «кретинизм». Как профессионалы

мысли и ремесленники духа из идеологов класса вырождались в самодовольных жрецов. Как... развивались психические силы революции и в одном месте освещали бенгальским огнем классическую романтику, а в другом—приводили к трусости, колебаниям и пошлейшему компромиссу»... Как, прибавим мы к этому, в одном случае рабочие погрязали в распутстве и пьянстве и шли добровольно в кабалу, а в другом—становились авангардом революции... Вряд ли кто-нибудь может спорить против того, что здесь мы имеем дело далеко не с одними идеологиями, но с глубоким и тонким психологическим анализом.

И это вполне понятно. Ибо психология и идеология не только не сливаются в одном понятии, но в реальной жизни дают такие разноречия и сочетания, которые не могут быть объяснены иначе, как лишь при помощи психологического исследования Дело в том, что идеология или идея, сохраняя в своем оформленном и устойчивом выражении определенный логический состав и соответствующий ему фактический смысл, может быть на самом деле воспринята совершенно по разному психологически различными группами и, следовательно, при одинаковом внешнем выражении, может на самом деле дать фактически разнообразнейшие мотивации, возбудить совершенно различные страсти и совершенно по разному определить поведение. Яркий пример здесь—одно и то же христианство, прикрывающее фактически различные классовые интересы и охватывающее разнообразнейшие виды коллективного поведения, но то же самое можно сказать о всех фетишах современности, начиная с собственности, которая, будучи идеологически одной и той же, в действительности понимается совершенно по разному мелкой буржуазией, крупными капиталистами и аграриями, и кончая государством, этой, по выражению Энгельса, «первой идеологической силой», воспринимаемой в одном и том же идеологическом составе совершенно по разному разными группами. Одна и та же идеология в той же самой группе может вызвать к себе то положительное, то отрицательное отношение, быть мотивом—в одном случае острого и массового взрыва, а в другом,— идейным основанием для примирения и соглашательства.

Сводить поэтому обследование общественных движений, возникающих на экономической основе исключительно к изучению идеологий, это — значит, впасть в крупную и пагубную ошибку. Это значит — заменить действительность застывшей мертвой формой, удовлетвориться сопоставлением экономического базиса и одним логическим отражением (общественного процесса) в мире практических идей, норм или идеалов и совершенно игнорировать вечно изменчивую диалектику социальной борьбы, где основную роль играют вызванные экономикой страсть и активность или ею же обусловленные косность и подражание, тупость и острота мысли и характер прирожденного и воспитанного дарования. Конечно, внесение психологии в теорию исторического

материализма, как это сделали Маркс и Энгельс, чрезвычайно усложняет задачу. Она требует от социолога-марксиста не голько основательного знания экономики, но также истории и психологии. Гораздо легче поступать в духе вульгарного марксизма, который берет, с одной стороны, полюс экономической структуры или даже рост производительных сил и затем от этого «в конечном счете» определяющего базиса сразу делает громаднейший прыжок к конечному завершению данной надстройки в ее формально выраженных идеях или идеологиях. При этом, конечно, совершенно свободно игнорируется весь грандиозный процесс общественных отношений между двумя полюсами, а при помощи всяких натяжек и ухищрений получается всякий раз едва ли не прямое и непосредственное отражение «бытия» в идеалистическом зеркале. При известной ловкости рук, да еще при наличности наперед данных двух конечных пунктов, ничего не стоит при помощи схоластического толкования навязать действительности желательную теорию. Но это — никакой марксизм, и отказ от психологии здесь мстит за себя превращением теории в подлинную идеологическую догму.

Выйти из тупика, который образуется благодаря использованию понятий старой психологии в марксистском учении, возможно только одним путем. И это — обращение к новой объективной психологии, поскольку она коренится в современной биологии и физиологии. Как нам думается, здесь возможно и необходимо широкое использование теории рефлексов. Но так как здесь дело идет не об индивидуальной жизни, а о жизни обществ, то будет правильно, если мы в этом аспекте рассмотрим различие между человеческим и животным обществом. Только при помощи такого метода мы можем не только формально, но и материально определить психические процессы в связи с реальной обстановкой. Такое сопоставление животного и человеческого общества дает нам, во-первых, понимание условных рефлексов (по обозначению Павлова) с их сигнализацией и отношением этих рефлексов к борьбе за существование, а во-вторых, роль идеологической и вообще сигнализационной надстройки в производственной работе человека и ее психологии. Попробуем наметить такие сходства и различия.

Прежде всего, нужно указать, на выработку орудий приспособления в животном и человеческом мире. Как мы знаем из учений биологов, начиная с Ламарка и Дарвина, приспособление к внешней среде в мире биологии происходит, прежде всего, путем приспособления пассивного, т.-е. такого отбора наиболее приспособленных, который путем мутации и наследственности ведет к значительному изменению, а иногда и к полному перерождению данного вида. Живое существо непосредственно из своих роговых оболочек, костяка, мускулатуры и кожного покрова создает необходимые орудия приспособления. Можно даже сказать, что этим путем оно переходит к приспособлению

активному, так как «орудия производства», всевозможные хватательные, колющие, режущие, двигательные и иные инструменты выращиваются непосредственно на теле, и самый организм превращают в механический аппарат борьбы, нападения или даже, в известном смысле, производства. С этой точки зрения, поскольку человек есть существо, делающее орудия, постольку животное есть существо, выращивающее на самом себе подобные же орудия.

Но надо отметить, что животный мир отнюдь не лишен и таких технических сооружений, которые весьма близки понятию человеческой экономики. Рыба, сооружающая весьма сложное гнездо, паук, работающий над тканьем своей паутины, муравей, производящий посевы известного грибка для прокорма своих стад сладкой вши, бобр, сооружающий плотины сообразно требованиям гидравлики, или птица, сплетающая свое гнездо, все это — технически работающие существа в объективном смысле, хотя, само собой, мы отнюдь не можем здесь отметить сознательной целесообразности. Сознание здесь целиком заменено инстинктом или наличностью целых обширных комплексов, состоящих, в свою очередь, из взаимно связанных безусловных и отчасти условных рефлексов. Соотношение между безусловными рефлексами и условными может быть весьма различно, но современные учения различают здесь, с одной стороны, неизменный рефлекторный аппарат, а с другой — столь же инстинктивную способность к подражанию, как образованию новых условных рефлексов на почве индивидуального опыта. Экономически это дела нисколько не меняет и мы можем здесь без преувеличения говорить о техническом производстве, основанном на наследственном инстинкте.

Однако, такой техникой дело в животном мире не ограничивается. И мы имеем здесь не менее интересный технический аппарат сигнализации, который строится в целях самозащиты, спаривания, воспитания и связи. Метафорически можно здесь говорить о некоторой аналогии человеческим сооружениям технического характера, которые обнимают собой различные физические и материальные средства, тесно связанные с культурной или идеологической надстройкой. Однако, различие между животным и человеком и здесь проходит по той же линии, которая отмечена выше: в то время, как человек творит орудия культурной связи и деятельности вне себя, живое существо создает материальный аппарат сигнализации и символики, прежде всего, при помощи своего собственного организма. Вместо маскировки и переодевания оно меняет цвет своей кожи, шерсти или оперения. Вместо создания сигнальных и музыкальных инструментов, оно выращивает на самом себе нужное приспособление, которое дает или свист, или трубный звук, или скрип, трещание и подобные шумы. Оно заменяет парфюмерию деятельностью своих различных желез, которые выделяют то отталкивающие, то, наоборот,

притягивающие и привлекательные запахи. Даже театральную мимику мы можем найти у животных и насекомых, когда они пробуют ввести в заблуждение преследователя или необычайно грозным видом или притворной слабостью или другими формами поведения, имеющими целью обмануть ложной сигнализацией своих врагов. Мы даже знаем ряд технических сооружений, которые в животном царстве служат не в целях добывания пищи, но создаются ради своего рода «культурного общения». Таковы хотя бы украшенные раковинами и камушками особые беседки, где производят свои танцы, прыжки и кувыркание некоторые птицы-самцы в целях брачного привлечения самок.

Как очевидно, в животном мире мы находим почти все начатки последующей деятельности общественного человека. Но нужно здесь отметить колоссальное различие, которое лежит между двумя мирами. поскольку живое существо центр тяжести своего приспособления находит в своем собственном организме и лишь весьма незначительно дополняет этот естественный механизм материальными сооружениями, постольку же, наоборот, человеческое общество переносит центр своей производственной работы в создание вне его, человека, лежащих материальных предметов. Техника живого существа лежит в нем самом, техника человека — вне его. Отсюда необходимое следствие. Животное целиком стоит на почве наследственного приспособления, а следовательно, лишь в незначительной степени способно к пластическому усвоению как коллективного, так и индивидуального опыта. Человек сохраняет необычайную пластичность, а в своих руках и мозгу создает механизм, способный к бесконечному росту и разнообразию. В отличие от живого существа, как специального инструмента, человек представляет собою универсальный аппарат, получающий возможность гибкого использования всего богатства внешнего мира. Такое положение вещей и приводит к совершенно иной системе использования безусловных и условных рефлексов. Человек освобождается от необходимости остальных живых существ подчиняться, прежде всего, безусловным раздражителям и создает обширнейшую систему условной сигнализации, которая, в свою очередь, получает внешнее техническое выражение и оказывается способной не только к передаче из поколения в поколение, но и непрестанной переработке при помощи изобретения.

В конце-концов, мы лишний раз на данном примере убеждаемся в том, что количество переходит в качество, а животная жизнь путем своеобразной диалектики приходит в человеческом обществе к отрицанию основных аппаратов своего приспособления. Человек оказывается действительно таким существом, которое миру природы неорганизованной противопоставляет природу организованную технически, заменяет инстинкт и естественный отбор развитием своей нервно-мозговой системы,

а над производством сооружает культурно-идеологическую надстройку, представляющую собой не что иное, как технический механизм организации своих «условных рефлексов». Кстати будет здесь упомянут о том, что т. Бухарин в своей «Теории исторического материализма» чрезвычайно близко подошел к излагаемым здесь взглядам и, к сожалению, не развил своих положений, заслуживающих названия подлинного научного открытия. Насколько нам известно, в марксистской теории он первый подошел к конструкции особого производства, направленного к созданию идеологической или, по-нашему, сигнализационно-культурной техники. Его заслугой является характеристика в качестве такого аппарата всевозможных технических средств познания и организации, как-то—книг, произведений искусства, библиотек и музеев, обсерваторий и театров и всех подобных приспособлений, которые, не служа производственной цели, в то же время требуют напряженного труда и утонченной технической работы.

Но не надо забывать, что звуковые сигналы так же, как идеограммы—буквенные символы, в равной степени с художественной символикой, так же, как весь остальной мир сигнализиции общественной жизни,—совершенно лишены какого бы то ни было реального значения, если они не являются в то же время раздражителями нашей нервно-мозговой системы, а следовательно, не определяют ее в качестве средства внушения и традиции, бессознательной и сознательной мотивировки. Конечно, нам здесь неинтересны личные переживания того или другого субъекта, подвергнутого действию таких технически организованных центров раздражения. Но мы никоим образом не можем обойтись без изучения и научного исследования той связи, которая существует между данными раздражителями и поведением человеческих масс. Конечно, на первом плане менее всего здесь вопрос о каком-нибудь самоцельном существовании идей и идеологий в качестве социальных раздражителей. Ибо, как ясно из нашего изложения, вся идеологическая и сигнализационно-культурная надстройка теряет всякий смысл вне связи с тем производственным базисом, на котором она построена. Она не только сооружена над ним, но для него и держится лишь постольку, поскольку основана на его требованиях. Но сфера преломления, данная образованием надстройки, для нас далеко не безразлична.

Ведь, человеческое общество именно тем отличается от животного, что оно реагирует на естественную среду далеко не непосредственно. Между человеком и природой становится производственная техника. Но для того, чтобы организовать свою деятельность, человек сооружает на основе производственной техники еще другую, культурно-идеологическую надстройку, которая, в свою очередь, заключает в себе сложную технику. И, если за исходный пункт здесь взять эксперименты Павлова, то можно сказать, что человек представляет

собою в одно и то же время опытное животное, которое подвергается экспериментам в деле образования условных рефлексов, и в то же самое время экспериментатора, который с величайшей сознательностью сооружает технический аппарат для организации условного рефлекса. Здесь без изучения видов, форм и способов раздражения, в связи с различнейшими формами реакций на эти раздражения, обойтись совершенно нельзя. Этим обосновывается и необходимость объективной психологии и, в частности, психологии социальной, так как мы, марксисты, в качестве объекта изучения знаем только социального человека.

И в самом деле, как мы видели выше, культурно-сигнализационная надстройка создается над производственной структурой при помощи необходимой деятельности человеческого общества, как некоторой активной силы. Способ овладения материальным миром, который свойственен общественному человеку, необходимо требует создания системы психических раздражителей над системой производственной техники. Общество, таким образом, выполняет двоякую роль, с одной стороны, оно создает систему психических раздражителей в соответствии производственным условиям, подобно тому, как в лабораториях Павлова создаются условные рефлексы в тесной связи и соотношении к рефлексам безусловным. Во-вторых, однако, то же общество подчиняется им созданной системе раздражителей, выполняет необходимую работу и этим путем реагирует на стоящий за раздражителями внешний мир. Система культурной сигнализации или символики с этой точки зрения есть не что иное, как в буквальном смысле слова надстройка над производством, через которую общественный человек воздействует на внешний мир. И совершенно ясно, что различные производственные условия приводят к столь же различной работе нервно-мозговой системы и к столь же разнообразным идеологическим и культурным надстройкам, которые обладают соответственной длительностью, силой и формой психических раздражений.

Если бы мы стояли на точке зрения старой психологии, мы должны были бы в данном пункте заняться столь невесомыми вещами, как субъективные мысли, чувства, влечения и воля. Но современная «психология без души» позволяет выбросить нам этот неопределенный и недопускающий научной квалификации материал. Мы имеем перед собой человека, как естественную силу, раскрытую в его естественном же содержании. Мы имеем материальный процесс производства на известном уровне развития производительных сил. Мы имеем коллективную силу общества, направленную на производство и воспроизводство жизни, а следовательно, и столь же конкретно на поведение общественного человека. Мы имеем, наконец, технический аппарат организации общественных отношений, который нисколько не менее производственного отличается материальным характером,

хотя и не дает непосредственно никаких материальных ценностей. И этим процессам идет целиком навстречу современная психология, которая устанавливает наличность физиологической наследственности в виде, так называемой, прирожденной конституции, изучает влияние экономически данной среды на поведение человека и, наконец, устанавливает технические приемы и способы, при помощи коих общественный человек организует свое собственное поведение в ответ на влияние внешней среды. Нигде более здесь никакой «души» мы не находим.

Если мы теперь перейдем к различным типичным формам построения социальных раздражителей, то и здесь, само собой, нам не обойтись без социальной психологии или физиологии. Приходится установить тесную связь между функциями общества и его надстройками, служащими той или иной цели. Ибо совершенно ясно, что каждый отдельный вид деятельности вырабатывает и свою систему действенных символов и сигналов. Конечно, в отличие от остальных живых существ, человек не перерождается в отдельный специальный аппарат под влиянием хотя бы разделения труда. В животном мире мы имеем прирожденную и наследственную специализацию. Муравьи-воины вырабатывают совершенно другую структуру организма, нежели муравьи-работники, а рабочие пчелы совершенно не могут осуществлять функции матки или царицы. Благодаря перенесению аппарата приспособления во вне, человек не подлежит такому резкому изменению своей конституции. Однако, же, и здесь мы имеем известное изменение. Тут выступает на первый план пластичность человеческого существа, его способность к самым различным видам деятельности, при сравнительно небольшом изменении его физиологической структуры. Но зато тем большее различие вносит он в те приспособления, которые организуют его деятельность на почве определенного производственного типа. Можно без преувеличения сказать, что каждые производственные формы и даже, больше того, отдельные виды деятельности дают различные системы раздражителей, связанных через символику с производственным основанием.

Так сближаются, наконец, и те две стороны марксистской психологии, с установления которых мы начали настоящую главу. Ибо совершенно очевидно, что человек, как существо, отвечающее на раздражения внешнего мира и своей собственной физиологической жизни, не может существовать без работы своей нервно-мозговой системы, которая, будучи взята со стороны отражения этих процессов в высших центрах мозга, дает нам всевозможные «переживания», «чувствования», «ощущения», «страсти» и тому подобные «субъективные» вещи. Но в то же самое время и самые психические процессы суть только определенный вид физиологической деятельности, познаваемой извнутри, отвечающей на реальность внешней среды и физико-химических процессов организма, и сама психика общественного человека

немыслима без материального же «производства идей» в виде сигнализационной и символической техники, которая в буквальном смысле слова дает «надстройку», так как лишь при помощи вне самого человека построенной общественной системы раздражителей (звук, образ, буква) организуется его объединенное, организованное и устойчивое поведение. Идеологии приобретают материальную плоть и форму, как аппарат, при помощи которого поведение человека не только приспособляется, но и приспособляет.

Чувства и страсти, как явления материального физиологического процесса, реагируют на реальность внешнего мира в материальном же производстве через материальную надстройку идеологий. Для идеализма больше не остается ни малейшего прибежища.

Инстинкт и культура.

Сделанные нами выводы позволяют нам теперь известным образом ограничить то понятие психологии, которое может быть принято с точки зрения марксизма. Опираясь на данные естественных наук так же, как истории культуры, мы теперь видим, в каком именно смысле учение Маркса и Энгельса говорит о страстях, чувствах, воле и подобных явлениях, казалось бы, субъективной психологии. Здесь идет речь, таким образом, о психологии общественного человека в его производственной деятельности постольку, поскольку эта психология представляет собою промежуточный процесс между производством, с одной стороны, и идеологической, а в более широком, смысле культурной надстройкой—с другой. Психология не совпадает целиком с идеологией, но она подвергается исследованию лишь в тех размерах, в каких она, в качестве среды преломления и отражения, посредничает между производством экономическим и производством культурно-идейным, закрепленным в целом ряде материально и технически разработанных систем возбудителей и раздражителей. Связь между идеологией и психологией, таким образом, бесспорно признается, но психология далеко не совпадает с идеологией, поскольку последняя противостоит первой в качестве внешнего социального аппарата отражения и вместе раздражения (иннервации) действий общественного человека.

Этим самым определяется и другой момент. До сих пор господствующее мнение марксистов мало интересовалось непосредственным влиянием роста производительных сил и формы производства на психическую деятельность человека и форму его идеологической техники. Было только установлено и стало общепринятым мнением марксистов, что самое содержание идеологической надстройки определяется хозяйственным бытом, а в конечном счете уровнем производительных сил. На этом

основании особенно много было посвящено труда выяснению в особенности классового содержания различнейших общественных идеологий. На их форму сравнительно обращалось очень мало внимания, и сам Энгельс признается в одном месте, говоря о себе и Марксе, что они «переносили и должны были перенести центр тяжести на то, чтобы выводить политические, правовые и прочие идеологические представления и действия, на которые эти представления влияли, из экономических основных фактов», при этом «они из-за содержания не обращали должного внимания на формальную сторону: каким образом эти представления и т. д. возникают... Это старая история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму». «Я сам,— говорит Энгельс,— это делал, как уже сказано, и ошибка бросилась мне в глаза уже после». В настоящее время, как кажется, мы обладаем уже вполне достаточными данными для того, чтобы исправить эту «ошибку», и при помощи новейшей психологии установить влияние уровня производства на форму идеологической техники.

Совершенно очевидно, прежде всего, как мы уже отметили выше, что психология общественного человека является различною в том смысле, что она дает, в одном случае, большее, а в другом — меньшее приспособление чисто животного типа сообразно уровню производства и связанной с ним культуры. Т.-е., другими словами, чем меньше человек закрепляет свою систему рефлексов за внешими символическими раздражителями, тем больше он должен образовывать внутри себя устойчивые и частью наследственные инстинкты, дающие ему при наличности немногих внешних сигналов готовый аппарат внутреннего психического приспособления. Здесь мы можем, следовательно, наблюдать известную постепенность в отношении между развитием аппарата реакций внутри и извне. Или, другими словами, чем ниже уровень производительных сил и связанная с ним техника, тем больше человек приближается к животному и переносит во внутрь своих инстинктов определенные составы представлений, эмоций, эффектов и двигательных навыков в связи с очень несложными внешними раздражителями в виде воспринимаемых им звуков, световых сигналов, обонятельных ощущений и т. п.. Наоборот, чем выше стоит уровень производительных сил и богаче техника, тем больше человек освобождается от устойчивых наследственных инстинктов и переносит вне себя в свою идеологическую технику весьма сложную систему символики и символизации. Вот почему совершенно нельзя сравнить громадные и великолепные образования инстинкта у дикаря и у современного культурного человека. Последний их потерял почти целиком. Он все перенес во внешнюю машину отражения мира, которая связывается непосредственно с его нервно-мозговой системой.

Вот почему весьма странное впечатление производят исследования некоторых англо-американских мыслителей (напр., Мак-Даугола), которые пробуют исчерпать сейчас психологию одною теорией инстинктов. Не говорим здесь уже о том, что одно перечисление инстинктов, чем обыкновенно и ограничиваются приверженцы этой школы, весьма мало помогает делу, поскольку мы при этом ничего не знаем ни об их происхождении, ни о развитии в связи с материальными условиями среды. В этом отношении старые социологи (хотя бы Спенсер) были гораздо более ценны, так как инстинкт у них связывался с наличностью известного закона общественного развития, на манер того же спенсеровского закона объединения все больших масс и расчленения их отдельных частей (интеграции и дифференциации). С другой стороны, впрочем, сведение сейчас социальной психологии к инстинктам уже потому неправильно, что их осталось весьма немного, а в разряд таких инстинктов весьма легко попадают свойства, являющиеся весьма временным обнаружением приспособления к внешней машине идеологических раздражителей.

Нет никакого сомнения, что первобытный человек в развитии инстинктов значительно приближался к животному. Вполне естественно, что в основе многих из наших, весьма развитых, комплексов, охватывающих собой сложную систему реакций, лежат первобытные инстинкты. Но классифицировать сейчас проявления нашей психики по инстинктам так, как это делает Мак-Даугол, совершенно не научно. Говорить сейчас об «инстинкте бегства и эмоции страха», или опираться на инстинкт «отталкивания» (репульсии и эмоции отвращения), учить об инстинкте «любопытства и эмоции удивления», об «инстинкте драчливости и эмоции гнева» или инстинктах «самоунижения (или подчинения), самоутверждения (или самовыставления)» так же, как об эмоциях «подчинения и превознесения», наряду с «родительским инстинктом и эмоцией нежности, инстинктом воспроизведения, стадности, приобретения, конструкции» и т. п.,— это значит ничего не объяснять в современной социальной психологии, а следовательно, и психологии вообще, так как в настоящее время все эти пресловутые инстинкты отнюдь не представляют собой управляющего аппарата в человеческом поведении, но в такой степени разбиты и смешаны между собой в соответствии с искусственной системой раздражителей, что, можно сказать, все эти инстинкты действуют сразу и вместе, образуя нечто совершенно непохожее на поведение, проявляющееся в действительности под влиянием инстинкта. Только у животных мы можем говорить об инстинктах в полном смысле слова, т. к. и до сих пор мы можем проследить связь между известным «химизмом» крови, автоматическими актами и рефлексами (Васильев).

Мы понимаем еще, что в крайнем случае можно говорить об инстинкте страха хотя бы у дикаря. Какой-нибудь член охотничьего

племени действительно проводит почти все свое время среди угрожающих ему опасностей дикой лесной чащи, наполненной ядовитыми змеями, дикими зверями и охотниками других враждебных племен. Каждую секунду он может ждать неожиданной гибели и подобно тому, как осторожно крадется лесное животное, ежеминутно готовое схватить подозрительный шум, уловить враждебный запах или заметить окраску дикого зверя и броситься наутек, наш дикарь точно также представляет собой напряженную струну, готовую каждую секунду дать эмоцию страха и соответственные движения бегства. Здесь понятна выработка в эндокринной и нервно-мозговой системе соответственного инстинкта, повинующегося малейшему знаку внешнего мира. Но спрашивается, где подобная эмоция и соответственный инстинкт у современного культурного человека? Конечно, в условиях капиталистического производства и крайней необеспеченности существования страх играет свою роль. Но нужно отметить, что это нечто совсем другое по своему составу. Во-первых, безопасность среди современного общества без всякого сравнения выше безопасности дикаря. Непосредственная угроза жизни отодвинута далеко назад, в рамки статистических цифр, говорящих о случайной смерти или смерти от эпидемии. Следовательно, инстинкт страха вырождается уже потому, что для него нет той постояной школы, которую мы наблюдаем в жизни дикаря. Но, во-вторых, самый страх значительно изменился. Он связан с далеким предвидением и учетом закономерно проходящих событий. Он, поэтому, стал лишь сопровождением весьма отдаленной опасности, для устранения коей имеются многочисленные средства. При заблаговременном принятии нужных мер этот страх уже потому парализуется, что есть возможность всегда известным образом обесопасить свое существование. Этот страх стал тоньше, так как он дает соответственный импульс далеко не при наличности одной только грозящей человеку смерти. Это опасение перерождается в боязнь вообще неудачи и нежелательных последствий и действует достаточно сильно для того, чтобы быть основанием для весьма энергичных предупредительных мер. Наконец, в-третьих, таким образом перерожденный страх закрепляется в качестве сопровождающего мотива за всеми почти видами деятельности человека и становится более или менее постоянным мотивом опасения и предвидения, который ответственно выражается во внешней сигнализации и символике весьма сложного свойства. При таких условиях можно говорить почти о совершенном исчезновении инстинкта страха и эмоции бегства.

Я выхожу на улицу и опасаюсь дождя. Никакого бегства не происходит, но я просто беру с собой зонтик. Я опасаюсь укуса бешеных собак, и вовсе не бегу поэтому от всякой чужой собаки, но я требую введения намордников и открытия институтов для соответственной прививки. Я опасаюсь неудачи начатого мною дела, и для этого я знакомлюсь самым подробным

образом с картиной, отражающей окружающие условия и ход моего дела, поскольку и то и другое выражено в изготовленных книгах и рукописях, и в результате предпринимаю известные шаги. Не страх, единый и властвующий с единой спасающей эмоцией бегства, а многоразличные виды легкого и тяжелого опасения, связанные с отражающим жизнь знанием, записанным в книгах или выраженным в устной реакции, являются достаточными раздражениями, которые приводят затем в действие мою нервно-мозговую систему. Ни о каком инстинкте здесь говорить не приходится. И если разве где-нибудь мы можем его наблюдать в современной среде, то лишь в некоторых профессиях, где человек действительно сталкивается с постоянной и непосредственной опасностью, или же в периоды возврата человечества к варварству и дикарству. Можно говорить, поэтому, еще о некотором воскрешении дикарского инстинкта-страха на войне или при работе в жизнеопасных промыслах. Но и тут имеется существенная разница. Инстинкт солдата на войне в громадной степени преобразован и связан с тончайшей системой внешней технической сигнализации, и даже какой-нибудь санитар, работающий на азиатской легочной чуме, обладает достаточно технически организованным знанием, которое превращает его страх в весьма сложную борьбу антисептики с грозной смертью.

Другое дело, когда мы имеем низкий или даже крайне низкий уровень производительных сил Здесь отсутствие техники производственной необходимо отражается и на технике идеологической. Вместо приспособления при помощи искусственных раздражителей создается приспособление при помощи непосредственно воспринимаемых явлений внешней природы, которые через механизм условных рефлексов образуют весьма устойчивые инстинкты. Здесь можно видеть известную аналогию между приспособлением физиологического организма вообще и между работою его нервно-мозгового аппарата в частности. Остановимся на некоторых примерах. Как свидетельствуют исследователи относительно черной расы в Африке, организм негра обладает целым рядом свойств, делающих его специально приспособленным к жизни в условиях тропиков. В жарких странах в одном и том же объеме воздуха содержится менее кислорода, и деятельность легких понижается на 18,4%, что влечет за собою понижение температуры тела на 0,83%. Процессы обмена и выделения материй ослабевают, так например, количество углекислоты, выделяемой легкими, уменьшается на 12,24%. Упругость водяного пара в тропическом воздухе больше, чем в умеренном поясе. Выносливость негра к влияниям тропического климата является результатом приспособления его организма в следующих отношениях. Во-первых, темный цвет кожи с ее сильной пигментацией представляет климатический наряд, воспринятый медленно, путем подбора. Тело становится менее проницаемым, и уменьшается действие химических лучей

на ткани. Пульс негра замедлен. Кровь дает другую сыворотку на воздухе, чем у европейского человека. Впечатлительность чувствительных нервов, особенно осязания, слабее. Рефлекс требует более продолжительного времени, боль менее ощутительна, алкоголь действует с меньшей силой. Объем легких и их емкость значительно возрастают. Вполне понятно, что попадающие в тропики европейцы легко погибают, их организм, в особенности, блондинов, оказывается совершенно неприспособленным к жаркому климату. Приспособление здесь лежит, прежде всего, в самом организме.

В высшей степени замечательно, что, как свидетельствует Людвиг Крживицкий в своих «Психических расах», подобное же резкое изменение в психическом строе мы наблюдаем под влиянием приспособления у народов, стоящих на низкой степени культуры. Подобно приспособлениям организма у негров, здесь происходит подобное же приспособление нервно-мозгового аппарата к условиям среды и потому получаются резкие типические группы. Общеизвестна потребность людей далекого севера в обильном питании, чтобы вознаградить потери, произведенные сильным лучеиспусканием тела. Жиры там самое любимое лакомство, и какие-нибудь якуты способны с передышками выпить топленого масла или жира в продолжение некоторого времени до $2^1/_2$ фунтов сразу. Особенные удальцы способны выпить этого масла за один присест с некоторыми остановками до 5—10 фунтов. Таким образом, не только организм приспособляется к перевариванию громадного количества еды, особенно жира, не смешиваемого с растительной пищей, но и сама психика создает устойчивый инстинкт жадности, который выражается в невероятном аппетите. Противоположностью является араб в пустыне, который, благодаря далеким расстояниям и необходимости пробыть без пищи в странствовании от одного оазиса финиковых пальм до другого, вырабатывает в себе воздержанность в пище, которую путешественники находят беспримерной. Он способен, находясь в походе ежедневно не менее 5 часов, удовлетворяться лишь полуторафунтовым сухим хлебом. Во время путешествия бедуины в пустыне питаются ежедневно двумя глотками воды и такой же мерой жареной муки в молоке. И здесь, таким образом, мы имеем дело с образованием своего рода инстинкта воздержанности, который пришелся бы вполне по вкусу стороннику психологии Мак-Даугола.

Психическая разница между жителями различных местностей при низком уровне производительных сил ввиду сказанного громадна. Крживицкий вполне основательно различает, поэтому, своего рода психические расы, которые образуются в различных местностях и при условиях возникшего там быта. Так, он рисует горные расы, которые под влиянием жизни в горах и пастушеского быта отличаются особым телосложением, крепостью мускулов, ловкостью и упругостью,

но вместе с тем обладают флегматичным характером, медленны, пассивны, консервативны и склонны к таким заболеваниям, как образование зоба и кретинизм. Благодаря пересеченности местности горцы живут изолированными кланами или общиной и создают, в виде надстройки над своей уединенностью, узко-местный патриотизм, частью обусловленный привычкой к климатическим свойствам гор, и отличаются местными предрассудками и ненавистью ко всем чужим. Обыкновенно такие горцы, сообразно условиям производства, имеют два центра труда—семейный и пастушеский, сосредоточивают молодежь на горных пастбищах в товарищеских организациях, а в долинах составляют семейные общины, где живут и работают вместе старики, дети и главы семейств. Бедность заставляет этих людей дополнять свой пастушеский промысел разбоями и набегом на равнинных жителей, что в свою очередь налагает на горцев неизгладимый отпечаток. Для нас в этой характеристике важно не то обстоятельство, что и физиология горцев, и их психика являются результатом их производственных условий. Этим только подтверждается общее учение исторического материализма. Но нам важно то указание антропологов и социологов, что психические свойства горцев, с одной стороны, представляют собой чрезвычайно ярко выраженный тип, который сразу выделяет подобного человека среди других племен и рас, а во-вторых, тот факт, что эти горцы отличаются исключительной косностью и консервативностью в сохранении приобретенных свойств, так что здесь мы можем с известной вероятностью говорить о выработке устойчивых инстинктов, заменяющих собой нашу культурную технику.

Такие наблюдения, сделанные над горцами Африки и Азии, подтверждаются далее, если мы обратимся к жителям гор в современных культурных государствах. В этом отношении имеется достаточное количество материала относительно горных местностей Франции, Альп и Пиринеев. И что же мы здесь наблюдаем? Горцы живут большими семьями, состоящими из множества брачных пар; они отличаются теми же чертами, которые мы видели выше, но так как здесь дело идет о культурной стране, то место разбоев и грабежей занимают эмиграция и отхожие промыслы. Однако, пассивность, косность и инстинктивная склонность к пастушеству не оставляет их и в тех случаях, когда они переходят в равнины и города. В южной Франции от Марселя до Бордо они занимаются разведением коз и продажею их молока. Рассеянные по Франции и Испании, они занимаются только пастушеством, которое вполне соответствует их вековым привычкам: они известны лишь, как овчары и пастухи; случайно они занимаются ветеринарным искусством и холощением. Но так как в нашей части света нет условий для существования первобытного пастушества, то эти горцы направляются в Аргентину. Бедные работают, как наемные пастухи, богатые арендуют землю и разводят скот. Вообще, даже далеко

на чужбине, среди других народов, они упорно держатся скотоводства. Сохраняют они и свой артельный строй, держатся своих земляков и только с ними образовывают союзы взаимопомощи и труда. Мечта этих коновалов, овчаров, пастухов и холостильщиков животных — это вернуться домой и построить хорошую хату. Их эмиграция—это только поход за деньгами. Вернувшись к себе, они сбрасывают с себя всякий посторонний налет.

Нечто подобное по своей характеристике мы встречаем и у степных кочевников, которых можно зачислить в особую степную психическую расу. Такие кочевники дают чрезвычайно подвижный тип, физиологически способный к большим колебаниям температуры и выносливости. Вместе с тем, кочевник представляет собою превосходный материал для толпы и массовых образований. Его тактика есть всегда тактика подвижной массы, действующей под руководством одного вождя. Чувство солидарности весьма велико, но вместе с тем такие племена, способные к быстрым и решительным завоеваниям, совершенно неспособны организовать побежденных. Они образуют над ними как бы особое государство, которое довольствуется собиранием дани. Поскольку возможно они стараются вести жизнь, как в степи. Даже поселившись среди побежденных и скрещиваясь с соседними элементами, монгольские, татарские и турецкие наездники сохраняли в виде пережитков древние обычаи, показывающие, что старые инстинкты у них отнюдь не исчезали. Таковы кочевники того типа, который ставит в центре своего хозяйства лошадь, верблюда и овцу. Прекрасным историческим подтверждением этих положений является история арабских завоеваний в Малой Азии и Европе, где арабы-кочевники лишь с величайшим трудом отделывались от унаследованных навыков и вкоренившихся инстинктов, так что, оседая среди богатейших земледельческих стран мира, они целиком сохранили организацию подвижного войска, живущего исключительно данью и добычей, членам которого было запрещено законом приобретать какую-нибудь землю. Нельзя не видеть на этом историческом примере опять-таки некоторой силы инстинкта, выработанного взамен технических орудий культуры, так что брошенный в совершенно иную среду и обстановку араб сохранял все основные черты своего первоначального быта. Отказ же от них нередко сопровождался вырождением и гибелью.

Подобные примеры мы могли бы умножить до бесконечности. В противоположность таким народностям, стоящим на крайне низком уровне развития, перейдем теперь к другим, производственные условия которых требуют уже не инстинкта, а известной техники и соответственного развития пластического приспособления. Примером таких рас являются всевозможные приморские расы и островитяне. Необходимость, даже при весьма примитивном мореплавании, пользоваться довольно сложными приспособлениями вырабатывает здесь людей,

которые, сообразно росту производственной техники, необходимо создают и такую же технику всяческой культуры. Если мы обратимся к Скандинавии, Греции и побережьям Малой Азии, если мы припомним жизнь и деятельность народов Финикии, Полинезии, Малакки, славянского Поморья и т. п., мы убедимся, что здесь производственные условия были необходимо связаны не столько с выработкой инстинктов, как с известной искусственной культурой, запечатленной в том, что мы называем центрами социальных раздражителей. Даже там, где эта культура была низка, сведения по мореходству, астрономии и географии были довольно развиты. Мореходство вырабатывало сметливость, смелость и хладнокровие. Опыт и результаты раннего обмена так же, как знакомство с продуктами отдаленных стран, приводили к умению сохранять добытые сведения при помощи знаков. Торговля еще более вырабатывала предприимчивость, ловкость и изобретательность ума. Корсарство или пиратство было естественным дополнением первобытной торговли. Так возникала психическая раса исторических авантюристов, колонизаторов, изобретателей, разбойников, купцов, завоевателей, но вместе и организаторов покоренных территорий. Так мы получаем энергичные и подвижные расы, отличающиеся личной самостоятельностью и умственными способностями. Широкое производство идей следовало за торговым оборотом.

В качестве примера тех стран, где мы находим сравнительно высокое развитие производительных сил и соответственную надстройку культуры, мы можем взять те общества, которые с такою яркостью нарисованы И. Мечниковым в его исследовании о культуре великих речных систем. Тут мы находим громадные земледельческие области, которые целиком зависят от успешного поддержания установленной сети искусственного орошения. Лишь путем коллективного сурово-дисциплинированного труда и строго организованной гидротехники, возможно здесь поддержать существование миллионов населения, которое при помощи веками мудро-объединенной работы соорудило ирригационную систему. Так дело обстояло в Египте, в средней Азии, в Индии и Китае. В этих областях мы встречаем поэтому широко расчлененное разделение труда, развитие внимательной и деятельной энергии и необходимость широких астрономических, метеорологических и гидротехнических знаний. Необходимость единства и централизации в руководстве распределением текущей воды привела к построению «теократически-инженерной» машины управления, объединяющей широкие территории, связанные единством ирригационного плана. В таких странах мы находим уже не господство полуживотных инстинктов, а наличность громадной технической системы «производства идей», охватывающих собой и естествознание, и технику, и государственную администрацию. И если в подобных областях мы встречаемся с рабским послушанием деспотической власти, то она

есть отнюдь не результат какого-то особого инстинкта, а точно воспринятого давления стихий, при чем практическая наука принимает здесь характер религиозного знания. И только потому мы находим здесь преобладание религиозной формы знания, что производительные силы еще не лишили сельское хозяйство характера азартной игры. Первобытная техника еще не может окончательно застраховать земледельца от тяжелых испытаний: речные культуры дают то плодородные житницы, то в случае стихийных катастроф чумные болота, усеянные трупами бесчисленных жертв.

Приведенные нами примеры, как кажется, выясняют вполне зависимость между развитием инстинкта, как внутреннего аппарата приспособления, и производительными силами, дающими в своем росте и материальное производство, и в одинаковой степени производство идей. Вывод, который мы необходимо должны сделать, заключается в том, что оба типа производства тесно связаны друг с другом и находятся в неустойчивой зависимости. Никакое познание немыслимо там, где нет материальных средств для его закрепления, расширения и передачи следующим поколениям. Никакая предусмотрительность, бережливость и трудолюбие не могут стать психическими свойствами населения, если они, во-первых, не требуются самой системой производства, а во-вторых, если опять-таки нет в наличности материальных средств, при помощи коих было бы возможно создать соответственные центры социальных раздражителей с их устойчивой и систематической работой. Перенос аппарата приспособления извнутри самого человека во вне происходит путем материального производства, которое именно, благодаря перенесению нагрузки во внешний мир сигналов, звуков и всякой познавательной, изобразительной и выразительной техники, дает возможность творческого раскрытия человеческой психики. Только материальная культура вылечивает дикаря от его косности и слепого инстинкта, снимает с него рабскую верность наследственному ремеслу или профессии и делает его способным развивать в себе широкую и богатую гамму психической работы, начиная от простых рефлексов и кончая ассоциативной деятельностью научно познающего и технически изобретающего мозга.

Классовая психология. Босяки, крестьяне, пролетарии.

Когда мы говорим о культуре и образующих ее надстройках в том или другом обществе, мы менее всего утверждаем, что в самом составе этого общества имеется полное однообразие и в отношениях к производственному основанию, и в соответственной технике социальных раздражителей. И если даже в родовом обществе мы имеем известное разделение труда и вытекающее отсюда разнообразие характеров, то тем более

приходится это сказать об обществе классовом, которое, по учению Маркса и Энгельса, отличается различным отношением классовых групп к производству, а в силу этого и дает самые разные типы коллективной психологии для классовых образований. И если мы желаем установить в этой области связь между уровнем производительных сил и производственными отношениями, с одной стороны, и соответственной классовой психологией и культурной надстройкой, с другой стороны, то мы здесь можем воспользоваться не только данными современной социальной психологии и социологии, но, прежде всего, данными основоположников марксизма, которые, хотя и попутно, но дали слишком достаточное количество характеристик классовой психологии.

Однако, здесь необходимо отметить чрезвычайно точную и методологически безупречную постановку вопроса, которую мы находим у Маркса и Энгельса. Как известно, основатели марксизма, обращаясь к характеристике психологии того или иного класса, делают на первый взгляд очень странную оговорку, способную поставить в тупик приверженца старой психологии. А именно, всякий раз, когда им приходится давать характеристику психики класса, они берут его под углом, способным породить самые большие недоразумения. Они говорят в таких случаях о членах класса, как о каком-то олицетворении или воплощении класса. Так, капиталист, как носитель известной «субъективной цели» и обладатель определенных «движущих мотивов его операций», представляется Марксу исключительно, «как капиталист, т.-е., как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал». С другой стороны, совершенно естественно рабочий со своею психикой оказывается по аналогии исключительно носителем рабочей силы, живою и индивидуальной производительной силою, именно в том виде, как он выступает в общей системе производства. Другими словами психология класса берется лишь со стороны носимых им «экономических масок», которые прикрывают собой не что иное, как отношение этих классов к производству, создающее из них в рамках общества, покоящегося на капиталистическом способе производства, то «собственников одной только рабочей силы», то «собственников капитала и земельных собственников, соответственными источниками доходов которых являются заработная плата, прибыль и земельная рента». Получается как будто исключительно экономическая характеристика, которая и определяет собой психологический облик класса с одной только экономической стороны.

Но так оно есть и на самом деле. Если мы желаем научно построенной психологии общественного человека, то мы иначе и не можем рассуждать, ибо, как мы видели выше, психология класса лишь постольку является устойчивой, конкретной и доступной изучению величиной, поскольку она объединяет и сама определяется двумя основными моментами, а именно, уровнем

производственной техники, с одной стороны, и техники культурной—с другой. Однако и тот и другой моменты в свою очередь зависят от уровня производительных сил, которые в конечном счете являются решающей силой. Следовательно, с марксистской точки зрения никакой иной подход к психологии человека не мыслим, и поскольку этот человек есть человек общественный, постольку и всякая психология получает и экономический, и социальный характер. Как мы видели выше, пастухи Альп или Пиринеев настолько воплощают в себе свои производственные отношения, что прямо приспосабливают свою нервно-мозговую систему специально к определенному производству и даже в иных экономических условиях не могут изменить этот производственный аппарат, сформированный из их нервов и мозга. То же мы видели на примере степных наездников, завоевывающих культурные местности и стремящихся сохранить неприкосновенным свой кочевой быт и организацию. Наличность арабской культуры здесь нисколько не опровергает факта психической косности степных народов и неспособности их к культуре в течение многих поколений, так как, когда мы говорим об арабской культуре, мы подразумеваем под этим нечто совсем другое, а именно, культуру арабских оазисных поселений и городов, имевших больше сходства с приморскими народами, нежели с степными кочевниками. Психология человека есть психология экономического человека. И классовый анализ только подтверждает это общее привило.

Разительным подтверждением здесь является психологический анализ тех общественных групп, которые даже в современном капиталистически организованном обществе оказываются на положении его париев и отбросов. Эта категория, так называемого, люмпен-пролетариата, т.-е. людей, которые оказываются вне связи с современным производством, хотя и влачит свое жалкое существование на мостовых современного города или под мостами железнодорожных путей. Об этих людях в свое время хорошо выразился Энгельс, когда писал свое предисловие к «Борьбе классов во Франции». Такой «пролетариат босяков,—пишет он,— образует во всех больших городах вполне отличную от промышленного пролетариата массу. Она поставляет воров и всевозможных преступников, живущих отбросами общества, лиц без определенных занятий, бродяг, не имеющих ни кола, ни двора, различающихся сообразно степени культурности нации, к которой они принадлежат, но неизменно сохраняющих свою натуру босяков, лазарони... Они под чужим влиянием так же точно способны на вёликие героические подвиги и восторженное самопожертвование, как и на самый обыкновенный разбой или на грязную продажность». Маркс в «18 брюмера» характеризует еще более подробно парижский пролетариат босяков, который сыграл определенную политическую роль в руках бонапартистских агентов и вождей.

Это — «разорившиеся кутилы с двусмысленными источниками существования и двусмысленным происхождением, авантюристы — выродившиеся отпрыски буржуазии, бродяги, отставные солдаты, выпущенные на волю арестанты, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лазарони, карманные воры, шуллеры, игроки, сводни, содержатели домов терпимости, носильщики, литераторы, шарманщики, тряпичники, точильщики ножниц, починщики котлов, нищие,— одним словом вся та неопределенная, распущенная, шатающаяся из стороны в сторону масса, которую французы называют богемой». По происхождению это не что иное, как «подонки, отребья, отбросы всех классов общества».

Слово «богема» оказывается здесь довольно подходящим. Этим именем французы называют цыган, а цыгане действительно могут быть образцом определенной группы, живущей в рамках современной цивилизации, но совершенно не связанной с ее производственной организацией и тем более культурой. Это — кочевой народец, вышедший по всей вероятности из Индии, представляет собой образец психологии, совершенно не спаянной с жизнью цивилизованных стран. Сохраняя свое древнее кастовое ремесло,— они кузнецы и коновалы,— стоящие на самой низшей ступени кастовой лестницы, цыгане кочуют среди фабричных центров и городов современности, как если бы были вокруг них, попрежнему, леса и равнины их родины. Однако, между ними и современными босяками есть и глубокое различие: цыгане представляют собою этническую группу древнего типа и своеобразной дикарской культуры. Приспособление к окружающему дало им определенное производство и это последнее выработало могучий инстинкт, проявляемый и доныне. Босяки лишены какого бы то ни было производственного отношения к современности и за немногими исключениями (см. выше перечисление Маркса) являются паразитической вырождающейся группой. И, если у цыган мы находим весьма устойчивую психологию древнего типа, то у босяков мы имеем утрату психического механизма, приспособленного к экономической и культурной технике, и воскрешение дикарской психологии, которя постепенно переходит к инстинктам первобытного общества. Чрезвычайно интересна здесь полная гибель большинства связей между психическими реакциями и социальными раздражителями, которая делает бродяг, нищих и босяков совершенно глухими и слепыми по отношению к сигнализационной и технической аппаратуре современного общества, разве за немногими исключениями. Для этой группы населения все то, что для других классов имеет громадное мотивирующее, определяющее значение, не имеет никакого смысла. Между босяками и остальным населением получается различие, которое значительно больше, нежели между ботокудом, попавшим в условия современного капиталистического мира, и нами. Ботокуд по крайней мере сравнивает

незнакомые ему условия со своими, удивляется им и любопытствует об их значении. Босяк смотрит на окружающую культуру, как на пустыню смотрел первобытный человек и руководится по отношению к техническим сооружениям современности элементарным инстинктом животного, ищущего крова и подбирающего, где попадется, предметы для пропитания.

Вышеприведенными сравнениями, конечно, отнюдь не исчерпывается психология босяка, как вырожденца и паразита современной культуры. Она представляет собой весьма сложное образование, которое представляет собой один из интереснейших объектов исследования социальной психологии. Не надо забывать, что босяк стоит и ниже дикаря, так как, благодаря отсутствию производственной связи, он лишен даже дикарского инстинкта и переходит на ступень пассивного приспособления животного, а с другой стороны, некоторые обрывки психологии культурного человека ставят его значительно выше дикаря до тех по крайней мере пор, пока он совершенно не отвыкнет от реакции на культурных раздражителей. Вот почему он, по свидетельству Маркса, одинаково способен на подвиги, порождаемые то стадным инстинктом, то высоким мотивом самоотвержения, и на дикие разрушения, так как он или прямо утерял сознание ценности чужой жизни и культурных благ, или отдается полуживотной страсти к разрушению. К сожалению, необходимо отметить, что босяцкая психология до сих пор мало подверглась научному исследованию, несмотря на обширный и бытовой, и литературный (беллетристический) материал. А между тем, современное разложение капиталистического общества породило и ежедневно рождает все большие массы деклассированных, опускающихся на дно, босяцкого пролетариата. И подобно тому, как это делал Бонапарт во Франции, современные диктаторы реакции стремятся сорганизовать люмпен-пролетарские отбросы в качестве вооруженного авангарда фашизма, линчевания и всевозможных Ку-Клукс-Кланов. Эта армия подонков растет сейчас в угрожающей степени. Для нашей цели достаточно отметить, что выход из общей производственной связи немедленно сопровождается разрывом между психической реакцией и техникой культурной мотивации даже в рамках высоко стоящего в производственном отношении общества.

Переходим теперь к другому классу, который, по словам Маркса, среди цивилизации является представителем варварства. «Таково, например, мелко-собственническое французское крестьянство, севшее в главной своей массе на микроскопические участки земли или парцеллы, добытые при помощи великой революции. Хозяйственное положение этих крестьян весьма тяжело. В виде покупной цены они с избытком оплачивали старые крепостнические налоги и барщину, задолженность их росла с каждым годом, и на парцеллах накапливались чудовищные ипотечные долги по залогу этих несчастных лоскутов земли».

Но чем больше растет раздробление, тем решительнее участок земли вместе с плачевнейшим инвентарем начинает представлять весь капитал карликового крестьянина, тем решительнее отпадает применение капитала к земле, тем меньше у засевшего на землю денег, земли и образования, необходимых для того, чтобы применять завоевания агрономии, и тем решительнее регрессирует обработка земли. «В результате в той же мере, в какой растет население, а с ним увеличивается дробление земли, поднимается в цене средство производства, земля, уменьшается ее плодородие, падает земледелие и возрастает задолженность крестьянина». «В общем составе современного капиталистического хозяйства таким образом создаются обширные прослойки отсталого типа хозяйства, и этим самым крестьянин лишается и пользования высокой техникой культурной надстройки, которая или до него не доходит, или остается для него психологически недоступной. На такой почве создается «неподвижнейший» общественный класс, живущий в условиях величайшей разрозненности и изолированности, неспособный ни к какой организации и ни к какой защите своего классового интереса. На почве такой нищеты полукочующего карликового крестьянства естественно растут суеверия и предрассудки, фетишизм собственности, мелочная, изнурительно придирчивая пошлость. Этот класс, руководимый жандармами и попами, создал второго Бонапарта, законное порождение сельского кретинизма».

К приведенной классической характеристике психологии парцеллярного крестьянства прибавлять нечего. Подобные же производственные условия и психологические результаты находим мы в Ирландии и везде, где имеются аналогичные предпосылки. Наоборот, там, где условия меняются, и мы встречаемся с техническими культурами, даже мелкое земледелие дает иной характер населения. Примером здесь могут служить факты, которые приводит Крживицкий в своих «Психических расах». Так, области виноградарства с ее небольшими виноградниками дают, как например, в Гаскони подвижное население, привыкшее к легкому заработку и способное к городским отхожим промыслам. Гасконец склонен к расточительности, веселой жизни и стремится к торговле. Прованс с его южными садами, приносящими хороший доход, старой городской культурой, общительностью и ненавистью к деревенской замкнутости дает, кроме садоводов и виноградарей, ораторов, политиков и администраторов, поверхностных, но блестящих. Овернь со своими плоскогориями отвела место торговому скотоводству и на этой почве создала население мелких лавочников и, как необходимое дополнение к ним, расчетливых и деловитых юристов. Корсика с ее тяжелой борьбой против крайне неблагоприятных условий горного земледелия, скотоводства (козы), садоводства и даже виноградарства воспитывает суровых и замкнутых в себе людей,

принужденных к эмиграции, которые наполняют собой преимущественно войско, полицию и администрацию. Наконец, север и в особенности Нормандия снабжает Францию главным контингентом промышленников и фабричных рабочих... Подавляющая масса, однако, перечисленных производственных районов дает то, что можно назвать мелкой буржуазией.

Уже приведенные данные заставляют нас притти к твердому убеждению о решающем значении производственных условий для групповой психики масс. Совершенно непонятными после этого являются всевозможные рассуждения таких психологов, как Ле-Бон и Фулье, о какой-то массовой душе и пребывающем во веки национальном характере. Если психика карликового крестьянана Франции определяется целиком его нищим, докапиталистическим хозяйством и столь же нищей поповской культурой, а мелкое мещанство Гаскони, Прованса, Оверни и Корсики воспитывается в узких рамках мелкого садоводства, виноградарства или торгового скотоводства, то каким же путем мы можем получить массовую душу вне создающих психику населения материальных факторов? С другой же стороны, как правильно замечает тот же Крживицкий, «технический прогресс удаляет человека от непосредственного воздействия мертвой и органической среды, развитие же разделения труда вместе с дифференциацией народа на классы подвергают его давлению разнообразных общественных факторов. Каждая группа народа, обособленная по занятиям и обязанностям, начинает принимать особую духовную физиономию». Так, в современном городе создаются особые «городские расы», которые складываются под давлением роста производительных сил, интенсификации труда и перехода от инстинкта к повышению нервной и мозговой (ассоциативной) деятельности.

В современном городе с его товарно-капиталистическим производством мы находим два общественных класса, резко обособленных в их отношении к производству. Это, с одной стороны, фабричный пролетариат, а с другой — капиталисты; по существу оба эти класса являются созданием одной и той же товарно-капиталистической формы производства. Они неразрывно связаны друг с другом, пролетарий немыслим без капиталиста так же, как капиталист без наемного рабочего. И, однако, оба эти класса занимают совершенно обособленное положение в одном и том же производстве. Фабричный рабочий живет исключительно заработной платой и продажей своей физической рабочей силы. Капиталист является собственником орудий производства, руководителем и распорядителем всего производственного процесса. Разделение труда приводит к тому, что интеллектуальная сторона производства переходит в руки особой профессиональной группы — «идеологического сословия», которое, в качестве особого орудия производства, находится в полном распоряжении капиталиста, представляющего собой единство

и волю общественно-трудового дела. Так, «духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим, как чужая собственность и порабощающая их сила». Процесс отделения духовной стороны производства от физического труда завершается, наконец, «в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку, как самостоятельную потенцию производства, и заставляет ее служить капиталу". (Маркс,—«Капитал»).

Однако, основные черты фабричного производства далеко не приводят фабричного рабочего к тому уровню психической организации, которую мы отметили выше, как характерную для мелко-собственнического крестьянства. При самых различных положениях рабочего класса его все время окружает среда, далеко не похожая на обстановку «сельского кретинизма». С одной стороны, рабочий может стоять на весьма различных уровнях имущественного положения. Мы имеем целую эпоху, когда нищета его была ни с чем не сравнима. Но с другой стороны, его труд все время протекает—и чем дальше, тем больше—среди глубоко искусственных условий, в среде машин, усложняющихся с каждым шагом. Вместе с тем, его труд с самого начала отличается чертами, которые менее всего свойственны и сельскому хозяйству, и мелкому ремеслу. И, если труд земледельца учит его терпению, послушанию, пассивности и тому, чтобы он не доискивался причины причин, то труд промышленного рабочего отличается иными чертами. Здесь нужна способность к напряженному усилию мускулов и к интенсивному вниманию, хотя бы в рамках весьма однообразного повторения одних и тех же движений. Как учит нас история, переход массы крестьян, ушедших в города и на фабрики, к интенсивному фабричному труду был целой трагедией тяжелого отбора, путь которого усеян не только жертвами различных законов против бродяг и тунеядцев, но жизнями тех, кто не сумел или не смог приспособиться к новым условиям фабричного производства. Тяжкая пора переработки крестьянских нервов и мозга в психическую машину пролетария осложнилась еще тем обстоятельством, что она совпала с полной беспомощностью первых фабричных, как класса, в виду отсутствия в нем и классовой организации, и классового сознания.

Яркими чертами рисует Энгельс положение рабочего класса в Англии в эпоху начального капитализма. В это время он не только не поднялся по сравнению со старым крестьянством, но, пожалуй, еще опустился ниже и в своей сопротивляемости, и в уровне быта, и в степени своей сознательности. Эти люди, измученные бесконечным рабочим днем, находили свое единственное спасение в пьянстве и животном распутстве. Ни о каком классовом интересе еще не идет речи. Маркс в «Капитале» рисует нам не менее тяжелые картины. Так, при господстве первоначальной мануфактуры мы видим превращение рабочего в урода, в котором «искусственно культивируется лишь

одна только специальная способность и подавляется весь остальной мир производительных задатков и дарований». Здесь «утилизируют рабочего, как утилизируется скот в государствах Ла-Платы, где убивают животных только для того, чтобы добыть его шкуру или сало». Таким путем рабочий «превращается в автоматическое орудие данной частичной работы». В таком рабочем его пригодность «обусловлена обеднением его индивидуальными производительными силами». «Мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться, как машина, части которой составляют люди». В половине XVIII века действительно предпочитали употреблять «полуидиотов» для производства известных простых операций, а рабочий становился «настолько тупыми и невежественным, насколько это возможно для человеческого существа».

Маркс, изображая рабочих мануфактурного периода, следует здесь Адаму Смиту, оценившему значение условий труда для психики рабочего: «Человек, затративший всю свою жизнь на отправление немногих простых операций,.. не имел случая упражнять свой разум... Монотонность его жизни, в которой нет никаких перемен, подрывает, конечно, силу его духа... Она разрушает даже энергию его тела и делает его неспособным к напряженному и продолжительному труду во всех областях, кроме той, которая составляет его специальность». Так происходит настоящее «искалечение народной массы, являющееся результатом разделения труда. Рассечение труда есть убийство народа». И, если «некоторое духовное и телесное искалечение неизбежно даже при разделении труда в рамках всего общества в целом», то в мануфактурный период происходит такое «общественное расщепление различных отраслей труда», затрагивающее индивидуум «в самой его жизненной основе», что здесь впервые дается материал для специального учения о «промышленной патологии», т.-е. учении о профессиональных болезнях промышленных рабочих. Такое положение рабочих еще осложняется тем, что «искалеченные разделением труда эти бедняги имеют столь малую стоимость вне своей старой сферы деятельности, что они могут найти доступ лишь в немногие низшие, постоянно переполненные, вследствие своей простоты, и плохо оплачиваемые отрасли труда» (Маркс, — «Капитал»).

Эпоха первоначального капитализма дает безотрадную картину и с другой стороны. Являясь такою же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент, пролетарий оказывается на положении, весьма близком состоянию древнего раба по отношению к своему господину. Физически он ставится в условия труда, которые его подвергают не только изуродованию, но и опасности. Искусственно повышенная температура, воздух, наполненный ядовитой пылью, оглушительный шум и подобные материальные условия дополняются опасностью для

жизни между тесно поставленными машинами. Капиталист отнимает у рабочего, как у своего раба, пространство, воздух, свет, здоровье и самую жизнь. И этот же рабочий, изнашиваемый, как инструмент, при отчаянных условиях труда, есть машина, которая в своих детях с величайшей регулярностью воспроизводит израсходованную рабочую силу. Незащищенный вначале детский труд превращал положительно рабочих в работорговцев, которые торговали жизнью своих детей, так как детский труд переходил в цепь непрерывных истязаний, кончающихся через несколько лет смертью. И сами рабочие, и их жены, и дети — все они превращались по своему духовному уровню не только в рабочую, но рабскую скотину, которая погрязала в нищете, звериной распущенности, пьянстве и всевозможных пороках, которые роднили их в известной степени с босяцким пролетариатом. Как очевидно, и здесь оправдался общий закон о роковом влиянии условий экономического быта на классовую психологию.

Но здесь же необходимо отметить и другое обстоятельство. Даже в период своей наибольшей слабости, неорганизованности и падения рабочий класс все же был поставлен в условия, которые резко ограничивали его и от крестьянской массы, и от босяцкого пролетариата. Несмотря на все ужасы своего положения, рабочий класс все же был брошен в среду той искусственной техники, которая характеризует собой машинное производство. Отсюда отсутствие у него косности и религиозных идеологий, отсутствие послушания, веры и традиционной морали. В глубине своего падения он все же сохранял гибкость и пластичность, которая вырабатывалась из крестьянской неподвижности в топке парового котла. Не менее отличался пролетарий и от босяка, так как дорогою ценою оплачивал привычку к одинаково интенсивному труду, напряженному вниманию и в конце-концов к усиленной работе мысли. В результате, как правильно отмечает Крживицкий, мы получаем выработанную путем подбора особенную общественную или психическую расу, а вернее психически обособленный класс, который, по мере дальнейшего развития производительных сил, все больше приспособляется к работе бесчисленных усовершенствованных машин. Социальная жестокость и тяжелые условия наемного режима в течение нескольких веков содействовали нарождению в стране группы людей, не только привыкших к интенсивному труду, но таких, у которых «умение долго и систематически трудиться становится второй натурой человека, т.-е. потребностью, которая нуждается в удовлетворении».

И такой процесс необходимого освобождения рабочего от порабощения его средствами производства является результатом постепенного перехода к господству крупной промышленности. «Машинное производство уничтожает необходимость закреплять, как это было в мануфактуре, распределение разнородных групп

рабочих по разнородным машинам и приурочение одних и тех же рабочих к одним и тем же постоянным функциям. Так как общий ход фабрики зависит не от рабочего, а от машины, то возможна постоянная перемена в персонале без перерыва в процессе труда... Наконец, быстрота, с которой человек в юношеском возрасте научается работать при машине, также устраняет необходимость воспитывать такой класс рабочих, которые были бы исключительно рабочими, занятыми при машинах». Так «старая система разделения труда мало-по-малу превращается в анахронизм. Технический базис крупной индустрии — революционен. Машинами, химическими процессами и другими способами, вместе с техническими основаниями производства, новейшая промышленность постоянно преобразовывает занятие работников и общественные комбинации рабочего процесса... Крупная промышленность требует перемены работ, непостоянства занятий, всесторонней подвижности рабочего... Сама крупная промышленность, вследствие своих собственных катастроф, делает вопросом жизни как признание перемены занятий, — а, следовательно, и многосторонности рабочего, — всеобщим социальным законом, так и преобразование отношений сообразно нормальному осуществлению этого закона». Так создается вместо «специализированного индивидуума» «индивидуум вполне развитой, который одинаково способен на все разнообразные общественные занятия». Так «производительный труд, вместо того, чтобы быть средством порабощения», необходимо должен сделаться «средством освобождения, предоставляя каждой личности возможность развивать во всех направлениях и проявлять все свои способности как физические, так и духовные». (Маркс, — «Капитал»; Энгельс, — «Анти-Дюринг»).

Устранение всех темных сторон разделения труда и достижение вместе с тем высшей степени технического совершенства — дело социалистического, а затем коммунистического хозяйства. Последовательное и окончательное выпрямление рабочего и превращение его в сильного, здорового и психически развитого человека есть дело будущего. Но уже и сейчас крупные формы производства настолько содействуют оздоровлению рабочего класса, что он при падении частно-капиталистического хозяйства выдвигается на первый план, как будущий хозяин всей общественной жизни. Не надо забывать, что рабочий класс, помимо чисто технического приспособления, был брошен в самую гущу экономической борьбы и в классовом сознании получил достаточно силы для того, чтобы быть классом не только для других, но и для себя. Общественная борьба, однако, немыслима без борьбы политической. И в качестве партийного деятеля социалистических организаций рабочий еще более расширил свой опыт, свой интеллект и способность к дружному коллективному действию. Таким образом, в своей психической

организации он является преемником разлагающейся буржуазии, и эпоха социальных революций должна открыть перед ним новую эру деятельности и победы.

Классовая психология. Мелкая и крупная буржуазия.

Переходя к характеристике буржуазии, мы должны принять во внимание прежде всего, что она включает в своем составе несколько разнородных групп, которые в общем могут быть охвачены понятием мелкой и крупной буржуазии. Под первой мы разумеем тот переходный и промежуточный класс, который по существу вместе с средневековым ремеслом и мелкой торговлей потерял свое господствующее положение. Его организацией был цеховый и гильдейский порядок, построенный на местном обмене и ограниченном производстве для строго определенного рынка. Основной его целью было обеспечение хотя и скромного, но устойчивого дохода от ремесла, применявшего наемный труд, во-первых, в ограниченных размерах, а во-вторых, в таких формах, которые приближали его к семейно-патриархальной организации. Переход к капиталистическому производству нанес непоправимый удар этому классу, который еще держится в странах отсталого хозяйства и неизбежно гибнет при крупно-капиталистическом производстве. Но он гибнет далеко не сразу. В громадном большинстве случаев он как бы выщелачивается или выедается изнутри, сохраняя, подобно крестьянину, внешнюю оболочку собственности, независимого хозяйства, в котором труд яко бы сочетается с собственностью на средства производства. На самом деле, конечно, это призрак, прикрывающий безграничное порабощение крупному капиталу и такую жестокую эксплоатацию мелкого «собственника», что слишком часто он отдает крупному капиталисту не только свою прибыль и ренту, но и заработную плату.

Этот погибающий класс в известной степени включает в себя и то новое, так называемое, среднее сословие, которое образуется из многочисленнейших и все растущих в числе, более или менее квалифицированных, работников и служащих капитала; они лишь в общем и целом могут быть подведены под обозначение «идеологического сословия», находящегося в непосредственном услужении крупного капитала. Мы бы сказали, что мы имеем здесь перед собой профессиональную группу интеллигенции, как она сложилась сейчас на основе разделения физического и умственного труда и организовалась под непосредственным давлением торгового, промышленного и финансового капитала. В классовом отношении эта группа целиком может быть причислена к мелкой буржуазии, хотя она происхождения нового и создана в значительной степени, как результат разрушения других общественных классов. В ее рядах, поэтому, мы найдем и деклассированного аристократа и поднявшегося с низов крестьянина и выбившегося путем чрезвычайных усилий или удачи

фабричного рабочего. Своими низами эта профессиональная группа соприкасается со слоем квалифицированных рабочих и частью, ремесла, а своими верхами она часто входит в класс крупной буржуазии. Ее характерной чертой является ее профессиональный характер, в классовом же отношении она вполне может быть причислена, благодаря своему промежуточному переходному положению, к мелко-буржуазному слою.

Исследование классовой психологии мелкой и крупной буржуазии представляет для исследователя научный интерес, которого мы не могли удовлетворить при рассмотрении неимущих классов. А именно в буржуазии мы находим ярко выраженное отношение двоякого свойства. С одной стороны, попрежнему, определяющей силой остается отношение к производству и роль в производственном процессе, но с другой,—здесь к этому основному моменту присоединяется еще дополнительное обстоятельство, которого раньше мы не могли отметить в экономическом положении пролетариата, и, разве в незначительной степени, в среде крестьянства. Это — момент наличности известного состояния или имущества, накопленных средств в тех или иных формах. Мы имеем, таким образом, здесь дело не только с весьма мало состоятельными группами, как мелкая буржуазия, которые, однако, тянутся за внешностью благосостояния, но и с действительно имущими слоями, где в некоторой хозяйственной градации возвышаются круги все более и более состоятельных людей, вплоть до крупных капиталистов, а в настоящее время — всяческих миллионеров или даже миллиардеров.

Наличность известного накопления в связи с определенным производственным отношением ставит необходимо вопрос о сравнительном влиянии на психику, с одной стороны, производственного положения, а с другой,—капиталистического накопления. И так как мы выше уже пришли к некоторым выводам и обусловили целиком наличность культурной надстройки или, иначе говоря, сложной техники организационного и идеологического типа от уровня производства, то спрашивается теперь, что влияет в большей степени на психику класса, уровень ли производства, как это мы приняли выше, или, быть может, наличность обилия потребительных благ, как это принимали, между прочим, мыслители древности. Положение капиталиста с этой точки зрения дает как бы две линии. С одной стороны, поскольку он выступает в качестве хозяина, предпринимателя, организатора и руководителя предприятия, он необходимо ставится на такое место, где естественно и необходимо он должен вырабатывать разнородную психическую деятельность и соответствующий ей и условиям производства, не менее разносторонний, широкий и гибкий аппарат не только практических навыков, знаний, но и богатых идеологических реакций. Мы уже отметили выше, согласно Марксу, связь науки и современной

техники. Остается добавить, что эта связь укрепляется с каждым днем, и что могучее развитие современной науки с ее исследовательской техникой есть лишь результат такого же высокого уровня техники производственной. Спрашивается, однако, не может ли просто наличность крупного обеспечения и возможность богатой и широкой жизни привести точно также к образованию особого рода надстройки, которая бы служила организацией психики таких свободных и счастливых людей, как различные богачи, живущие, что называется, в свое удовольствие. Этот вопрос тем более уместен, что развитие крупных состояний далеко не связано с определенной формой производства, и рабовладение, наряду с хищническими формами капитала древности, в действительности, говоря исторически, дало свою своеобразную культуру. При дальнейшем рассмотрении, таким образом, мы ставим на разрешение два намеченных вопроса, и если факты так или иначе подтверждают наши предположения, то необходимо будет, конечно, решить вопрос о взаимоотношении между культурной надстройкой классового типа, созданной в связи с производственным положением класса, и какой-то другой культурной надстройкой, которую порождает простой факт широкой обеспеченности.

Для разрешения поставленной проблемы, прежде всего, обратимся к мелкой буржуазии, при чем воспользуемся исчерпывающей характеристикой этого класса, как она дана Марксом и Энгельсом. Класс этот в качестве «переходного класса» отличается, прежде всего, тем, что, так как в нем «притупляются интересы двух различных классов» (буржуазиии и пролетариата), то он воображает себя поставленным вне классов в качестве составной части народа, с которым он представляет одно целое. Народ с этой точки зрения есть мелкая буржуазия, а мелкая буржуазия есть народ. Экономически этот класс, «играющий огромную роль во всех современных государствах», определяется промежуточностью своего положения и стремится к положению торговцев и промышленников в то время, как малейшая неудача низвергает отдельных лиц этого класса в ряды пролетариата. Мелкие буржуа «постоянно колеблются между жаждой подняться до положения зажиточного класса и страхом быть брошенными в ряды пролетариев или даже нищих. Малы те средства, которыми владеют они, и необеспеченность их собственности состоит в обратном отношении к ее величине; воззрения этого класса до чрезвычайности шатки. Смиренный и низкопоклонничающий перед сильным, феодальным или монархическим правительством, он обращается к либерализму, когда буржуазия начинает подниматься; он охватывается сильным припадком демократизма, когда буржуазия завоевывает для себя господство; он впадает в самую жалкую трусость, когда класс, стоящий под ним, пролетариат, отваживается на самостоятельное движение» (Энгельс).

Колеблющийся и трусливый, класс мелкой буржуазии легко «жертвует общими интересами своего класса ради своих мелких личных интересов», однако это не значит, что в своей идеологии он провозглашает так откровенно свои интересы. Поскольку мелкая буржуазия осуществляет свои эгоистические классовые интересы, она выдвигает своих представителей, которые выражают социальные интересы ремесленников, лавочников или поклонников лавочников, именно потому, что их мысль не в состоянии переступить тех границ, которых не переступает жизнь мелкого буржуа. Но в одном отношении мелкие собственники достигают уровня «героев». Они не только видят «в великих сановниках собственности естественных защитников своей мелкой собственности и своих мелких предрассудков», но они способны отстаивать эту свою непоколебимую веру ценою крови и убийства. Как изображает нам их Маркс в «Борьбе классов во Франции»: «никто не сражался с таким фанатизмом в июньские дни за спасение собственности и восстановления кредита, как парижские мелкие буржуа: содержатели кафе и ресторанов, мелкие виноторговцы, мелкие торговцы, разносчики, лавочники, ремесленники и т. д.. Мелкая торговля поднялась и пошла против баррикад, чтобы восстановить движение, ведущее с улицы в лавку». И они шли в бой, несмотря на то, «что за баррикадами стояли покупатели и должники, а напротив кредиторы лавочников. И когда баррикады были разрушены, рабочие раздавлены и опьяневшие от победы лавочники бросились назад к своим лавкам, они увидали, что вход в них был забаррикадирован спасителем собственности, официальным агентом кредита, который протягивал к ним грозное извещение: просроченный вексель... просроченная плата за наем дома... просроченная долговая расписка... конфискация лавки... банкротство лавочника»...

Мелкое производство есть производство отсталое и технически плохо оборудованное. То же нужно сказать о технической стороне мелкой торговли. Поэтому нас не должно удивлять то обстоятельство, что среди мелкой буржуазии так невысоко стоит культурная техника, охватывающая собой и науку, и художество, и организационные центры общественной связи. Неудивительно поэтому, что в своих хозяйственных целях мелкий буржуа не поднимается выше тех целей накопления, которые характеризуют собой варварские времена развития хозяйства. И так как сравнительно рано накопление потребительных ценностей или естественного богатства, т.-е. одежды, драгоценностей и т. д. было заменено накоплением денег, как ценности меновой, то и мелкий буржуа идет по этому пути. Ему присуща «священная жажда золота», которого накопить ему редко удается. Но для него «стоимость неотделима от формы стоимости и потому накопление сокровищ в форме золота и серебра совпадает с накоплением стоимости». И если

вообще «буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства», то о мелко-буржуазной душе это можно сказать с двойным правом, так как именно здесь перед нами выступает «собиратель сокровищ, как помешанный капиталист». Такой «собиратель сокровищ является мучеником меновой ценности, благочестивым аскетом на вершине металлического столпа. Для него существует богатство только в его общественной форме, и поэтому он закапывает его от общества. Он жаждет товара в форме, постоянно способной к обращению, и поэтому он извлекает его из обращения. Он грезит о меновой ценности и поэтому ничего не выменивает. Подвижная форма богатства и его окаменелость, элексир жизни и камень мудрости сталкиваются друг с другом так же бессмысленно, как в алхимии». (Маркс,—«Капитал», «К критике»).

Когда из мелкого буржуа вырабатывается крупный капиталист-предприниматель, он вначале идет по тем же проторенным путям, как и первый. И хотя с самого начала его капитал направлен на получение прибавочной стоимости, психологический мотив и характер душевного склада остается весьма родственным жадной душе мелкого буржуа, расцветающего в торговле и поклоняющегося «золотому фетишу». В этом отношении замечательна картина, которую рисует нам Маркс и которая охватывает собой процесс превращения мелко-буржуазного фанатика собственности в крупного капиталиста. Вот он перед нами в начале своей деятельности, как капиталист, разделяет прибавочную стоимость на капитал и доход: чем меньше он использует ее, как доход, или, иначе говоря, чем меньше сам он ее проест, тем более он увеличит капитал, который идет вновь на производство, а следовательно, и на получение новой прибавочной стоимости. Мотивом его деятельности является, таким образом, то, что мы видели сейчас на примере накопления мелкого буржуа, так как целью его является не потребление и потребительная стоимость, а меновая стоимость и ее увеличение. «Как фанатик самовозрастаемости стоимости, он безудержно побуждает человечество к производству ради производства... Как воплощение капитала, капиталист... разделяет с собирателем сокровищ самодовлеющую страсть к обогащению. Но то, что у первого было индивидуальной манией, у второго представляет действие общественного механизма, одним из колесиков которого он является» (Маркс,—«Капитал»).

«Поэтому, поскольку все поведение капиталиста есть лишь функции капитала, одаренного в его лице волей и сознанием, поскольку его собственное личное потребление представляется ему грабительским посягательством на накопление капитала; ведь, в итальянской бухгалтерии частные расходы так и записываются на стороне дебета капиталиста по отношению к его капиталу. Накопление есть завоевание мира общественного

богатства. Вместе с массой эксплоатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и косвенного господства капиталиста». Таким образом, «при возникновении капиталистического способа производства в истории,— а каждый капиталистический новичек индивидуально проделывает эту историческую стадию,— жажда обогащения и скупость господствуют, как абсолютные страсти». Так, во время первого периода промышленного развития Манчестера, «фабриканты», по словам одного писателя XVIII века, «были вынуждены сурово трудиться для поддержания своего существования». Труд этот не был особенно тяжел, так как в его состав входило также надувательство и эксплоатация. Все же они придерживались «большой бережливости», так как «средняя прибыль была низка и накопление требовало большой бережливости. Они жили, как скряги — собиратели сокровищ, и далеко не потребляли даже процентов со своего капитала». По свидетельству того же писателя, во второй период они начали составлять себе небольшие состояния, но «работали так же упорно, как и раньше»,— «потому что, — говорит Маркс, — непосредственная эксплоатация труда сама стоит труда, как это известно всякому надсмотрщику над рабами». В конце-концов они жили «в том же самом скромном стиле, как и раньше».

Такой период развития буржуазного капитализма, как очевидно, недалеко ушел от мелко-буржуазного накопления. Но поскольку такой капиталист, поднимаясь на вздымающемся гребне производственного роста, накопляет при помощи эксплоатации живой силы рабочего, он принимает новые психические черты. Все яснее выступают его общественные функции в качестве руководителя производственного процесса и непосредственного эксплоататора труда. И здесь уже серьезное различие между психологией мелкого буржуа и психологией крупного капиталиста. Последний в качестве психического и очеловеченного воплощения капитала идет необычайно далеко. И если помешательство одного вело к фанатическому обожествлению золотого фетиша, то безумие другого превратило его в настоящую кровососную банку, поставленную на теле рабочей массы. «В общем опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение, т.-е. перенаселение сравнительно с существующей в каждый данный момент потребностью капитала в увеличении своей стоимости, хотя перенаселение это и составляется в захилевших, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколениях. С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, возникшее, выражаясь исторически, всего лишь со вчерашнего дня, уже успело в самый корень подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением

примитивно-крепких жизненных элементов деревни, и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и безграничное господство среди них принципа естественного подбора, благодаря которому выживают лишь наиболее сильные индивидуумы. Если капиталист имеет столь «достаточные основания» отрицать страдания современного поколения рабочих, то перспектива будущего вырождения человечества, т.-е. в конце-концов неизбежного его вымирания, так же мало влияет на его практическую деятельность, как соображения относительно возможности падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте». «Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и сокращает жизнь рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению» (Маркс,—«Капитал»).

Мы теперь уже имеем некоторые черты капиталиста первоначальной эпохи. Прежде всего, его страсть к накоплению совершенно подобна безграничной жадности мелкого буржуа, но только направлена на другой объект и поэтому является лишь отражением его промышленных функций. Затем мы видим, что в это время капиталист стоит довольно близко к своему предприятию, так как сам является его непосредственным руководителем и даже заинтересован в некотором самоограничении, ради, так называемых, интересов дела и обращения возможно большей части дохода на получение соответственно большей части прибавочной стоимости. Это обстоятельство ставит его близко к технике дела и во всяком случае он расширяет свой опыт и знания, так как ежеминутно ставится перед ним вопрос об увеличении производства путем не только эксплоатации рабочих, но и развития техники. В-третьих, наконец, он приобретает совершенно особый характер в области междуклассовых отношений. Он смотрит на рабочего, как носителя рабочей силы не иначе, как смотрел рабовладелец на своего раба. Свирепость мер его эксплоатации проистекает отнюдь не из какого-то прирожденного ему зверства, но исключительно из холодного расчета и хозяйственной цели, которые заставляют его считать рабочего не каким-то равным ему живым существом, способным мыслить и чувствовать и так же, как он сам, стремящимся жить, но исключительно «живым ферментом», через который проходит производственный процесс. Пролетарии, с такой точки зрения, превращаются из людей в живые автоматы, сменяющие друг друга в ряде поколений, на смену которым придут, быть может, и худшие, но во всяком случае в достаточном количестве.

Психическая фигура капиталиста для нас теперь ясна в его исходном пункте и основном развитии. Но на этом уровне она

не останавливается. По мере роста производительных сил улучшаются средства производства, растет все более и более капитал, все большую роль в производстве начинают играть те живые глаза, уши и мозг капиталиста, которые воплощаются в технической и административной интеллигенции. Производство становится само по себе настолько рентабельно (доходно), что непосредственный, страстный интерес капиталиста к его делу постепенно смягчается и в конце-концов дает фигуру только высшего руководителя, а иногда и формального собственника предприятия, который почти не вмешивается в самый процесс производства, но удовлетворяется получением и без того изобильного дохода. Как свидетельствует Маркс со слов своих исторических источников относительно манчестерской мануфактуры, «в третьем периоде началась роскошь»... «Промышленники уже накопили деньги и стали строить себе каменные дома, вместо деревянных или глиняных... Четвертый период — последняя треть XVIII века — уже отличается большою роскошью и расточительностью, опирающейся на расширение предприятия»...

Психология крупной буржуазии, однако, была бы изображена далеко не верно, если бы мы ограничились только изучением того внутреннего процесса, путем которого она шла от аскетического накопления мелкого мещанства к крупной эксплоатации труда в объеме машинной индустрии. Не надо забывать всех тех глубоких процессов, так называемого, первоначального накопления, которые выдвинули буржуазию на положение мирового фактора. И накопление, и классовая эксплоатация были связаны с рядом явлений широкого мирового значения. И если мануфактуре предшествовало полное обезземеление крестьянства и кровавое истребление нищих, грозившее смертью каждому, не желающему итти в мануфактурную кабалу, то с другой стороны, капиталист воспитывался и на арене всемирного грабежа: «открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих,— такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война европейских наций, ареной для которой служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в таких грабительских походах, как война с Китаем из-за опиума, и т. д.. Специально «в Англии к концу XVII века моменты первоначального накопления систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы в значительной мере покоятся

на грубейшем насилии, но все они пользуются государственной властью, т.-е. концентрированным и организованным общественным насилием.. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» (Маркс,— «Капитал»).

Так довершается психическая фигура капиталиста чертами, приобретенными им на поле колониальной и финансовой деятельности. Это черты авантюризма и бандитизма, роднящие его с босячеством, но отличающиеся совершенно иным характером. Бандитизм капиталиста не имеет в себе ничего анархического. Он вырастает на определенных производственных условиях и воплощает в себе универсальный размах капитализма. Он бесстыден, как разбойник, но вместе с тем легален, как верный подданный и гражданин. Он не знает никаких преград своей разбойничьей деятельности, но в то же время строго блюдет пределы им самим созданного уголовного права. Он давит беззащитного и снимает последнюю рубашку с нищего, но в то же время двигает просвещение и ведет, так называемую, культурную и приличную (респектабельную) жизнь. Он обдирает население при помощи сборщика податей, ведет войны при посредстве армии национальной защиты и порабощает при посредстве судов. Он не просто убивает, но карает по всей строгости законов и работает при помощи государственных судей и палачей. Он выступает последовательно, как скупец, собирающий сокровища, как пират, работающий на торговых путях, как предприниматель эксплоатирующий рабочего, как политический деятель, воплощающий государственные интересы во имя своих классовых. Но величайшим завершением его деятельности является его новое превращение в крупнейшего капиталиста-собственника, который постепенно отходит от непосредственного руководства делом и ставит между собою и производством целое государство служащих и специалистов, приказчиков, клерков, инженеров, юрисконсультов, директоров и научных консультантов. Он дорастает до типа короля или магната финансового мира, утопающего в неслыханной пышности и роскоши.

Изображенный нами здесь исторический процесс дает нам все основания утверждать, что сам капиталист, по мере развития производства и концентрации капиталов, все более отходит от производственного процесса и превращается лишь в пользователя громадных доходов. Можно было бы даже сказать, что он из распределителя капитала все больше превращается в распределителя одного лишь дохода и, в силу этого, все дальше и дальше отходит от своей первоначальной функции. Его роль переходит в свою противоположность. И если буржуа в начале установления своего господства выступил в качестве активной творческой силы против паразитизма феодально-крепостнического класса, то сейчас он становится постепенно на те же самые пути и вырождается

в какого-то феодала промышленности. И вот тут мы приближаемся к тому моменту, который для нас представляется в высшей степени важным. А именно, мы ставим теперь вопрос—не происходит ли вместе с тем изменений и в той надстройке, которую сооружает капиталист, не вырождается ли она, подобно тому, как в мире биологическом всякое паразитическое животное постепенно теряет все нужные ему органы и свойства, выросшие в жестокой борьбе за существование. Ведь, в конце-концов паразитическое животное или насекомое сохраняет почти исключительно только два отверстия: ротовое и выводящее, так как все остальные органы ему больше не нужны. Спрашивается теперь, не претерпевает ли капиталист подобных изменений, несмотря на все богатство окружающей его культуры. Не теряет ли он в конце-концов тех свойств нервов и мозга, которые подняли его в историческом процессе на ступень колоссальной обеспеченности и материального достатка?

Современное учение о развитии финансового капитала вместе с ростом империализма дает нам достаточные основания для такого предположения. И в самом деле, империализм, который представляет собой рост капиталистической монополии, громадное накопление денежного капитала, вывоз его за границу в ростовщических целях и совершенный отрыв класса, живущего «стрижкой купонов» от производства, создает совершенно новую породу людей. Образование «государств-рантье» или «государств-ростовщиков» выносит на господствующие высоты отнюдь не прежнего капиталиста-предпринимателя, но совершенно новый тип хищника и спекулянта, живущего доходами от процентов и дивидендов, от эмиссий, комиссий и спекуляций, который смотрит на государственную машину своей страны лишь как на необходимую ему организацию для добывания новых колоний, государств-должников и рынков Громадная концентрация капиталов в руках такого государства-кредитора, с одной стороны, влечет за собой все отвратительные стороны капиталистической монополии внутри его, а с другой—превращает его в страшную силу, которая направляет свою ненасытную жадность на приобретение должников и конкуренцию с соперниками. Такой капитализм не только теряет стремление к развитию производительных сил, но, наоборот, тормозит его и понижает, а все наличные избытки бросает за границу для эксплоатации дешевого труда колониальных рабов (Ленин,—«Империализм»).

Буржуазные слои, втянутые в такого рода империалистические машины, приобретают особый характер. Питаясь за счет грабежа, они в значительной степени превращаются в массу обеспеченных процентщиков-тунеядцев. Работая при помощи военной силы государства, они отрываются от экономики и приобретают характер милитаристов и шовинистов наихудшего типа. «Политика силы»—их основной лозунг. Раздувание государства влечет за собой такое же извращение национальной

идеи, прикрывающей жадность ростовщика. От демократии такая буржуазия переходит к олигархии и фашизму. Поскольку она покупает часть рабочего класса за счет сверхприбылей, постольку она беспощадно гнет остальных рабов капитала. Что же касается содержания культуры широких слоев мелкой буржуазии, находящейся в полном порабощении у монопольного капитала, на положении ли мелких агентов, под кровом самостоятельного хозяйства или армии служащих, живущих крохами добычи, то их хорошо характеризует один современный исследователь: «Это подписчики специфически империалистических органов, приверженцы расовой теории, которая для них представляет иногда орудие конкуренции, читатели военных романов, поклонники колониальных героев, агитаторы и голосующее стадо финансового капитала» (Гильфердинг,—«Финансовый капитал»).

Если мы сравним теперь паразита биологического мира и паразита социальной среды, то и здесь мы найдем необходимое различие, которое уже установили выше. Паразит животного мира, который создает аппарат приспособления внутри самого себя, действительно переходит к чрезвычайному упрощению своих органов. При благоприятных условиях он сохраняет только жадно сосущее ротовое отверстие и кишечник с выводным аппаратом. Живым инструментом такого организма остаются лишь различные присоски, крючья, когти и т. п. приспособления весьма примитивного свойства. Паразитствующий класс, созданный разложением определенной хозяйственной формы, не только питается за счет всего общественного организма, а главным образом его производительных сил, но и создает целую культуру, которой мы не найдем ни среди трутней пчелиного роя, ни у паразитов муравейника. Вырождаясь в звериное стадо хищников и ростовщиков, буржуазия создает культуру, которая действует, как могучая система социальных раздражителей, на все общество. Упиваясь награбленным жиром, она вместе с тем создает из своего досуга и сверхупитанности культуру азарта, опьяняющего спорта, грандиознаго разврата и утонченности, пропитанных жестокостью и остротой. Но она не остается изолированной в своем классовом уединении. Благодаря централизованной системе современной идеологическсй техники, она потрясает все общество в лихорадке больной жажды господства и заражает его бредом величия и завоеваний.

В этом пункте, несомненно, сказывается все различие между человеком, создающим культуру вне себя, и живым существом биологического мира, несущим свою культуру только в самом себе. С буржуа-капиталистом происходит здесь то же самое, что много раз совершалось на протяжении истории с предшествовавшими ему общественными классами и группами. Во всех случаях, когда общественный класс или группа, благодаря чрезвычайному ожирению своей питательной среды, переходили

на положение паразитов, столь характерных для отживающей формы производства, рядом со здоровой организацией культурной техники, отвечающей данным производственным отношениям, вырастала другая техника-классовая надстройка паразитствующего класса, которая давала культуру роскоши и зверства, бесплодной игры и бессмысленной жадности,— культуру, которая в конце-концов нарождала организацию расходования излишнего досуга, разбрасывания чрезмерно накопленного в одних руках продукта и уничтожения тех производительных сил, которым более не было места при данной организации производственных отношений. По мере того, как класс — организатор и хозяин становился классом паразитов и врагов нового хозяйственного прогресса, он не только терял свою связь с системой социальных раздражителей, выросших на данной почве производства, но создавал свою новую паразитическую культуру, которая отвечала его запросам праздного существования и извращенного быта.

История дает нам многочисленнные примеры развития таких паразитических культур и соответственного психического вырождения господствующего класса. Такие культуры могут порою отличаться весьма своеобразными чертами утонченности, мистической глубины и эстетического совершенства. Выродившиеся жрецы Индии создали великолепную религиозную культуру, которая в значительной степени стала поперек общему экономическому преуспеянию страны и развитию ее производительных сил. Античный мир, давший нам картину утонченной организации аристократического досуга, в свою очередь был жирным наростом на хищническом хозяйстве рабовладения, ростовщичества и торгового капитала. В средние века, после падения церковной касты с ее прогнившим центром, римско-католическая церковь перешла на положение колоссального социального паразита, создавшего за счет вытягиваемых им соков паразитическую культуру громадной сложности и порою непревзойденного совершенства. Феодально-крепостнический класс перед своим крушением и даже после победы буржуазии сумел не только сохранить во многих случаях положение общественного паразита, но и укрепить свою дворянскую культуру, как специальный аппарат благородной, романтической и, в известной степени, театральной жизни. Мелкая буржуазия старого города, задавленная крупным капиталом, создала сантиментально-идиллическую культуру слезливого мещанства, которая до сих пор живет, несмотря на полную неоправданность ее построения. Современная крупная буржуазия, превратившаяся в значительной степени в класс чужеядных паразитов, разрушающих в империалистских войнах то, что некогда созидали их предки, отдает избытки полученной ею прибавочной стоимости на извращенную, психопатическую и пряную культуру большого города, которая, подобно последнему

хмелю, пьянит головы умирающего класса и заражает новую жизнь пролетариата. Так, в известный период при определенном состоянии производительных сил, наряду с раздражителями и ферментами здоровой социальной жизни, развивается не только разложение, но и его, порою высокопробная, техника, которая закрепляет и организует жизнь класса, являющегося врагом новых форм производства.

Вывод отсюда один Наряду с культурой, непосредственно отвечающей росту производительных сил, на почве накопления имущественных масс и богатства, рождается культура извращения и падения. Но последняя является результатом не нормального развития производительных сил, а конфликта между ними и производственными отношениями. Само собой разумеется, что такая культура, несмотря на всю свою техническую высоту, тем не менее осуждена на гибель, и ее господство рушится вместе с падением создавшего ее класса. Если же известные моменты даже такой извращенной культуры продолжают свое существование после гибели породившего ее класса, то лишь потому, что она приобретает в психологии других общественных классов совершенно иное значение и раздражающую силу, чем это было при ее создании. Так, созданная даже погибшим классом паразитическая культура становится предметом известного социального отбора, из нее выделяются все пригодные для нового класса элементы, с ними связываются совершенно иные психические процессы, чем это было в среде ее создателя, и таким образом после основательной переварки, переделки, чистки и новой установки старая и скверная культура может войти, как материал для новой и здоровой культуры новой фазы производства. В экономии человечества даже отбросы и продукты гниения идут на химический завод классовой психики. Но само собой разумется, что гибнущий класс в своей психике и на основе своего отношения к производству и паразитической культуре дает столь же уродливые, как порой оригинальные, явления.

Отметим в этом отношении два основных направления. Очевидное отупение психики и падение интеллектуальной деятельности отразилось, прежде всего, в чрезвычайном усилении различных острых раздражений, которые определили собой целую полосу культурной надстройки. Извращенное и пряное искусство, играющее, с одной стороны, на ужасах и цинизме, а с другой—на утонченности эротического смакования, воскрешение религии в ее худших формах изуверства и психических эпидемий с различными «культами», вроде восточных и хлыстовских, отказ от науки и возвращение ко всевозможной мистике, рост извращений в области половой жизни и семейного быта,—все это определенно показывает на возврат психики крупной буржуазии к некоторым грубым и зверским начаткам, с присоединением сюда тонкостей новейшей идеологической

техники. Другим направлением в психике буржуазии является бесспорно та потеря человеческого образа, которая проявилась в бесчисленных убийствах и колоссальном истреблении производственного аппарата во время империалистской войны. Правда, буржуазия готовилась к этому мировому варварству достаточно серьезно и в приемах эксплоатации рабочих, и во взаимной конкуренции не на жизнь, а на смерть. Но лишнее говорить, что психология крупной буржуазии, обагрившей кровью миллионов убитых землю новейшей культуры, являет в себе нечто совершенно исключительное. Только паразит, потерявший всякую связь с живыми массами людей, способен на акты, известные нам всем. Психология крупной буржуазии, несмотря на все ее богатства, знаменует полный отрыв этого класса от основной производственной почвы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Учение о социальных раздражителях.

Сознание и бессознание.

Как мы имели возможность убедиться не раз, социальная среда определяется тремя основными факторами. Главным определяющим моментом является уровень производительных сил, от которого зависит высота техники как производства, так и культурной надстройки, а также производственные отношения с классовым разделением. Вторым моментом можно считать столь же материальную машину идеологической техники или материально выраженной системы социальных раздражителей, которая зависит от уровня производительных сил в своей технике и содержит отвечающую формам хозяйства систему сигналов и символов, приводящих в движение живую психику человеческих масс. Наконец, в качестве третьего момента выясняется эта психика, которая, как живая среда активного приспособления, с одной стороны, противопоставляет материальную технику действию враждебных стихий, а с другой—организует свою собственную деятельность в указанных целях при помощи материального аппарата социального раздражения, отражения и возбуждения. Мы до сих пор занимались преимущественно той связью, которая существует между этими тремя элементами социальной среды в их взаимоотношении. Теперь мы переходим к более специальной теме и должны выяснить ту связь, которая существует в частности между психикой и системой социальных раздражителей.

История дает нам чрезвычайно различные способы и формы, при помощи коих общественный человек организует свое ответное действие на внешний мир при помощи идеологического механизма. Рассматривать сейчас в исторической последовательности ту громадную и непрерывную цепь развития было бы для нас невозможно. Мы ограничимся, поэтому, типологическим исследованием и остановимся на тех формах, которые особенно выделяются и более или менее разработаны современной наукой. Это, конечно, отнюдь не исключает тысячи других форм, так или иначе, связанных с нашим подразделением. В этом вопросе мы не можем претендовать на исчерпывающее изложение и можем дать лишь грубые, схематические очертания таких важнейших

методов создания машины раздражителей или, говоря словами Маркса, «производства» идеологии или идей. В основу такой группировки мы положим некоторые наши прежние работы и наметим три основных типа или формы: во-первых, производство идей и идеологий мистико-религиозного характера; во-вторых, создание системы раздражителей формально-эстетического выражения. И, наконец, в-третьих, построение рациональной надстройки сигнализации и символики, как мы ее находим на протяжении истории. Такое разделение вместе с тем отнюдь не обозначает разделения и самой истории на подобные же эпохи.

Если в свое время Маркс говорил неоднократно о различных способах представления, которые свойственны людям при тех или иных условиях хозяйственной жизни, и даже пробовал наметить особый общий стиль и характер идеологической надстройки того или иного общества, то и современные психологи пришли к попытке известного разделения и различения методов и способов мышления, восприятия и, прежде всего, сознательной и бессознательной реакции на мир. Поэтому, сплошь и рядом у современных психологов мы имеем различение, которого не делали раньше. Наиболее важным здесь является то, которое связано с различием сознательной и бессознательной реакции на внешние и внутренние раздражения. С этой стороны теперь уже твердо различается высшая ассоциативная деятельность мозга, действующая при наличности массы рефлексов и, рефлексов на рефлексы, которые вырабатывают привычные пути и доминанты в нашей нервной системе и при наличности одного раздражения немедленно переносят его на раздражения всех с ним связанных нервных путей (иррадиация) и, таким образом, дают чрезвычайно сложный процесс восприятия и памяти, ведущий к окончательному действию. От такого высшего процесса отличаются другие рефлекторные и реактивные движения, которые не дают такого раздражения смежных путей, порою вовсе не достигают высших центров мозга и в результате выражаются в действиях характера автоматического или механического.

Сознание и подсознание, сознательное или подсознательное я, деятельность общей или индивидуальной сферы, высших или низших центров нервно-мозгового аппарата — вот противоположение, которое в современной науке ставит вопрос о различении наших представлений, чувствований и движений в том или другом плане. Практически, как это выяснил Джемс, опираясь на гипнологистов и психопатологов, преобладающей формой нашей жизни является именно жизнь, или совершенно бессознательная, или связанная в той или другой степени с контролем сознания, его наблюдением, его, так сказать, присутствием или, в редких случаях руководством. Очень правильно Павлов сравнил соотношение бессознательной и сознательной жизни с бегающим светлым кружком на поверхности темной массы мозга

наподобие того, как блик от солнца бегает по темной поверхности глубокого колодца. Сознание выступает лишь в тех случаях, когда мы встречаем какое-нибудь нарушение наших привычных путей или встречаемся с неожиданным препятствием. Тут привычная и бессознательная реакция необходимо приостанавливается и соответственный сигнал вызывает деятельность сложного ассоциативного аппарата нашего мозга. Как мы можем видеть из ежедневного опыта, даже вновь приобретенные и установленные сознанием способы действия затем постепенно переводятся нами в область бессознания, где они, наконец, и получают ту быстроту, легкость и экономность действия, которое так характерно для автоматического движения.

И сознательный, и бессознательный аппарат то в большей, то в меньшей степени одинаково обслуживает все виды нашей деятельности. Однако, в ней необходимо различать два основных вида. Это — деятельность, обращенная во вне и во внутрь, или, иначе говоря, отвечающая то на раздражения, идущие непосредственно из внешнего мира, то на такие, которые зарождаются благодаря самостоятельным раздражениям нашего организма и его эндокринной и нервной системы. Конечно, эти области связаны друг с другом непрерывной сетью реакций, совмещающих в себе и то и другое, т. к. естественно, что любое внешнее раздражение проходит все же в конце-концов через нашу нервную систему, и следовательно, необходимо несет на себе следы сопутствующих реакций, которые порождаются в самом организме. Но в общем и целом, для удобства рассмотрения мы делим эти реакции на два основных типа, допуская вместе с тем, что каждая реакция на внешний раздражитель в то же самое время сопровождается сопутствующими раздражениями и нервными разрядами, коренящимися в наследственной или благоприобретенной конституции нервно-мозгового аппарата. В особенности, внешнее раздражение сильно видоизменяется во внутреннем нашем процессе в тех случаях, когда у нас уже образованы, так называемые, комплексы, т.-е. более или менее сложные группы раздражений, тесно связанных между собою и дающих привычные представления, чувствования и двигательные навыки.

Как мы видели уже выше, различие между инстинктивной деятельностью животных и общественным поведением человека заключается в том, что животное нуждается сравнительно весьма мало в каких-нибудь внешних приспособлениях для организации своего поведения. Животному достаточны сравнительно немногие, для нас почти незаметные, явления внешней природы, которые воспринимаются им, благодаря периодическим изменениям химического состава крови и необычайной обостренности ощущений, и служат сигналами для наследственных комплексов, которые мы называем инстинктами. Эти инстинкты, как мы уже могли убедиться, охватывают чрезвычайно сложные и связанные друг с другом группы комплексов, которые дают то целый процесс

спаривания, то высиживания детей, то перелета, то строительных, то защитных мероприятий и т. д.. Человек сравнительно с животным обладает гораздо более многочисленными комплексами весьма гибкой подчас природы, которые на сравнительно незначительной основе инстинктивных приспособлений связываются с внешним миром при помощи искусственно организованных раздражителей, связанных то с традицией, то с подражанием, то с внушением и т. д.. Поэтому, когда мы говорим о бессознательной и сознательной деятельности, она принимает у человека опять-таки двоякий характер: с одной стороны, и та и другая работают в непосредственном приспособлении к внешней природе, при чем надо отметить, что непосредственный опыт играет у человека подавляющую роль сравнительно с наследственным инстинктом животного, а с другой — и сознательная, и бессознательная деятельность в известном соотношении направлены на искусственную технику приспособления, которая состоит в создании промежуточной между миром и человеком надстройки раздражителей исследовательского, организационного, двигательного и т. п. характера.

Если мы теперь, следовательно, захотим свести к немногим положениям характеристику работы нашего нервно-мозгового аппарата, то в таком случае мы получаем следующие подразделения: Во-первых, мы имеем противоположность раздражителей двух разрядов—с одной стороны, раздражителей, которые являются результатом непосредственно нашей физиологической жизни, не подвергающейся внешним раздражителям, поскольку это можно вообще утверждать о человеческом организме. Степень связи того и другого различна, но мы здесь в методологических целях принимаем возможно большую степень изолированности организма от внешнего мира и рождающиеся при этом раздражения называем внутренними; наоборот, те, которые рождают внутренний процесс при помощи внешних раздражителей большей или меньшей силы, мы называем раздражениями внешними. Во-вторых, реакцию или ответ на такое раздражение мы различаем опять-таки в двух видах: она может быть или бессознательной, начиная от преходящей привычки и навыка и кончая твердо укорененным наследственным инстинктом. Как мы видели выше, такие инстинкты присущи, главным образом, животному миру. Но такая реакция может быть и сознательной, т.-е. проходящей через высшие мозговые центры с их широкой ассоциативной работой. Наконец, в-третьих, мы различаем те или иные виды деятельности, поскольку они связаны с непосредственным восприятием явлений естественной среды, отражающейся в наших органах восприятия в качестве различных ощущений, и такие виды деятельности, которые связаны с особой системой сигнализации и символики, воплощенной во внешнем мире, но имеющей специальное значение для организации нашей деятельности. Таковы

в общем и целом виды нашей психо-физиологической деятельности, поскольку они важны для целей нашего исследования.

Если мы теперь попробуем объединить и оценить указанные процессы, то для этого мы должны обратиться к материальной среде, окружающей человека и к его деятельности в качестве индивидуальной производительной силы, которая в свою очередь сливается с другими в общественном и коллективном производстве. Только таким образом мы должны подойти к вопросу, если мы твердо хотим стоять на почве высшего достижения современной науки, давшей нам теорию исторического материализма. С этой точки зрения мы должны так или иначе распределить всю деятельность общественного человека на ее, по крайней мере, главнейшие виды. Отсюда мы на первый план должны поставить деятельность, связанную непосредственно с добыванием пищи, которая обусловливает собой жизнь организма, его способность к дальнейшей деятельности и точно также способность к воспроизведению рода. Это — в точном смысле слова деятельность производственная, которая в обществе порождает многоразличные производственные отношения и соответственный аппарат как производственной, так и социально-идеологической техники. Второй вид деятельности направлен,— благодаря особенностям человеческой психики, работающей при помощи технических орудий сигнализации и символики, имеющих целью исследование, оформление и мотивацию,—на сооружение идейной и идеологической надстройки, т.-е., говоря термином Маркса, на «производство идей». Наконец, в-третьих, мы имеем деятельность, дающую в результате воспроизведение потомства и размножение человеческого рода, которая определяется целиком первою и подлежит в некотором смысле регулированию со стороны второй. К первой области этим путем относится деятельность экономическая, ко второй — идеологическая, к третьей — семейно-родовая. Таковы эти основные виды человеческой деятельности с точки зрения их взаимной связи и обусловленности.

Но если мы возьмем эти виды деятельности в их исторической последовательности и развитии, то мы должны будем несколько изменить этот порядок соотношения, поскольку он относится к отдельным фазам человеческой истории. Все эти три вида деятельности необходимо присущи человеку, где бы общественная его жизнь не проявлялась. И самый первобытнейший троглодит (пещерный житель) или наиболее отсталый дикарь Цейлона и дебрей Африки, они необходимо принуждены и к добыванию пищи, и к созданию идеологической надстройки, и к воспроизведению рода. Но нужно отметить, что на соотношение этих видов деятельности друг к другу опять-таки кладет резкий отпечаток тот уровень производительных сил, который не раз уже выступал перед нами в своем решающем социальном значении. *Ибо совершенно ясно*, что там, где человек

в значительной степени избавлен от труда по добыванию пищи, в нем прежде всего получает преобладание инстинкт размножения рода, сохранивший до сих пор свой наиболее животный характер, а в результате необходимо появится и такая идеологическая надстройка, которая за счет производственной техники даст нам различнейшие формы раздражителей, связанных с половою и семейной жизнью, насколько она может беспрепятственно проявиться при наличности обильного питания и малой затраты энергии на полезный труд. С другой стороны, не менее ясно, что там, где общество должно употребить чрезвычайные усилия в целях активного приспособления, оно необходимо оттесняет на последний план половую и семейную деятельность и на первый план выдвигает производительную работу с ей присущей технической, экономической и социальной надстройкой. Совершенно очевидно, что психика общественного человека в одном случае будет совершенно иная, нежели в другом, а для эротической и семейной идеологии останется сравнительно немного места.

Когда Фрейд занялся специально анализом подсознания или как он его называет, бессознания в современном человеке, начиная с его детства и кончая зрелым возрастом, он нашел весьма интересную вещь. Он установил в человеческой психике целый ряд наслоений, которые могут быть сравнены с геологическим напластованием разных горных пород. Оказалось, что в детстве чрезвычайно преобладают комплексы, специально связанные с сексуальной жизнью, а в частности с тем типом сексуальных влечений, которые образуют связь между родителями и детьми. Впоследствии часть этих комплексов изживается. Часть из них перерабатывается в другие, связанные уже с деятельностью человека и его производством. Но часть вытесняется из активной сферы, благодаря переходу ребенка (в пору созревания) к борьбе за существование, и сохраняется в таком вытесненном виде под порогом сознания чрезвычайно долго, а при благоприятных условиях воскресает вновь с необычайной яркостью и силой. Над подобными слоями сексуальных комплексов затем наслаиваются другие навыки и образования, которые порождаются деятельностью и жизнью юноши, а затем взрослого человека. Половая сфера ребенка в эпоху созревания сама подвергается также крупным переменам, так как постепенно создается влечение к другому полу и наступает пора юношеской романтики. Наконец, в зрелую эпоху человек настолько поглощается борьбою за существование, что он окончательно переходит к реагированию на внешний мир, подавляет или преобразует в себе сексуальные страсти и, в качестве главного аппарата в целях жизненной ориентировки, создает себе в полном смысле слова механизм разума и сознания. Мы уже упоминали выше, что подобный переход от сексуальных страстей к разуму наблюдает Фрейд и в истории развития человечества.

Теория Фрейда содержит в себе много верного. Противоположность между сексуальностью и борьбою за существование взята совершенно правильно. Это мы имеем не только в истории человечества и его труда, но чуть ли не на повседневном опыте. Здесь имеется бесспорно обратное отношение. И как подтвердил уже Штейнах, простор сексуальных страстей и половой активности неизбежно развивается за счет той деятельности, которая направляется нами на производство вещей, а еще в большей степени на производство идей. Лица, израсходовавшиеся на непосредственную половую деятельность, растрачивают свою драгоценнейшую энергию совершенно даром и, естественно, не могут, уже использовать ее для высшей изобретательской, общественной, творческой и, так называемой, духовной деятельности. Точно также в истории человечества, именно наиболее ранние, первобытные эпохи целиком окрашены семейно-родовыми отношениями и соответственной надстройкой в противоположность напряженному экономическому характеру последующего развития, где половое влечение уступило преобладающее место производству и технико-экономической организации общества. Однако, Фрейд совершенно игнорирует другое обстоятельство. Во-первых, сексуальная деятельность отнюдь не лишена ни эстетической, ни сознательно-разумной надстройки, и разлучать половую жизнь и разум в такой степени, как это делает Фрейд, совершенно невозможно. Один образ всемирно известного победителя женских сердец,—Дон-Жуана дает нам достаточный пример того, что весьма изощренная и сознательная деятельность может быть направлена отнюдь не к производственной, а к сексуальной цели. Следовательно, тут центр тяжести не в бессознании, как единственном выражении секса, а в общественных условиях, которые при данном уровне производства дают сознательный тип, который, благодаря классовым условиям, становится паразитом и благодаря этому даже крупный свой ум направляет на сексуальное уничтожение своей громадной энергии. Заметим здесь кстати, что Фрейд пробует отождествить экономику с эгоистическими побуждениями, что совершенно не соответствует истине, так как вопрос об эгоизме возникает лишь в буржуазном обществе конкурирующих одиночек, а производство и связанное с ним познание развивались и раньше на коллективной основе и, надо полагать, будут развиваться также впредь. Ошибается Фрейд и в том отношении, что он хозяйственную деятельность ставит целиком под знак сознания с его принципом реальности. Как показывает действительность, бессознание или подсознание в виде многочисленных комплексов может быть образовано и на основе производственной работы и, таким образом, дает массу производственных навыков и привычек. Следовательно, бессознание вовсе не ограничивается одною сферою пола и может быть в еще большем объеме применено в целесообразной производительной работе. И сознание и бессознание одинаково могут

работать и в области экономики, и в области сексуальной деятельности. Но, конечно, и соотношение и содержание их в обоих случаях различно.

В одном отношении, однако, открытия Фрейда чрезвычайно важны. И это в области отношений между сознанием и бессознанием, а в частности в тех случаях, когда эти две системы встречаются друг с другом, как две враждебные силы. Этот пункт необходимо отметить. Фрейд изучил этот процесс специально для половой сферы, когда образованные в сексуальной области комплексы, отчасти инстинктивного происхождения, разрешаются в ряде половых влечений, встречающих во внешней среде непреодолимое препятствие. Такие заторможенные влечения, поскольку они под давлением материальной среды не превращаются в какие-нибудь высшие виды нашей деятельности, непосредственно вытесняются и уходят под порог сознания. Такие не дошедшие до своего естественного конца влечения ищут затем того или иного выхода. Этот выход дается весьма часто обходным путем, и такое влечение путем переноса, подстановки и сгущения присоединяется к какому-нибудь другому нервно-мозговому разряду, сочетается с каким-нибудь иным представлением, не встречающим такого ожесточенного сопротивления со стороны сознания, и таким путем находит известный выход. Иногда подобные влечения отражаются на самой деятельности нервной системы и порождают в ней различные нервные заболевания, вплоть до истерии. Фрейд называет то сопротивление, которое оказывается в данном случае сознанием,— цензурой. Вытеснение в виду этого происходит под непосредственным ударом цензуры, которая в свою очередь опирается будто-бы на сознание и связанное с ним восприятие внешнего мира. Здесь, таким образом, мы видим, с одной стороны противопоставление сознания и вытесняемой им массы бессознательных влечений, а с другой—соответствующее противоположение между сознанием, как аппаратом борьбы за существование и сексуальной областью, которая коренится в инстинктах рода.

Нет никакого сомнения, что приведенное Фрейдом явление действительно многократно наблюдается в жизни. Но, увлекаясь отождествлением бессознания и секса (пола), Фрейд упустил здесь чрезвычайно важное обстоятельство. Дело в том, что подобное же противоположение между сознанием и бессознанием мы встречаем далеко не в одной только сексуальной области. Поскольку бессознательные комплексы образовываются во всех видах деятельности человека, постольку же борьбу между сознанием и подсознанием мы встречаем и в этих видах деятельности. Всякий социолог без малейшего колебания укажет тысячу примеров, где бессознание тормозит новое техническое приспособление именно потому, что привычка и косность благодаря условиям среды настолько вкоренились в чисто промышленную хозяйственную деятельность человека, что лишь с величайшим

трудом устойчивые и уже вредные для производства комплексы держатся, несмотря на все давление среды и указания разума. Здесь не секс противодействует сознанию с его принципом реальности, а бессознательный производственный комплекс, ставший на грани инстинкта, противодействует разуму в самой хозяйственной сфере. Точно также в сексуальной сфере сознательно организованная любовь к определенному лицу может явиться основанием для борьбы с бессознательными влечениями в этой области и их вытеснения.

Фрейд и его школа нашли весьма правильный метод излечения тех ран нервной системы, которые наносятся ей путем такого грубого вытеснения бессознательных комплексов при помощи чисто механического толчка или удара. На многочисленных клинических примерах Фрейд показал, что лучшим способом излечения таких нервных расстройств является как бы воскрешение вытесненного влечения в его первоначальной форме и затем проведение этого влечения нормальным путем через высшие центры, а в частности через ассоциативную работу мозга. В этих случаях происходит подробное обследование такого влечения, его всевозможный разбор и оценка, взвешивание шансов на его осуществление, сопоставление с ним и общих целей субъекта и окружающей его реальной среды, так что в конце-концов такое влечение, проведенное надлежащим образом через высшие центры и завершенное тем или иным окончательным разрядом, не только успокаивается и прекращает раздражающую работу в вытесненных областях, но совершенно исчезает, а с ним вместе заживают и те раны в нервных путях, которые нанесены вытеснением указанного влечения. Фрейд полагает, что это специально пригодно лишь к сексуальной сфере, и что проведению через сознание подлежат лишь сексуальные влечения как детского (инфантильного), так и зрелого полового типа.

Исходя из наших положений, мы думаем, что этот метод может быть в одинаковой степени приложен к вне-сексуальной области, ко всем случаям вытеснения бессознательных комплексов под влиянием ли сознательной реакции, или даже других уже устойчивых бессознательных образований. Дело, конечно, выходит значительно сложнее, так как каждая сфера деятельности дает свою сознательную и бессознательную сторону. Сложность эта, однако, увеличивается еще благодаря тому, что, как мы отметили выше, каждая сфера деятельности у общественного человека дает еще специальную техническую массу раздражителей, назначение которых так или иначе закреплять полученный опыт и найденное приспособление. А, следовательно, имеется еще особое технико-идейное или идеологическое производство, где в свою очередь возможна совместная работа, но также и различные конфликты сознания и бессознания. Поэтому, при дальнейшем изложении, мы попробуем

проследить различные способы сочетания сознания и бессознания, господства внешних и внутренних раздражителей в каждой из тех крупных областей деятельности, какие нами установлены выше.

Привычка, подражание и внушение.

Переходя к изучению типичных сочетаний сознания и подсознания или бессознания в отдельных формах отношения социального человека к окружающей его среде, мы отметим те исторически данные формы приспособления к окружающей среде, в которых связывается сознательная и бессознательная деятельность. Из таких социальных явлений мы должны отметить, прежде всего, привычку, которая по своей природе стоит на границе между физикой и физиологией и заключается в том, что раз усвоенное более или менее удачное приспособление затем повторяется или чисто механически, или при содействии самого живого тела, ибо «приспособленность у всех организмов достигается благодаря их склонности действовать таким образом, чтобы воспроизводить или удерживать благотворные для них раздражения». Она особенно укореняется вследствие однообразия окружающих условий, когда приходится часто повторять одни и те же действия. Достоинством привычки является то обстоятельство, что она «упрощает наши движения, делая их более точными, и уменьшает вызываемую им усталость». С другой стороны, однако, она «уменьшает сознательное внимание, с которым совершаются наши действия». Благодаря этим свойствам она приобретает колоссальное значение в общественной среде. И не даром У. Джемс поет привычке настоящий гимн с точки зрения буржуазного общества; он сравнивает ее с громадным «маховым колесом». Это самый ценный,—утверждает он,—консервативный фактор в общественной жизни. Она одна (?) удерживает всех нас в границах законности и спасает «детей фортуны» (т.-е. имущих) от нападок завистливых бедняков. Она одна побуждает тех, которые с детства приучены жить самым тяжелым и неприятным трудом, не покидать подобного рода занятий. Она удерживает рыбака и матроса у моря в зимнее время, она влечет рудокопа во мрак его шахты и пригвождает деревенского жителя на всю зиму к его деревенскому домику и ферме... Привычка удерживает от смешения различные слои общества. «Благодаря привычке у большинства людей на свете к тридцати годам характер, подобно высохшему гипсу, становится прочным навсегда». Это «невидимый закон столь же сильный, как закон тяготения». И если Спенсер делал привычку основой «совести», то, с другой стороны, такой государствовед, как Гумплович, на ней основывает прочность классового порядка. «Что человек делает сначала лишь в силу необходимости или под давлением власти, то впоследствии становится у него уже обычным образом действия и нормальным перенесением такого давления, если необходимость эта постоянно повторяется, если сила эта

воздействует на него в течение продолжительного времени. Человек — раб привычки; эта последняя становится у него второй натурой».

Для теории исторического материализма привычка также имеет громадное значение. Здесь она само собой менее всего признается «второй натурой», порабощающей человека. Наличность ее зависит, прежде всего, от неизменности хозяйственных условий и, в последнем счете, от производства. И там, где мы находим застывшую на одном и том же уровне экономику, где производительные силы не обнаруживают ни роста, ни способности к накоплению, а люди из поколения в поколение бьются, как белка в колесе, — там естественно вечное повторение одних и тех же условий приведет и к такому же бессознательному, пассивному и слепому приспособлению, как это бывает с инстинктивным приспособлением животных. Малейшая перемена раз установленной обстановки при таких условиях неизбежно приводит к краху. И менее всего Маркс и Энгельс способны отрицать подобную силу столь приятной для буржуазии привычки. Интересный пример мы находим по этому случаю у Маркса в характеристике мануфактуры и у Энгельса, который живо рисует и всю силу, и всю косность раз приобретенной в затхлой атмосфере привычки. Пример — отсталость ирландских крестьян, которые, привыкнув раз к родовому строю, не могут отделаться от своих обычных понятий и представлений даже после того, как они оказываются пересаженными в капиталистическую хозяйственную среду: «понятие о собственности, имеющей только права и никаких обязанностей, просто не умещается в голове ирландца». И слишком легко «такие ирландцы оказываются совершенно сбитыми с толку в вопросах морали и права, теряют всякую почву под ногами и часто масисами становятся жертвой полной деморализации». (Энгельс,— «Происхождение семьи, собственности и государства»).

Привычку можно без преувеличения назвать подражанием самому себе. То же подражание, обращенное на предков и прошлое, создает предание или традицию. «Традиции всех умерших поколений,— говорит Маркс,— как кошмар, тяготеют над мозгом живущих». «Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. Мертвый тащит за собой живого». И современная социология целиком подтверждает это положение Маркса: «Традиция зачастую принимает властный, деспотический характер, и подражание доходит до полнейшего рабского подчинения... Передавая сокровища своего опыта молодому поколению, старейшее поколение руководится не только личным сочувствием, но также привязанностью к своей семье, касте и нации, а, наконец, личным и коллективным честолюбием. Каждый такой учитель убежден, что преподает ученику то, что есть лучшего. Отвергнуть преподаваемое им было бы равносильно отрицанию его мудрости, а потому носило бы в его глазах характер непростительного

оскорбления. Представитель юного поколения в свою очередь подражает, руководясь чувствами привязанности, благодарности, уважения к родителям и почтения к старшим. Ко всему этому надо присовокупить влияние впечатлений детства, привычку видеть всегда одно и то же, порождающую неспособность даже и представить себе что-нибудь иное и, наконец, влияние родового и национального тщеславия, страх перед общественным мнением и в особенности умственную лень, столь обычную и могущественную у обыкновенных смертных» (Лакомб). Так рождается самая настоящая психическая болезнь панического страха перед новым, безумная боязнь незнакомого, приводящая нередко к нетерпимости и преступлениям. Она называется «мизонеизм».

Другой подсознательной формой организации массового поведения является подражание, т.-е. воспроизведение в своей деятельности поведения других людей. Такое подражание может дать совершенно бессознательное повторение чужих действий. В таком виде мы находим подражание особенно распространенным у животных (обезьяны, попугаи, пересмешники), у детей, у дикарей и среди неорганизованной толпы. Такова и болезнь меряченья или мерячества, которая заключается в бессмысленном и механическом повторении чужих слов, жестов, движений и т. п.. Близки к такому подражанию и те формы «психического взаимозаражения», «психической инфекции» и взаимовнушения, которые мы встречаем неоднократно на протяжении истории преимущественно во времена тяжелых экономических кризисов, разрухи и потрясений. Таковы настоящие духовные заразы, которые давали в результате массовое помешательство плясками в древности и в средние века (подражательная хорея). Оно выразилось в вакхических оргиях античного мира, в заразительных плясках XIV века (после черной смерти), в тарантелле среди итальянцев (тарантизм), во временных вспышках в XVIII веке. Наряду с плясками мы находим столь же заразительное подражание в области самобичевания и кликушества, а впоследствии, в рамках капиталистического общества настоящие эпидемии спекуляции, вроде, например пресловутой тюльпановой промышленности и спекуляции в Голландии. Несомненна также сила подражательного заражения, присущая различным банковским и спекулятивным операциям, поскольку они захватывали массы городской обывательщины в новое время. Подобный же болезненный характер, несомненно, присущ и многим явлениям моды, деспотическое господство которой особенно характерно для буржуазного общества.

Подражание приобретает иной характер, когда, с одной стороны, оно фактически становится подражанием лучшим и наиболее полезным образцам, а с другой,—выбирает, хоть и не вполне сознательно, такие лучшие образцы. Таково подражание в воспитании, где ребенок путем подражания воспринимает показанные ему примеры в мастерстве и производстве,

где работник этим путем усваивает улучшенные технические и рабочие приемы, в военном деле, где тем же способом отдельный боец приобретает свои знания, т. п.. Особенное значение подражание, как социальный метод, приобретает в тех случаях, когда встречаются или две различных народности, или два различных культурных слоя или же, что важнее всего, два отдельных класса. Одним из важнейших средств для примирения их противоположности, сглажения розни или затушевания противоречия интересов является как раз подражание, при помощи которого одна группа воспринимает у другой ее внешность, обычаи, язык, нравы и быт. При победе одною народностью другой нередки случаи, когда менее культурные победители примиряются с побежденными путем заимствования у них более высокой культуры. Так было при завоевании варварами Рима. В других случаях тон задает победитель, которому подражают побежденные. При скрещении различных национальностей заимствование на взаимных началах культурных особенностей дает в конце-концов или новый язык или даже новую национальность (английский язык составлен из саксонского и нормандского). Чрезвычайно важен момент подражания при междуклассовых отношениях, при чем господствующий класс, становясь предметом подражания, естественно смягчает классовую ненависть и внедряется бесчисленными корнями в быт и нравы эксплоатируемых и получает характер чего-то высшего, лучшего, а вместе с тем и оправдание своей эксплоатации.

Необходимо, наконец, отметить особый вид подражания, который выражается в заимствовании одной страной правового порядка и политических учреждений другой. Здесь мы встречаемся опять-таки с разными степенями сознательности и целесообразности такого заимствования. Введение английских порядков в завоеванной англичанами Ирландии носило на себе печать совершенно бессознательного заимствования. Таким же характером отличалось и то прямо обезьянье перенесение нравов и обычаев Франции времен Людовика XIV в Германию во многие крохотные княжества, где для великодержавных манер и приемов не было ни малейшей почвы. Более сознательно и целесообразно было заимствование (рецепция) римского права в начале новой истории в Европе, так как перемены в экономической структуре вполне оправдывали введение свободной и неограниченной собственности. То же было в значительной степени и с заимствованием английских представительных учреждений в Европе. Это заимствование более или менее удалось в странах, где классовый порядок буржуазного общества уже сложился. В отсталых государствах, в роде Пруссии и Австрии, фактически парламентаризм проведен не был. В современной Европе нельзя не видеть господства подражания даже в форме борьбы с социальной революцией. Организованный первоначально в Италии фашизм с быстротой заразы охватил все черные силы

европейского континента и Америки и поставил их под одно знамя (Ср. Фриман,— «Сравнительная политика»).

Последней формой организации нашего подсознательного приспособления является внушение в различных его видах, которое выражается в том, что подсознание слепо воспринимает, как побуждение к своим действиям и переживаниям непреодолимо действующие сигналы и приказы. Здесь мы можем, правда, различить самовнушение, когда человек приказывает самому себе те или иные поступки. Взаимовнушение, когда внушение передается путем подражания при помощи известных сигналов или знаков. Важнейшее значение, однако, имеет внешнее внушение, состоящее в том, что постороннее лицо отдает приказ, неотразимо действующий на наше подсознание. Внушающим может быть не только реальное лицо, но и воображаемое лицо, даже идея, которая связывается в воображении внушаемого с наличностью живого существа, порабощающего его подсознание. Внушение играет громадную роль в деле массового бессознательного приспособления, так как оно есть основа всякой власти и опирающейся на него организации.

Под внушением мы разумеем в настоящее время такой процесс, который посредством известного знака, сигнала или символа вызывает в нашем подсознании представление, которое не встречает или почти не встречает противодействия со стороны сознания и, в силу этого, немедленно и автоматически переходит в действие или физиологическое явление. Представление об известных ощущениях здесь незаметно переходит непосредственно в ощущения, мысль о чувствованиях — в самые чувствования, а образ действия — в действие, которое совершается или немедленно, или даже в назначенный внушающим срок. Этим же путем достигаются и некоторые физиологические результаты. Разные лица, страдающие нервными заболеваниями и расстройствами, под влиянием внушения способны на более или менее продолжительный срок действительно освободиться от страданий и расстройств. И если при сознательном действии между раздражением и действием стоит своего рода торможение, которое приводит к взвешиванию, оценке и критике предпринимаемого акта, то в случаях внушения вера в данность или наличность действия и явления так велика, что между раздражением и действием почти исчезают все посредствующие ступени: человек в своих переживаниях приближается к машине и лишний раз вскрывает основную природу своей психики, которая в своих низших проявлениях ясно обнаруживает характер рефлекса, т.-е. непосредственного ответа на данное раздражение или связанный с ним символ.

Внушение и его явления, в особенности же внушение, производимое во время искусственного сна (гипноз), одно время окружалось ореолом загадочности и было использовано чуть ли не как средство общения с «потусторонним миром». На самом

деле, однако, мы в нем не можем усмотреть ничего ни специально «духовного», ни сверхъестественного. Ибо при актах внушения происходит всего-на-всего временное разъединение одних центров нашей нервно-мозговой системы от других, при чем облегчается, благодаря устранению сознания, обнажение подсознательной жизни и переход ее в действие.

Из сказанного ясно, что подсознание по существу ничего не может дать помимо того, что содержится в нем благодаря предшествовавшему опыту. Разница здесь только в том, что при помощи внушения мы можем снять временно тот барьер (цензуру), которая отделяет сферу подсознательного от сознания. А отсюда и возможность влияния содержаний подсознания. В первую голову здесь может быть обнаружена та его сфера, которая охватывает вытесненный сознанием состав сексуальных, детских, а, следовательно, и древнейших варварских и дикарских переживаний. Как мы уже знаем, подобный состав в том или ином объеме сохраняется даже у весьма культурных людей под более или менее твердым и устойчивым покровом культуры и цивилизации. Уже здесь мы подходим к социальным различениям, так как вполне естественно, что у людей, принадлежащих к различным классовым группам, возрастным слоям и культурным уровням, во-первых, будет различен запас хранящихся в подсознании остатков варварства и дикарства, а во-вторых, точно также различна и сила вытесняющего аппарата. Как показывает опыт, даже в состоянии гипноза многие люди оказывают подчас весьма сильное сопротивление тем приказам внушающего, которые они считают безнравственными или неприличными, или даже в этой области совершенно не поддаются внушению. Решающим здесь опять-таки является влияние общественной среды и то обстоятельство, поскольку запрет был основан на сознательной организации воли или же на бессознательно воспринятом давлении. Во втором случае при низком уровне культуры возможны настоящие взрывы первобытного зверства, что на бесчисленных примерах показала нам достаточно пресловутая буржуазная и мещанская «культура». Внушение, связанное с империалистской войной и капиталистической конкуренцией, обнаружило целый океан скотства вплоть до подлинного каннибальства.

Внушение может иметь, однако, своим содержанием далеко не одну такую «освобождающую» от разума и сознания деятельность. Напротив, его предметом может стать деятельность, запрещающая и вытесняющая. Как известно, только в наиболее важных случаях жизни и борьбы, в результате многовекового приспособления, у нас создается сознательное и разумное упорядочение нашей работы, при чем устанавливается целый порядок запретов, норм, правил, целесообразных и технических предписаний. Экономия жизни приводит к тому, что, во-первых, задолго до сознательного работает бессознательное приспособление,

а, во-вторых, и сознательная организация при первой возможности переводится в область подсознания. Мы не ошибемся поэтому, если скажем, что громадное большинство правил и велений, сдерживающих вредные для организма влечения, восприняты нами вовсе не сознательно, а в результате бессознательного вытеснения, которое менее всего может разумно и целесообразно обосновать то или иное запрещение. Отсюда и общий характер всевозможных велений «совести», «долга», «чести» и подобных вещей, которые представляются основанными на каких-то «абсолютах», «идеях», «высшем благе» и различных самодовлеющих «принципах», но отнюдь не на жизненной необходимости и в последнем счете на экономике. Отсюда ясно, почему внушение до настоящего времени играет такую громадную роль в воспитании детей и взрослых, а непосредственное воздействие на подсознание может в значительной степени ослабить или усилить уже имеющийся аппарат запрещения или вытеснения.

Различие между сознательным убеждением кого бы то ни было и соответственным внушением уяснить не трудно: стоит только сопоставить эти два способа воздействия человека на человека. В первом случае мы стараемся более всего подействовать на разум того, с кем мы имеем дело, а для этого мы обращаем главное внимание на факты, действительность и реальность, и на этом основании строим свои доказательства. Во втором случае мы менее всего обращаем внимание на доказательства и существующее, но стараемся использовать имеющиеся у человека его подсознательные сдержки, предрассудки, веру и, так называемый, голос совести с тем, чтобы подсунуть под эти привычные рефлексы еще новое содержание Насколько в первом случае важно укрепление и развитие разума, настолько во втором — его ослабление и обеднение. Примером такого различного воздействия может служить воспитание армии в капиталистических государствах и в нашем Социалистическом Союзе. Старая казарма стремилась использовать темноту и отсталость крестьянской массы и прямо привить ей путем внушений солдатскую дисциплину. Эта цель достигалась тем легче, что старое дореволюционное крестьянство само жило привычкой, традицией и подражанием, т.-е., другими словами, в значительной степени бессознательно. В настоящее время в Союзе Советов обращено все внимание на сознательность красноармейца и внушение употребляется лишь, как второстепенное средство, которое применяется или для того, чтобы пробудить сознание, или же как технический прием военного дела после того, как необходимость такого внушения в некорых случаях выяснена сознанием. Такая разница естественно оправдывается и другим составом воинов, ибо ни пролетариат, ни крестьянская революционная молодежь не могут быть искусственно возвращены к темноте старого режима. Классовый

состав и культурный уровень и здесь оказываются решающим фактором. При известных условиях внушение или вовсе неприменимо, или может играть весьма второстепенную роль, как средство организации

Лишь в одном случае можно отметить действительно благотворное влияние внушения. Это в тех случаях, когда у нас уже имеется подсознательно накопленный новый опыт и новые идеи, но существующие старые формы искусственно задерживают и вытесняют из сознания идеи, противоречащие традиции и привычке. В таких случаях могущественное значение может получить внушение, которое по своему содержанию отвечает этим новым идеям. Успех такого внушения определяется тем обстоятельством, что новый опыт подсознания уже уловил новое положение вещей и учел новые факты. Но отражение их задерживается благодаря силе старой идеологии Когда же внушение при помощи удачно найденных лозунгов, теорий или даже проповеди прорывает даже сознательно установленную традицию, то оно немедленно опирается на живое сознание действительности и заканчивается уже сознательным процессом. Подобные случаи особенно часты во время революционных переворотов, когда этот процесс естественно сливается с расшатыванием всех старых сдержек. Тогда мы можем наблюдать два параллельных явления, связанных с внушением. С одной стороны, в известных общественных кругах революционное внушение дает своего рода освобождение первобытных дикарских инстинктов и варварства, лежащих в глубине подсознания, но, с другой стороны, поскольку оно отвечает новому опыту, накопленному в том же подсознании, оно дает возможность инстинктивному и творческому нахождению новых идей, которые затем и ложатся в основу новых жизненных форм. Без внушения, однако, здесь не обойтись, ибо совершенно очевидно, что как бы теоретически глубоко ни была подготовлена определенная революционная программа, она для своего воплощения не может ждать, пока массы будут в состоянии ее научно осознать и проверить. Проверка наступает потом. Но в первый момент говорит подсознательно накопленный опыт.

В обычное время внушение применяется в связи с различными сознательными способами воздействия и является или предшествующим им или сопровождающим. Вместе с тем надо отметить, что такому применению подвергается особенно второй тип, т.-е. внушение, направленное к укреплению власти, авторитета и, так называемого, законного порядка и дисциплины. Предпосылкой здесь является опять-таки известный уровень классовой, профессиональной и групповой психики, который предполагает, с одной стороны, преобладание подсознательного приспособления, а с другой—известное содержание ее в составе привычных идей навыков и представлений. В наиболее чистом виде внушение сопровождает всевозможные меры устранения и принуждения.

Проводником для него в таком случае становится панический страх и ужас, подавляющий сознание. На этом основано и внушающее значение террора. На такой организации держится всякая тирания. Характерно, что в религиозной области такой страх перед загробным наказанием и до сих пор служит основой клерикальной власти и соответственного внушения. С развитием средств производства материальных предметов и связанного с ним производства идей и отношений человек значительно изменяет свои культурные силы и внушение уступает главное место сознательному воздействию эстетического, этического и научно-познавательного типа. В особенности же оно неразлучно с нравственностью и искусством, где производится частью прямое внушение (не убий), частью косвенное, при помощи художественной демонстрации, захватывающей наше подсознание и вводящей в него определенные образцы и веления. В настоящее время мы встречаемся с применением внушения, как одного из орудий воспитания, а также научного изучения процессов и условий труда и его организации (в научно-поставленной педагогике и психотехнике).

Наиболее важным орудием массового внушения в настоящее время является, пожалуй, пресса. «Благодаря соединению трех взаимно поддерживающих друг друга изобретений— книгопечатания, железных дорог и телеграфа,—приобрела свое страшное могущество пресса, этот чудесный телефон, который так безмерно расширил древнюю аудиторию трибунов и проповедников»... «Журнализм — это всасывающий и нагнетающий насос сведений, которые, будучи получаемы каждое утро со всех пунктов земного шара, в тот же день распространяются по всем пунктам земного шара, поскольку они интересны или кажутся интересными для журналиста, принимая в расчет ту цель, которую он преследует, и ту партию, голосом которой он является. Его сведения, действительно, мало-по-малу становятся неотразимым внушением». (Тард,—«Общественное мнение и толпа»). Однако, и это внушение далеко нельзя считать той чистой его формой, которую мы, например, встречаем в клинических опытах или в религиозно-мистической практике. Наиболее к такой чистой форме приближается разве коммерческая реклама с ее бессмыслицей и расчетом на повторение и элементарное зрительное или слуховое раздражение. (Ср. Мюнстербергер,— «Психология и экономическая жизнь»). Но поскольку дело идет о газетном внушении, то здесь надо отметить, во-первых, определенное теоретическое или идеологическое обоснование, а следовательно и некоторое обращение к сознанию, а во-вторых, сознательное желание внушаемых получить определенное внушение, выражающееся в определенном выборе органа прессы того или иного классового и партийного «направления». Внушение и здесь на втором плане, за исключением, быть может, тех случаев, когда такая пресса стремится извратить или подделать классовые вкусы

и симпатии широких масс. (Желтая рабочая пресса в капиталистических государствах).

На привычке и косности, подражании и внушении мы можем уже уяснить различные формы сочетания сознательной и бессознательной жизни человека. Теперь нам остается привести эти формы в связь с различными типами идеологических надстроек, обусловленных, в свою очередь, хозяйственными предпосылками (производством). Как мы наметили уже выше, здесь можно в грубых чертах установить три основных системы: одну, определенную семейно-родовым бытом и использованием мистико-религиозной символики, другую,—рожденную ритмикой активности и труда и дающую формально эстетический аппарат надстройки, и третью,—рациональную, построенную непосредственно на борьбе за существование и выраженную в сигнализации речевого, а впоследствии идеографического, буквенного и цифрового характера. Во всех этих системах, которые создаются параллельно, но с разной скоростью, мы можем различать не только то или иное соотношение между сознанием и бессознанием, но и различнейшие переходы от первоначального бессознательного приспособления к сознательному и наоборот. Ибо по мере того, как идет производство, все время развертывается и живая диалектика образования новых форм и явлений идеологического аппарата, с его своеобразной техникой и обратным действием на психику, а через нее и на общественную жизнь. Начнем наше обозрение с форм религиозно-мистической идеологии и соответственных раздражителей.

Социальные раздражители мистико-религиозного типа.

Применение мистико-религиозной надстройки мы встречаем почти на протяжении всей истории человечества. Наиболее густо окрашены в ее цвета периоды древней и древнейшей истории. В настоящее время сделаны весьма интересные шаги к тому, чтобы несколько вскрыть судьбы первобытного человека и, в частности, его религиозный быт. Интересен путь, которым врачи и психопатологи в конце-концов пришли к некоторым, весьма замечательным, предположениям. Они здесь исходили из того факта, что отдельное человеческое существо переживает на своей индивидуальной судьбе в общем и целом историю развития человечества. И подобно тому, как человеческий зародыш еще в утробе матери проходит все промежуточные ступени развития, от первоначальной клеточки вплоть до человеческого детеныша, подобно этому процессу и ребенок переживает, вместе с изменением своей физиологической организации, целый ряд психических изменений, напоминающих собою общее развитие человечества. Как говорят ученые, единичное развитие (онтогенез) повторяет законы развития рода (филогенез). Эта мысль в соединении с теми данными, которые установили большое сходство детской психики с душевным

развитием дикарей, в некоторых пунктах, напоминающих собою первобытного человека, заставила провести сходство и различие между дикарем и ребенком. Тут помогли и наблюдения над нервно и психически больными. Та остановка, а частью и развитие назад, которое у них совершается под влиянием болезни, точно также привело к установлению большой схожести между поведением ребенка и поведением этих больных. Так открылась возможность заглянуть в древнейшую жизнь человечества, поскольку она повторяется в жизни ребенка, невротика или дикаря.

Но тут присоединилось еще одно обстоятельство. Исследование сновидений даже взрослого и здорового человека показало, что он во время сна, когда отсутствует сознание, точно также возвращается к своим детским представлениям и чувствам, а вместе с тем и погружается в мир, который у ребенка является лишь воскрешением древнейшего прошлого. И когда результаты всех этих наблюдений были сопоставлены с данными естественных наук, а в частности с учением Дарвина, так же, как с описаниями современных социологов, как, например, Фразера, то в результате получилась весьма любопытная картина. Как оказалось, во всех представлениях и древних людей, и современных дикарей, и невротиков, и детей, и здорового человека, находящегося в состоянии сна, имеется одно и то же содержание, которое особенно часто повторяется в одном и том же составе. И это воспоминание об отчаянной борьбе между отцом и сыном из-за обладания матерью, как любовницей и женой. Это в полном смысле слова борьба за женщину между стариками и молодыми, при чем в такой борьбе, как рисуют подобные странные воспоминания, то отец, то сыновья прибегают к убийству своего ближайшего родственника, то сына, то отца или к его половому обеспложению (кастрации). Это сказание вошло широким потоком и в историю человечества, где образовались, то совершенно в прямой форме, то в более или менее прикровенной, всевозможные мифы, где передается история такой борьбы, а многочисленные религии, вплоть до настоящего времени, сосредоточивают свое внимание на троице, которая так или иначе заключает в себе бога отца, бога сына и богиню мать, так что почти нет религии, где сын не восставал бы против отца, а отец не подвергал бы своего сына мучительной казни. И лишь путем чудесного воскресения, после долгих стараний и мучений божьей матери, в результате совершается примирение между отцом и сыном и они совместно водворяются на небесах.

Такое сказание, имевшее громадное значение в истории человечества, так как с ним был связан культ покаяния и искупления, принесения жертвы, где верующие причащаются или вкушают от тела убитого или замученного бога,— то отца, то сына и т. д., было одним из важнейших центров организации общественной деятельности и надстроек, дающих колоссальное

количество социальных раздражителей. В высшей степени важно поэтому выяснить его исторические основания и значение при последующих общественных формах. Прежде всего, сам Фрейд и его школа пытаются объяснить приведенный факт следующим соображением: опираясь на Дарвина, они утверждают, что мы здесь имеем дело с воспоминаниями о древнейшем быте человечества. Это было время, когда человеческое стадо на манер стада четвероруких или человекоподобных обезьян составляло соединение нескольких самок под предводительством старого самца. Старый вожак владел всеми женщинами стаи безраздельно и, опасаясь соперничества молодых самцов, или изгонял их из стаи или уродовал (кастрировал), или же, наконец, в бою убивал их и пожирал. Отсюда, кстати сказать, и вековые обычаи принесения в жертву божеству именно мальчиков, отсюда же у дикарей истязания созревших молодых людей, которых допускали в разряд мужчин лишь после тяжелых испытаний. Но впоследствии, как говорит Фрейд, под давлением экономической необходимости объединившиеся молодые самцы убили старого вожака, пожрали его труп, но сами под давлением страха перед духом убитого отказались от владения завоеванными женщинами: так установилась новая замиренная среда, где молодые самцы, объединившись в поклонении духу убитого предка, в то же время установили брак во вне (экзогамию), т.-е. стали брать себе жен исключительно из состава других орд или человеческих стад. Обожествленный предок получил характер тотема или обожествленного зверя; женщины своей группы были поставлены под запрет или табу, а такая орда получила название тотемной группы.

Такого рода соображения Фрейда находят много подтверждений и в истории мифа, и в истории религий и культа. Полного доказательства эта гипотеза еще не имеет, но тем интереснее проверить ее с точки зрения исторического материализма. Замечательно здесь, прежде всего, обнажение материальных корней столь, казалось бы, идеальной вещи, как религиозный миф. В основе многочисленнейших божественных историй о грехопадении человечества, последующем наказании за первородный грех, казни сына искупителя, подвергаемого во всевозможных религиях мучительной и ужасной смерти, о последующем воскресении и торжестве, благодаря заступничеству матери, — оказывается весьма реальная трагедия первобытного человека в его борьбе за установление известных ограничений половой связи и создание более замиренной общественной организации. Это весьма похоже на правду. Не менее соответствует действительности и тот факт, что на самом деле, как показывает нам история, в древнейшую эпоху человечества семейно-родовые и половые отношения играли совершенно исключительную роль, и всякий исследователь первобытного общества должен обратить на них особенное внимание. Так поступил в свое время

известный социолог, Морган, когда он установил различные формы материнского и отцовского рода, так поступил и Энгельс, когда он, пользуясь материалами Моргана, исследовал «Происхождение семьи, собственности и государства».

Если же до сих пор еще не была ясна в достаточной степени необходимая связь между сексуальностью и семейно-половыми отношениями, с одной стороны, и религиозными построениями, с другой, то следует отметить, что благодаря тем же исследованиям Фрейда здесь, как будто бы, освещены все темные углы, которые до сих пор казались столь таинственными. А именно Фрейд бесспорно установил тесную связь между половым влечением и религиозной надстройкой. Это выяснил он благодаря своим исследованиям над вытеснением сексуальных влечений. Как мы знаем из его теории, сексуальные влечения в тех случаях, когда они встречают непреодолимое препятствие, могут найти для выхода разные пути. Они могут быть сублимированы, т.-е. отдать свою энергию другим видам деятельности и сообразно этому превратиться в творения мысли, художественного творчества, изобретения или общественной работы. Они могут быть вытеснены, т.-е. задержаны, заторможены или прерваны в своем нормальном развитии и в этих случаях они дают заболевания нервно-мозгового аппарата в виде неврастении, истерии и т. п.. Но они могут точно также направляться обходным путем и присоединить свои вытесненные представления и эмоции (чувствования) к различным другим нервным разрядам, идущим без задержки, вполне нормальным путем. Тогда происходит известного рода обходное или прикрытое обнаружение сексуальных влечений, придающих благодаря своей примеси совершенно своеобразные черты другим видам нашей психической деятельности.

К нашему познанию мира, к нашей оценке действительности и к организации нашей деятельности неизменно примешиваются посторонние, искажающие и извращающие представления и чувствования, которые совершенно перебивают тот ясный образ, который получился бы в противном случае в нашем мозгу. Мы видим не то, что есть на самом деле, а то, что нам хотелось бы видеть. Мы оцениваем не с точки зрения нашего реального интереса, а со стороны приятности или неприятности того или иного восприятия и направляем нашу деятельность в сторону призраков и фантазий. Иначе оно и не может быть, так как, по исследованиям современного психоанализа, возникающие в сексуальном мире представления отличаются особыми и оригинальными чертами. 1) Они связываются не с внешним раздражителем, не с действительными явлениями, находящимися в природе, а с раздражителями внутренними, которые целиком сосредоточены в нашей сексуальной сфере и возникают непосредственно под влиянием выделений половой железы. 2) Они в силу этого строятся исключительно в направлении приятного

и неприятного, удовольствия и неудовольствия, при чем неприятное, хотя бы оно существовало реально, вытесняется, игнорируется или обращается в свою противоположность. 3) Сексуальные представления в своей погоне за приятным совершенно игнорируют различие между внутренним и внешним, воображаемым и реально существующим. Вместе с этим теряется различие пространства и времени, которые являются основным признаком действительного. 4) Сексуальное, благодаря отсутствию связи с реальностью, обладает способностью замены, сгущения и подмены одного предмета другим и соответственной подстановки, что соединяется с столь же легким переходом по отношению к одному и тому же предмету от страстной любви к ненависти, от крайней нежности к столь же безмерной злобе, от самопожертвования и сладострастия страданий к изысканному наслаждению мучительством любимого объекта и т. д.. Наконец, 5) действия, организованные при помощи подобных представлений, не различая реального и фантастического, с особенным удобством идут по линии наименьшего сопротивления и заменяют работу всемогущим желанием и его магией, подчиняются вере во всемогущество духа и вырождаются в пустую обрядность или церемониальность, одним словом дают нелепую картину действий, адресованных какому-то сверхъестественному миру.

Если мы сопоставим теперь подобные черты сексуального мышления с тем бессознательным мышлением, которое руководит нашими снами, проявляется в состоянии человека, находящегося под гипнозом или в состоянии опьянения, то мы несомненно находим полное сходство между ними. Это и дало Фрейду мысль о том, что все наше подсознание или бессознание наполнено именно сексуальным содержанием. Однако, если мы сравним метод сексуального мышления и такие области человеческой деятельности, как религию, изящные искусства и т. п., то мы увидим, что в первой сексуальное мышление играет колоссальную роль, лежит в ее основе, а во вторых оно проявляется в некоторых своеобразных чертах. Что же касается религии, в частности, то здесь мы имеем полное право утверждать, что все основы религиозного мышления покоятся действительно не только на бессознательном способе представления, но именно на сексуальной основе человека, так как все религии построены по типу непосредственно сексуальных отношений и пропитаны в громадной степени сексуальными влечениями, которые или по типу нормального полового влечения, или в извращенной и перенесенной на другие объекты форме содержат в себе все черты, свойственные или жажде сексуального обладания, или же самому общению полового типа.

Никто не мог бы рекомендовать человеку, жаждущему любви, получить удовлетворение своей страсти при помощи наслаждения искусством или научного творчества. Ибо для того, чтобы

сексуальное влечение было переработано в такие области творчества, оно должно, прежде всего, отказаться от непосредственного удовлетворения своей страсти и путем иногда весьма мучительного процесса переработать свою сексуальную энергию в такие виды деятельной силы, которые непосредственно направлены на внешний мир и выражаются в столь же реальной работе. Тем и отличается религия, как она сложилась в мировой истории, от высших областей сублимации, что она по существу или совсем ничего не сублимирует или сублимирует поразительно мало. Вся ее задача состоит в том, чтобы заменить реальный мир миром фантазии, обладающей всеми признаками реальности, чтобы создать среди мертвой и частью живой природы самые подлинные живые существа, связанные между собою и человеком сексуальными связями отеческой, материнской, сыновней и супружеской любви, избрать среди них предмет для любви и связи и в той или иной степени, если не путем непосредственного полового акта или физиологического общения, то при помощи чего-то весьма реального и похожего,—дать удовлетворение вытесненной страсти.

Фрейд называет область религии сферою сексуальной сублимации. В такой решительной форме с этим утверждением согласиться нельзя. Или это особый вид сублимации, который стоит чрезвычайно близко к непосредственным проявлениям эротических влечений. Скорее здесь мы видим то обнаружение сексуального влечения, которое совершается при помощи перенесения, подстановки, сгущения полового чувства на одном пункте и полного игнорирования различия между реальным и фантастическим. Мы полагаем, что мучения неудовлетворенной любви и самоубийство на этой почве ничем не отличаются от таких же мучений и самоубийства (смертоносные самоизувечения, самооскопление, самосожжение) на религиозной почве. Что приемы для покорения сердца любящего человека и любовная игра мучительства и нежности ничем не отличаются опять-таки в сфере земной и небесной. Что, наконец, экстаз или восторг обладания, который является в результате физиологического общения страстно любящего или жаждущего с предметом его желания, ничем или очень мало отличается в случае общения с человеческим или божественным отцом, земным или небесным младенцем, естественной или сверхъестественной матерью и т. д.. Если бы все религиозные действия были бы исключительно церемониальными или обрядовыми, это было бы, конечно, только сублимацией, хотя, может быть, и очень насыщенной эротической энергией. Но реальное поведение верующих, с их постами и аскезой физиологического возбуждения, и наличностью весьма реальных воплощений божества в людях, зверях и предметах, показывает нам, что здесь нечто совершенно иное, нежели сублимация, но лишь весьма незначительная переделка и перенесение самого полового желания. Скорее здесь мы

имеем дело с болезненным образованием, которое тот же Фрейд в другом месте склонен назвать «всеобщим неврозом».

Полученные нами результаты позволяют нам теперь выяснить и тот характер мышления, который является не только подсознательным или бессознательным, но весьма часто сознательным, хоть и всегда проникнутым сексуальным моментом или, вернее, чертами, свойственными как раз мистико-религиозному мышлению. Это дает нам основание для того, чтобы ответить на вопрос о каком-то особенном мышлении, которое было свойственно древнейшему и древнему человеку. В современной науке мы встречаем сплошь и рядом указание на какое-то мышление, свойственное первобытным людям, дикарям, отчасти древним, которые именуются, то как «до-логическое» и «мистическое» (Леви-Брюль), то как «мифологическое» (Вундт), то как «теологическое» (Конт) или как «аутистическое» (Блейлер). Подобное мышление в своих первоначальных исследованиях автор настоящих строк определил, как «мистическое» или мистический способ представления, а в настоящее время, после работ Фрейда, мы можем совершенно определенно назвать его — «сексуально-мистическим», который находит свое величайшее выражение именно в религиозных построениях. Само собой, мы здесь не берем религию во всем ее целом, поскольку она весьма часто втягивает в свои надстройки целый ряд заимствованных из других областей положений—как-то из области права, этики, медицины, науки вообще, изящных искусств и т. д.. Мы здесь специально выделяем сексуально-мистический или мистико-религиозный способ представления, как один из практических методов организации общества в условиях его производственной структуры.

Здесь, конечно, возникает совершенно естественный вопрос: как можно говорить о каком-либо отношении между столь нелепым и диким методом представления, как способ мистико-религиозный и производственными отношениями, которые являются не иначе, как на основе известного реального отношения к реальному миру. Ведь, несомненно, что никакой аскет или столпник своим подвигом не вырастит ни одного зерна пшеницы и никакой святой одними взглядами и вздохами или даже церемониями не выдоит ни одной коровы. Казалось бы отсюда, что у религии, поскольку он концентрирует в себе практику любовных связей с небесами, нет и не может быть никакого значения для реального же производства. Такой вопрос и сомнение вполне законны. На это мы ответим следующим образом. Прежде всего, могут существовать и существуют в действительности такие хозяйственные отношения, которые столь мало нуждаются в какой-нибудь научно-продуманной и технической надстройке, что они допускают вполне своего рода паразитическую растительность мистики со всеми

присущими ей сооружениями и надстройками. Подобную материальную обстановку мы встречаем действительно как в древности, так и теперь. Маркс неоднократно рисует нам блаженное, почти райское существование некоторых племен, где, при крайне низком уровне производительных сил и ничтожной затрате труда, благодатная природа доставляет человеку то, что ему нужно для его потребности. Этим самым она избавляет его от необходимости какого бы то ни было улучшения его производства и сохраняет этих людей на уровне самой первобытной культуры. Само собой разумеется, что пользование мистико-религиозным методом для дикарей, находящихся в указанных условиях, не представляет никакого вреда.

С другой стороны, однако, мы не должны упускать из виду того факта, который отмечен нами уже выше. Пользование таким методом и в особенности в его религиозном выражении есть результат некоторого конфликта в социальной среде. Ведь, религия не есть просто сексуальность в ее непосредственной форме. Она все же есть следствие вытеснения и некоторых событий, происшедших в сфере семейно-родового быта. Это даже отмечает Фрейд на происхождении первоначального божества из убитого и съеденного предка. И подобную причину обращения к религии мы можем проследить многократно на истории. Ибо везде, где так или иначе менялись производственные отношения, вследствие того или иного роста производительных сил, там происходила и радикальная надстройка в области как родительской и детской, так и супружеской эротики. В особенности тяжелую руку наложили экономические условия на пол и семью в период образования и господства частной собственности. Ибо собственность нераздельна с наследованием, а следовательно, с обеспечением правомочного и пригодного наследника, а следовательно, и тех условий рождения, воспитания и брака, которые дают в результате необходимого наследника — собственника. Отсюда многочисленные и подчас чрезвычайно уродливые способы вытеснения, которые мы встречаем и в, так называемой, крепкой крестьянской семье, и в косном быте мещанства, и в единонаследии аристократического землевладения, и в значительной степени в семье буржуа, которая немыслима без известного материального фонда. Конечно, наряду с такою семьей существуют формы гетеризма, проституции, свободной любви и подобных видов вольного полового общения. Однако, всегда и везде эти формы существовали лишь, как побочное и далеко не доступное всем дополнение к законной семье, и основное уродство сохранялось неприкосновенным. Об этом достаточно Энгельс рассказал нам в своем «Происхождении семьи».

На указанных примерах мы опять лишний раз можем убедиться в значении уровня производительных сил для общественной надстройки. Ибо во всех приведенных случаях вытеснения

излишняя сексуальная энергия, конечно, очень легко могла бы быть сублимирована, т.-е. преобразована в высшие формы, если бы технический уровень общества предъявлял достаточный спрос на высокие знания, талантливое изобретение, плодотворную предприимчивость и культурную общественную работу. Но в том-то и беда, что во всех вышеуказанных способах или производство находится на низшей своей ступени, или же оно не достигает сколько-нибудь высокого уровня. И когда, благодаря отсталым производственным формам, включая сюда и частную собственность, приходится накладывать свою тяжелую печать на сексуальную энергию человека, она не может найти себе иных путей, кроме грубого механического вытеснения и подавления, а с ним вместе и мистического мышления в его религиозных формах. Недаром и Маркс и Энгельс неоднократно указывали на связь между религиозной надстройкой и жалким уровнем производства. Психология отчетливо теперь вскрывает этот механизм и научное учение марксизма получило лишнее подтверждение. При классовом порядке и вытеснение и следующая за ним религиозная надстройка само собой дают различные оттенки и формы сообразно положению такого класса. Сексуальное уродование у крестьян происходит иначе, нежели связанное с майоратом и миноратом наследование у дворян. Но результаты и здесь и там одни и те же.

Как показывает история религиозно-окрашенного мышления, оно оказалось способным и к чрезвычайной устойчивости, и к великой гибкости. Это нас не должно удивлять: если мы сопоставим содержание и форму религиозно-мистической надстройки, то мы убедимся, что они совершенно не связаны друг с другом. Это и есть характерная черта мистико-религиозной символики. И так как при построении знака и сигнала, которым отмечается действительность, последняя меньше всего принимается во внимание, а за этим знаком или сигналом в подавляющей степени закрепляются представления и эмоции сексуально-бессознательной сферы, то по существу здесь закрепляющий знак или сигнал может выражать любое содержание и стать весьма устойчивой формой для постоянно меняющихся явлений. Ведь тут под каждым образом, звуком или символом может быть подставлено один раз одно, а другой—другое, один человек может связывать с ним одно значение, другой—другое и т. д. без конца. Отец тут выступает то в виде действительного отца, то отца духовного, хлеб становится то хлебом, то божьим телом, известное движение то сохраняет свой подлинный смысл, то оказывается лишь знаком чего-то происходящего в потустороннем мире, а живой человек то становится самим собой, то превращается в сосуд разных духов, а поглощение пищи то является действительно едою, то лишь внешностью для любовного и страстного общения с божеством. И если в данной области

человек так же, как во всех остальных видах своей деятельности закрепляет и внешний мир, и свое внутреннее поведение за известными материальными знаками, которые приобретают характер устойчивых раздражителей, вызывающих в нем при своем появлении известную реакцию или ответное действие, то как раз в области мистико-религиозной символики мы наблюдаем наименьшую связь, с одной стороны, между реальным опытом и закрепляющим его сигналом, а с другой,—между этим сигналом в качестве раздражителя и психологией организованного при его помощи человека.

Отсюда вытекают два следствия: с одной стороны, такая символика оказывается способной охватить все, что угодно. Благодаря этому, она, сохраняя тысячелетиями свои основные образы и представления, в то же время оказывается в разной степени пригодной или, правильнее сказать, одинаково негодной для всех стран, времен и народов. История религии достаточно показала нам это. Первоначальный символ отца или предка, даже его души, оказывается вполне способным сопутствовать охотничьим племенам и пригодиться для того, чтобы освятить собою образ того или иного важного для хозяйства зверя, а впоследствии, после приручения животных, и домашнего животного. Богом одинаково становится и кенгуру, и волк, и крокодил, и корова, и собака. С переходом к земледелию божество легко вбирает в себя не только домашних животных, но продукты земледелия, небесные светила: солнце и луну, ветры, дождь, грозу и молнию. С утверждением классового порядка сами боги точно также разделяются на классы, земное уголовное право находит небесное отражение и сама первоначальная наука выступает в оболочке из магии и волшебства. С развитием классовой борьбы в экономической и политической форме, мистико-религиозная мысль продолжает свое дело и с испытанным на деле удобством освящает при помощи богов-спасителей или искупителей то один класс, то другой, то одну политическую форму, то иную. Гибкость совершенно исключительная.

Социальная ценность религиозно-мистических раздражителей, однако, заключается не в этой гибкости, которая в такой же степени лишена как серьезного познавательного, так и организационного характера. Ее центр тяжести и сила не в ней самой, если даже она содержит некоторые отрезы и научного знания и организационной техники. Будучи построенной в своем источнике на перенесении сексуальных симпатий или антипатий, она получает свой смысл именно в том отношении, что она создает систему раздражителей не в виде отвлеченной теории или художественного образа, а в непосредственной связи не столько фантастических, сколько весьма живых предметов поклонения, привязанности и страсти. Вся мистическая надстройка в одно мгновение потеряла бы свое социальное значение, если бы у нее отнять то сословие религиозных идеологов, которые

являются присяжными посредниками между людьми и воображаемым божеством и в известной степени воплощают это последнее в себе. Другими словами, мистико-религиозный характер идеологии обозначает собой не что иное, как тот факт, что основными центрами и силами социальной мотивации и психического раздражения являются известным образом организованные люди, которые и воплощают в себе всевозможную благодать, наитие, божество, его мудрость, праведность и мощь. Таким образом, именно жрецы, шаманы, священники и им подобные духовные лица, начиная от дикарского колдуна и кончая современным наставником «христианской науки», становятся в своей организации посредниками между внешним миром и людьми и занимают место живого аппарата, при помощи коего известный коллектив ориентируется в мире.

Указанное здесь социальное положение жрецов и их организаций бросает яркий свет и на роль сознания и сознательности, работающей на почве сексуально-мистической техники. Ибо, поскольку речь идет о самих жрецах, этих универсальных специалистах первоначального общества, то здесь не может быть никакого сомнения в наличности у них порой большой сознательности и способности к научно-технической работе. Как показывает история, они многократно выступали в качестве врачей, астрономов, даже инженеров по гидравлике и агрономии. Изучение религиозной литературы обнаруживает и другой интересный факт жрецы весьма часто сами были лишены какой бы то ни было мистики и веры, но пользовались своими практическими и эмпирическими знаниями по массовой психологии с величайшим успехом в своих собственных целях и целях господствующих классов. Но по отношению к верующим они выступали всегда в облике божества, а следовательно, пользовались целиком средствами, которые сейчас достаточно вскрыты современной наукой, т.-е. различными видами индивидуального и массового внушения и гипноза. И только лишь средствами для этого являются созданные при их помощи всевозможные материально-закрепленные раздражители, в общем и целом образующие культ. К таким раздражителям принадлежат: и священные изображения, и святые предметы, и богослужебные принадлежности, и храмы, и, наконец, всевозможные виды таинственного и культового действия. Любое богослужение любой религии представляет собой целую систему мистико-религиозных раздражителей, которые в умелых руках насыщенного благодатью жреца приводят к надлежащему результату.

Если мы вкратце теперь характеризуем социальную роль мистико-религиозной надстройки, то она выявляет следующие черты: во-первых, при помощи раздражителей этого типа организуется излишняя сексуальная энергия, не находящая себе места в производственных условиях того или иного отсталого общества. С этой стороны религия есть колоссальный насос,

который высасывает эту лишнюю энергию и расходует ее в грандиозном опьянении при помощи некоторого «опиума для народа». Во-вторых, религия дает отличающийся исключительной силою идеологический покров, который, с одной стороны, смягчает наиболее острые классовые противоположности и резкие революционные перевороты. Отсутствующие на земле мир, порядок и единство восполняются на небесах при помощи мистической фантазии. Реальный хаос земли принимает форму закономерного порядка задолго до получения истинного знания. Наконец, в-третьих, сосредоточение мистических раздражителей непосредственно в организации жрецов дает деспотическую власть и силу внушения в руки немногочисленных специалистов, которые и водворяют в варварском обществе дисциплину, необходимую, как основная ткань, для тяжелого и рабского труда.

Социальные раздражители формально-эстетического характера.

При первых же шагах производственной работы общественный человек пришел в соприкосновение с внешним миром Часть полученного им опыта была, как мы уже видели выше, закреплена при помощи религиозно-мистической символики, но другая часть получила закрепление при помощи сигналов, уже более отвечающих реальному миру. Однако, исторически не внешний мир в своем действительном проявлении получил отражение в мозгу дикаря и первобытного человека. Последний уже не мог сделать этого потому, что слишком был занят собою и переносил на окружающее, прежде всего, опыт своей собственной работы. И поскольку он был принужден перейти от свободного удовлетворения сексуальных влечений к борьбе за существование, он первое свое внимание обратил на себя, как на своего рода живой технический аппарат или орудие производства. В мистике он смотрел на мир через комплексы своего пола, через сексуальные влечения и рожденную им силу притяжения и отталкивания. Здесь в области труда он смотрит на мир через себя же, но через себя, как действующее существо, связанное ритмом своего дыхания и сердцебиения, работающее при помощи системы движущихся рук и ног, побеждающее в законченной гармонии целесообразно и гармонически организованного движения и удара. Человек, таким образом, является для самого себя первой гармонической действительностью и начальное постижение своего действия было вместе с тем и познанием формы.

Вот почему первобытный охотник, который стоял на чрезвычайно низкой степени культуры, тем не менее оставил нам художественные памятники высокого достоинства, где с таким блеском передана форма движения и самого ловца, и бегущего от него зверя. Вот почему работник первого коллектива, поднимающего землю или громоздящего камень на камень, оставил нам,

едва ли не в качестве предшественницы размеренной речи,—трудовую мелодию, которая своим тактом, повышением и понижением тонов отвечала ритму его трудового движения. И когда тот же первобытный человек перешел к организации общественных отношений во время мира и войны в общем танце или выступлении на охоту, он украсил свое собственное тело и гербами племени и многоразличной татуировкой, которая должна была объединить в общем действии украшенные то красными, то желтыми, то черными рисунками тела отдельных воинов. И так как к живому человеку в окружающем его мире ближе всех оказались опять-таки живые существа и притом действительно живые, а не олицетворенные подавленной сексуальностью, то очень скоро был проведен знак равенства между формой, отпечатанной на коже змеи, и рисунком на щите, между изображениями зверей и животных и формой плетенок и первобытных глиняных ваз, которые окружали горящий очаг человека.

Создание формы еще далеко не обозначает и уменья при ее помощи расценить и разметить окружающие нас предметы в том порядке, который наиболее целесообразен практически. Тесная связанность человека и его действия приводит необходимо к тому, что, особенно в начале культурного развития, человек весьма сильно подпадает под действие своих внутренных раздражителей и, конечно, в первую голову сексуальных влечений в их прямом или переносном виде. Первоначально акт деятельности легко сопровождается симпатией или эмоцией сексуального происхождения. Отсюда и та особая привязанность не только к товарищам по работе или по военным выступлениям, но и не меньшая привязанность к тем вещам, которые служат человеку в качестве его, хотя бы примитивных, орудий. Орудия производства, которые употребляет в дело первобытный человек или дикарь, не потому являются его начальной частной собственностью, что сразу оцениваются с их хозяйственной стороны, но потому, что в процессе труда человек чуть ли не физически сливается вместе с ними и они оказываются просто частью его живого тела. Вот почему орудия труда и оружие вместе с одеждой, которая облекала человека при жизни, не наследуются, несмотря на всю их экономическую ценность, но погребаются или сжигаются вместе с покойником. Точно также целый ряд хозяйственных действий, наряду с трудом и его ритмической или гармонически организованной формой, наполняется еще добавочно сексуальным содержанием. И не только охотник испытывает особый азарт и отношение к дичи, которые впоследствии ложатся в основу культа диких зверей, но и земледелец свой размеренный и организованный труд воспринимает, как половой акт оплодотворения земли, при чем наряду с ним участвуют в этом деле и различные стихийные боги.

Таким образом, прежде всего, мы должны отметить известную связь между формально-эстетическим способом представления и методом мистико-религиозным. Это обстоятельство имеет большое значение, потому что, прежде чем общественный человек переходит к оценке с точки зрения красоты или пользы, он слишком часто оценивает при помощи напряжения своего сексуального влечения. Сначала идет «милый» и «дорогой» и только затем—«прекрасный» и «полезный». Именно на таком установлении «симпатии», которая необходимо связывается с практически нужным и необходимым, основывается и очень важное социальное влияние идеализации. Последнее состоит как раз в том, что в приемы формального отражения вносится момент сексуальной симпатии и благодаря этому, с одной стороны, эта форма становится значительно более высокой и прекрасной, нежели она является в действительности, а с другой,—она представляется значительно превосходящей все другие, в действительности ей равноценные. Здесь мы имеем бесспорно факт идеологического искажения и извращения, неправильно отражающий действительность и путающий практическую деятельность, т. к. место наиболее технически оформленных и целесообразных приемов занимают те, которые совершенно неосновательно идеализованы, благодаря примеси непереваренной сексуальности. Но подобного рода идеализация имеет и свои общественно-полезные черты: она устанавливает известное соотношение между различными формами, ставит одни выше, а другие ниже и возводит высшую форму на положение некоторого образца или шаблона, который, в свою очередь, дает однообразие и устойчивость работе человеческого коллектива.

Так возникают различные формы трудовых процессов, видов деятельности и поведения — охоты, скотоводства, земледелия, войны, семейного быта, родовой организации и т. д.. Впоследствии исключительно важное место занимает среди видов этой формально-организованной деятельности техника, которая на самом деле сопровождает человека с его первых шагов. В ней особенно важно найти наиболее совершенную форму, которая бы объединила человеческие цели и данные во внешнем мире средства так, чтобы подобный идеальный план мог быть положен в основу производственной работы и дал в результате достижение поставленной цели, т.-е. соответственное изменение материальной среды или получение материального же продукта. Громадное значение формальная работа имеет также среди общественной организации, где должна быть найдена опять-таки наиболее совершенная форма, объединяющая поведение и действие известного коллектива таким образом, что в конце-концов получается как бы единый общий акт множества людей и заканчивается соответственным общественно-полезным результатом. Не меньшее значение формальное восприятие получает

и там, где вырабатывается форма для самой формальной или организующей и технической деятельности. Можно сказать, что здесь идет речь о форме, вырабатывающей форму, т.-е. другими словами о тех немногих и наиболее общих приемах оформления, которые выделяются в своего рода образцы для построения различных других форм. Такие высшие формы первоначально строятся при помощи приема идеализации, но впоследствии они получают самостоятельное значение, как оправданные на практике, наиболее удачные и высшие образцы и шаблоны.

При нормальных условиях, когда устанавливаются формы, планы и шаблоны различного рода действий и трудовых приемов,— то они создаются следующим образом. Основываясь на опыте, люди подмечают в различных предметах и явлениях наиболее ценные для них черты и соединяют их вместе таким образом, что получается по сравнению с отдельными нужными и важными свойствами, разбросанными понемногу в разных местах, такое изображение предмета, в котором все эти отдельные черты соединены вместе и притом не так, как кучи камня, но связаны одною и той же формой, определяемой нашими целями. Когда мы имеем куски разных металлов, соединенные в кучу, мы еще не имеем никакой формы. Но когда каждый из этих металлов взят со стороны своего, наиболее для нас нужного качества, выкован или вылит в известную форму, прилажен ко всем другим по единому общему плану, то получается уже не простое собрание материалов, а тот же материал, взятый со стороны отдельных своих свойств, которые соединены вместе в одну современную машину, где все их отдельные свойства сведены к одному общему свойству, к работе данной машины. Так мы поступаем везде, где мы что-нибудь оформливаем или организуем в наших целях. Так можно поступить и в тех случаях, когда мы подыскиваем наиболее удачные формы для тех отдельных форм, которые мы встречаем в действительности.

Для примера приведем мы здесь тот способ, к которому прибегает какой-нибудь художник. В этом случае мы, скажем, имеем задачей изобразить наиболее совершенную форму человеческого лица, как оно дано действительностью, т.-е. в данных условиях времени, места и бытовой или хозяйственной обстановки. Предположим, мы должны дать наиболее выразительное и для нас ценное лицо фабричного рабочего, или, как мы говорим, пролетария. Для этого художник поступает следующим образом. Он выбирает среди массы рабочих наиболее характерные лица, или даже отдельные черты их лиц и выражений, которые представляются ему отвечающими той форме, которая наилучше характеризует собой наиболее существенные черты пролетарской психики — его трезвость и положительность, его решимость и выдержку, его изобретательность и способность к коллективному труду, наконец, его веру в грядущий коммунистический строй. Таким образом, художник подготовляет множество этюдов

с натуры, а затем, когда доходит очередь до создания картины, он подбирает из всех добытых им материалов наиболее яркие, характерные, значительные и отвечающие заданию черты и объединяет их опять-таки не как какое-то собрание отдельных глаз, носов, подбородков и даже физиономий, но как одно лицо, в форме которого сливаются все найденные отдельные черты в как бы некотором законченном и совершенном образе. Здесь, следовательно, опять мы находим оформление или организацию материала, которая подчиняется целям, намеченным нашим отношением к миру.

Не надо думать, однако, что такая оформляющая или формующая деятельность, необходимо сопровождающая всякую работу и производство, дается человеку без труда. Мы уже видели выше, какую сумятицу вносит сюда идеализация, основанная на разных комплексах симпатии или антипатии, любви, привязанности или отвращения. Ясное дело, что там, где решают подобные привязанности и пристрастия, а они в большинстве случаев держатся очень упорно при помощи нашего бессознания, ни о каком правильном приспособлении при помощи установки целесообразной формы и речи быть не может. В этих случаях человек решает — не по-хорошу мил, а по-милу хорош, и держится негодной формы до тех пор, пока экономическая обстановка не перевернет его вместе с его излюбленной формой. Ярким примером тут является страстная привязанность к своей собственности, которая присуща мелким буржуа и крестьянству. Как показывают исторические примеры, от их собственности часто не остается ровно ничего под давлением хищного торгового и ростовщического капитала. Они лишаются даже своей заработной платы и прямо голодают. Но расстаться со своей собственностью не могут до последней крайности, и лишь под влиянием тяжелых катастроф переходят в город, где и пробуют пробиться в ряды промышленного пролетариата. Таких примеров мы имеем, конечно, массу. Разве не тем же объясняется слишком часто отсталое хозяйство с допотопной сохой, которое ведется только потому, что так заповедали деды, а соха вместе с сивкой-буркой является предметом упроченной и сентиментальной привязанности.

Но формальная деятельность имеет, и другие опасности. Поскольку она не имеет точно определенной производственной цели, она легко может уклониться совершенно в иную сферу. Это мы можем наблюдать на примере игры. Последняя, ведь, именно тем отличается от производства, что она по большей части сохраняет только его форму, но наполняет ее совершенно иным содержанием. В игре находят в значительной степени выход первоначальные сексуальные силы, которые здесь уже основательно преображаются и переделываются. Сублимация происходит здесь весьма часто чрезвычайно полная, даже в случаях, когда остается основная сексуальная цель. В танцах и играх,

имеющих даже явно эротический характер, тем не менее эротика переводится в громадной степени на пути прекрасного оформления и, благодаря этому, теряет свой сексуальный характер без вытеснения и без болезни. Можно без преувеличения сказать, что игра есть первое и основное средство, при помощи которого и расходуется, и преображается иногда до полной неузнаваемости основная сексуальная энергия. Характерно при этом то обстоятельство, что все игры как ребенка, так первобытного человека и дикаря являются полной копией производственных процессов и, по наблюдениям социологов, даже танцы, прежде всего, строятся на подражании охоте или войне. Таким образом, производство в отображении игры становится непроизводительным постольку, поскольку оно не дает материального продукта, но оно сохраняет значение полезного образца, так как игра и подготовляет, и упражняет будущего охотника, пахаря или рабочего к ряду трудовых процессов. По отзывам специалистов, современная физкультура и частью ритмическая гимнастика великолепно готовят формы трудовых приемов даже для таких, казалось бы, далеких от всякой игры промыслов, как кузнечное ремесло.

Вырождение производства в игру обозначает собой не только положительные качества, как например, особый подъем и воодушевление, свойственные такому свободному и прекрасному обнаружению человеческой энергии, но оно имеет глубоко-отрицательные стороны — оно отрывает работу от ее производственной цели и лишает контроля при помощи достигнутого положительного результата. Ведь игра результатом своих подражательных приемов и жестов совершенно не интересуется. С другой стороны, превращение производства в игру обозначает усиление в нем момента бессознательности, так как здесь уходит зовущий к сознанию гнет материальной нужды и материальной ценности поведения. На первый план выдвигается не производство, породившее форму, а сама форма. Благодаря такому переходу, при помощи игры мы переходим в область искусства и поэтического отражения. Мы начинаем искать формы ради самой формы, а так как она слишком далеко отходит от материальной основы, то она, в свою очередь, окостеневает и умирает. Живое содержание постепенно выветривается и соответственная идеологическая надстройка растет до тех пор, пока она, наконец, не рушится с грохотом под давлением нового роста производительных сил и соответственного изменения в производственных отношениях. Как бы и где бы ни осуществлялась формальная деятельность, она сохраняет свою здоровую природу лишь до тех пор, пока она стоит на производстве. Отрыв от производства обозначает для нее болезнь и смерть.

При классовом устройстве общества самостоятельное выдвижение формы и формального начала получает еще другой смысл. Прежде всего, как известно, господствующий класс выступает,

как организатор и воплощение высшей формы. Для него поэтому в высшей степени важно не только присвоить себе исключительную способность к организаторской деятельности, но и поставить себя при помощи начала формы на чрезвычайную высоту. Здесь, конечно, прежде всего, приходит на помощь самая грубая идеализация, которая пользуется аналогиями между семейным бытом и общественным устройством. История знает бесконечное число примеров, где трудящиеся по отношению к своим поработителям становились на положение беспомощных, опекаемых и послушных детей, обязанных верностью и любовью по отношению к господам, а господствующие классы принимали вид и характер благодетельных и добрых отцов, прибегающих к орудиям насилия лишь в целях исправления и воспитания. В частности монархическая власть неоднократно прикрывалась оболочкой отеческой идеологии, в силу чего верные подданые, они же преданные рабы, становились на положение детей или «сирот» по отношению к отцу отечества, царю-батюшке и тому подобным царствующим отцам. Момент сексуальной идеализации, конечно не ограничивается такими грубыми формами, и неоднократно даже демократические вожди пользовались обожанием преданных им толп в качестве благодетелей, спасителей, отцов и тому подобное.

Такая идеализация обосновывалась впрочем и при помощи другого начала. Выдвигалась на первый план уже не детская привязанность и отеческое милосердие, а некоторым образом фактические данные, коренящиеся в расовом или культурном превосходстве. И так как в целом ряде стран и в древности, и ныне к классовому разделению присоединяется также расовое различие, то получается весьма легко соответственная идеализация ее господ. И подобно тому, как древние греки противополагали себя завоеванным расам, как варварам, то же самое проделали в Европе германцы по отношению к славянам, норманны по отношению к саксонцам, одни племена по отношению к другим, а в Азии индусы по отношению к дравидам или японцы к айносам. Превосходство господ находит также весьма удобную почву в превосходстве культурном, ибо совершенно естественно, что трудящиеся и порабощенные вырождаются и обезображиваются под влиянием голода, нищеты и тяжелого труда, в то время, как господствующие классы при достаточном питании, большом досуге и возможности культуры и просвещения приобретают характер класса упитанных, сильных, здоровых и бесконечно более просвещенных и политически опытных, нежели подчиненные им рабы, крепостные или даже наемные труженики. Стоит к этой фактической основе сделать соответственную надбавку идеологического характера, и перед нами две расы, из которых одна как бы от самого своего рождения предназначена к властвованию, тогда как другая от колыбели матери своей осуждена на мучения, позор, голод и тяжелый труд.

Мы уже видели выше в самом начале, как некоторые мыслители всю психологию строили применительно к оправданию культурных верхов и защите их привилегированного положения. Это только один из моментов идеализации, которая здесь уже совершенно покидает сексуальные основы и переходит в самостоятельную формальную надстройку. Ибо именно здесь форма отрывается от содержания и признается не только самоцелью, но и высшей целью всего существующего. Создается особое учение об идеалах, приобретающих истинную реальность в противоположность жалкой земле, где все так далеко от идеала, а следовательно и нереально. Платон заложил в этом отношении непревзойденный фундамент, на котором потом строили свое философское сооружение идеалисты всех стран и народов. С тех пор идеализм получил глубокое социальное и классовое значение. Основное учение его очень просто. Оно представляет собою лишь перевертывание кверху ногами производственного процесса с его необходимой формальной надстройкой. Как мы знаем уже из вышесказанного, идеалы являются результатом практической потребности и представляют собою не что иное, как тот или иной технический план для нахождения формы общественной деятельности. Идеалисты утверждают совсем наоборот. По их мнению, не план существует для работы, а работа для плана. Не человеческий труд создает форму, а форма придает значение и смысл человеческому труду. Не цель рождается из реальных соотношений общественного человека и окружающего его внешнего мира, а напротив этот мир есть только отображение какой-то над ним висящей цели, которая снисходит в жизнь из божественного духа.

Связь идеализма с классовым порядком ясна без долгих рассуждений. По этому учению именно господствующий класс считает себя единственно способным познать идею и, следовательно, установить обязательные для всех цели. Только господа на основании присущего им великого таланта и творческого вдохновения могут осчастливить низкое стадо темных и тупых работников физического труда и снабдить их качеством живых орудий для ее воплощения. Эти несчастные лишь постольку становятся причастными духа и идеала, поскольку они покорно ложатся у ног своих творческих господ и превращаются в бессловесную глину в их руках. И если даже такое положение для угнетенных не всегда легко и сладко, то зато у них остается утешительная мысль: их страдания, мучения, а может быть, и самая смерть суть не что иное, как жертва во имя высочайших идеалов, которую и они, недостойные, тем не менее призваны совершить. Нечего говорить, что подобный идеализм в большом ходу также у тех общественных групп, которые в качестве профессии обладают ремеслом идеологов, т.-е. специалистов-организаторов, ремесленников, так называемой, духовной работы, техников изобретения и мастеров

хранения, создания и приложения на практике различнейших идеологических и культурных ценностей. С этой точки зрения идеализм является идеологией той группы населения, которую мы называем профессиональной интеллигенцией.

Формально-организационная надстройка в том отношении отличается от мистико-религиозной, что она не сосредоточивает подавляющей массы своих социальных раздражителей исключительно в живом составе специалистов этого дела. Это обусловлено тем обстоятельством, что организационный опыт и деятельность по оформлению общественного поведения пользуется сигнализацией и символикой иного характера, нежели неопределенная и туманная, допускающая любые подстановки и работающая при помощи сексуальной энергии, сигнализация и символика тайны и чуда. В зависимости от той области производства, где вырастает формально-организационный раздражитель, он получает отображение, достаточно точно передающее действительность. В области исскуства это живописный образ, музыкальная мелодия, устное или письменное слово, а в последующие эпохи культурного развития это сооружение из камня и дерева или целое драматическое представление. В области этики и права это — героический пример, практически осуществленная должность, профессиональное служение, сословный или классовый обычай и нравы, правовой и судебный обычай, практика и рутина государственных учреждений. В области техники это — тайные секреты мастерства, технические приемы изобретателя, планы и расчеты машиностроителя, проекты инженера и архитектора, бухгалтерия торгового дома. Во всех подобных случаях мы имеем самую настоящую и подлинную связь между тем материалом, который отображается, и формой, в которую это отображение укладывается, образ, мелодия, скульптурная или архитектурная форма, поведение людей, приемы производства и труда,— все они охватываются именно для них найденной системой сигналов и ни под какую другую они подведены быть не могут. Таким образом, здесь мы имеем, как основное достижение, тот факт, что система раздражителей точно закреплена за определенным рядом отображений, а эти последние также необходимо связаны с явлениями внешнего мира.

Для пояснения указанного нами факта приведем несколько примеров. Здесь достаточно простого сравнения между сигнализационной техникой религии и символической надстройкой других областей. Так, если мы возьмем австралийского фетиша, чурингу, изображающую собой простой обрубок дерева или осколок камня, то мы без соответственного объяснения со стороны кудесника или жреца не догадаемся о том, что мы здесь имеем дело с предметом священного культа, более того, с непосредственным вместилищем божества. Точно также хлеб, который мы едим за столом, ничем не отличается от хлеба, который чудесно превращается в тело сына божьего в церкви. И тот,

и другой хлеб одинаково потребляются и перевариваются в нашем желудке. Однако, компетентное разъяснение христианского или иного священника сообщает нам, что во втором случае дело идет о, так называемом, причастии или усвоении духа божьего. Стоит сравнить с этим любое художественное произведение, чтобы понять различие между этими отражениями в качестве социальных раздражителей. Прекрасная статуя давно умершего художника без всяких комментариев артиста или критика говорит непосредственно нам о высокой форме организации человеческого тела, которая или создана по образцу сталелитейного рабочего или древнего гладиатора или современного мыслителя. Символ или сигнал, воплощенный в камне, здесь непосредственно говорит сам за себя, так как он есть реальное отображение действительности, нам знакомой и близкой. Вот почему форма каменного ножа или топора сразу говорит нам о реальном труде первобытного человека, а современная электрическая турбина в модели или ее техническом плане рисует непосредственно ту форму, которая выкована человеком в его великой борьбе за победу над стихиями.

Можно сказать без преувеличения, что материальный мир техники, обслуживающей нашу формирующую и организующую деятельность отличается исключительно наглядным, конкретным и во многих случаях образным характером. Поэтому и соотношение между образцами, шаблонами и воплощениями форм, с одной стороны, и психикой людей, с другой,—совершенно иное, чем в мистике. Связь с производством здесь гораздо более тесна, и препосылкой для понимания или усвоения того или иного способа работы так же, как пользования новыми орудиями труда, здесь служит целиком соответственная производственная подготовка. Здесь поэтому господствует не внушение и гипноз, сосредоточенные в руках особых специалистов, а показ, пример и подражание, которые для лучшего усвоения иногда нуждаются в помощи учителя, мастера или начальника, но могут быть усвоены и без него или даже самостоятельно изобретены в самом процессе труда. Само собой разумеется, что, при медленном темпе роста производительных сил или даже при остановке в данной области производства, подражание новым образцам сменяется столь же устойчивым и косным подражанием уже раз установленным навыкам и обычаям, и бессознательное делает свое дело. косность и привычка сковывают, как железной цепью, целые поколения, вплоть до образования необычайно устойчивых и совершенно бессознательных форм. И лишь новый хозяйственный переворот разбивает здесь аппарат формальных раздражителей и, на основе новых производительных сил, создает и новые формы их технической и социальной организации.

Великие религии, насчитывающие века и тысячелетия своего существования, обыкновенно приписывают свое происхождение

какому-нибудь одному реформатору или основоположнику, который по общему правилу мученичеством платит за свою посланническую роль. Изобретение в области формирующей деятельности, в особенности же в деле создания новых форм, имеет безмерно большее количество создателей, которые отнюдь не обосновывают непременно касты, церкви или ордена. Напротив, здесь мы имеем дело с довольно демократическим процессом, который лишь в некоторых формах организации классового государства дает нам изобретателей — юристов, политиков, вождей и полководцев, обязанных своим происхождением господствующему классу. Творчество, талант, а порою гений гораздо более присущи тем, кто стоит непосредственно у дела и имеет возможность создать новую форму и воплотить ее в надлежащем образце. Отсюда так много изобретений из среды рабочего класса. Самая тяжелая трагедия изобретательства заключается не столько в оппозиции косной и темной касты религиозного идола, а в том, что создатель новых форм опережает данный уровень производительных сил и натыкается на упорное сопротивление старых производственных отношений. Ибо задача идеологов здесь не в гипнозе и внушении, при помощи которых он освобождает вытесненную сексуальную страсть и ставит ее на службу классового порядка, а в том, чтобы дать «дело», «вещь», «произведение», одним словом, нечто конкретное и реальное, что могло бы, как форма, лечь организующей связью на процесс производства.

Социальные раздражители рационального характера.

Когда мы говорим о рациональных раздражителях, мы меньше всего хотим отождествить понятие рационального с понятием сознательного. Как мы видели выше, сознательным может быть и поведение мистически-определенного человека и тем более деятельность каких-нибудь лиц, находящихся под влиянием формального раздражителя, вроде идеи порядка, свободы, красоты и т. п.. Рациональное может быть в такой же мере сознательным и бессознательным. Различие между рациональной надстройкой и всякой другой заключается в совершенно ином. Под рациональной мы разумеем такую надстройку, такое производство идей или идеологий, которое основано, прежде всего, на опыте и наблюдении, следовательно, имеет в основе своей возможно большие приближения к реальному миру и таким образом является наиболее близким (адэкватным) ему отражением. В таком виде рациональное отношение к миру совершенно совпадает с положительным, объективным его приятием, и начинается с первых дней существования человека на земле.

Исторически, конечно, можно различать, как это делают многие социологи, целые периоды, которые окрашены преимущественно тем или иным способом представления, с соответствующей

системой раздражителей. Можно не без основания утверждать, что там, где основной тон давало крестьянское земледелие, оно преимущественно порождало различные виды мистико-религиозных идеологий и соответственную техническую надстройку раздражителей, в виде жреческих каст или теократических монархий. Можно с неменьшим основанием установить громадное преобладание всевозможных формально построенных идеологий военно-этического, кулачно-правового или какого-нибудь героического типа в тех странах, где мы находим господство военно-вотчинного феодализма. Таких фактов различного свойства можно привести очень много. И пожалуй, действительно, рациональный метод представления и ему присущие раздражители являлись всегда главнейшим спутником города с его торговлей, техникой и просвещением. С этой точки зрения можно оценить и учение Вико с его теорией божеского, героического и человеческого периодов, при чем первый присущ первобытному человеку, второй феодализму, а третий городской культуре. Имеет основание и заимствованный Контом у Тюрго, порядок смены трех культур — теологической, метафизической и положительной, где опять-таки теологическая охватывает собой время до выступления нового капитализма, вторая—эпоху торговли и юриспруденции, а третья наше время науки и техники. Само собой, эти авторы не ищут классовой основы подразделения, но если мы ее введем, то действительно возможно с известным приближением разделить историю на периоды преобладающего господства отдельных способов восприятия, сообразно господству того или иного класса.

Однако, для нас интересен здесь рационализм, прежде всего, не как тип классовой культуры. Нас интересует его общее значение в экономике жизни общественного человека. И с этой стороны мы должны признать, что с первым приложением труда человек, наряду с формальным методом, прибегнул также и к способу рационального отношения к действительности. Ибо без опыта и наблюдения он не мог бы добиться ни одного положительного результата и его труд вращался бы целиком в пустой игре или церемониальном мистическом обряде. Точно также без рациональной основы немыслимо никакое действие производственного характера. Иначе самая гармоническая и наиболее оформленная работа превращается в трату сил, действующих, что называется, на холостом ходу. Только точное познание действительности при помощи возможно полного и неискаженного отражения вдвигает человека, как рационального деятеля, в окружающий мир и дает ему возможность не только проверить на реальном опыте свои представления, но и внести фактические изменения в окружающую природу, а самое главное, овладеть одними естественными силами при помощи других. Такой метод познания и действия может получить сознательную и бессознательную форму, но во всех случаях он характеризуется одним

признаком: активным устремлением к внешнему миру, объективным познанием этого мира, закреплением такого познания в особой системе рациональных раздражителей и, наконец, в активном воздействии на мир при помощи перечисленных здесь способов. Фрейд характеризовал в своем учении сознание, именно как метод познания реального и воздействия на него. Это ошибочно, поскольку сознание может быть присуще и другим видам деятельности. Понятие сознания здесь необходимо заменить понятием рационального отношения к миру

Когда начинается рациональное отношение к миру? Начало его совпадает с первой активной реакцией на внешние раздражения, поскольку эта реакция дает полезный результат для живого общества. О пользе мы говорим здесь в смысле борьбы за существование и соответственного приспособления. Когда ребенок хватает грудь матери под влиянием сексуального влечения, он вместе с тем бессознательно совершает акт рационального приспособления. Когда дикарь пользуется тормозящим действием священного запрета или табу для того, чтобы защитить этим роженицу от насилия самца или дичь от хищнического истребления в период кладки яиц или спаривания, он совершает рациональный акт под видом и в форме акта религиозного. Когда игра, изображающая охоту у австралийских или африканских дикарей вырабатывает случайно новые приемы для преследования дичи, и эти приемы закрепляются и приносят большие плоды, мы имеем опять-таки рациональный акт, который бессознательно проходит в форме чисто формального действия, совершонного под влиянием эстетического раздражителя. Когда современный рабочий, положим, железнодорожный стрелочник, автоматически переводит стрелку согласно указаниям сигнала, или машинист также бессознательно тормозит поезд по указанию семафора, то они бессознательно совершают рациональный акт на основе рационального же раздражителя. Но когда американский фермер исследует химически свою почву и сообразно этому меняет культуру, он действует и сознательно, и рационально.

Как очевидно, рациональный акт по своему содержанию может получить мистическую или формальную надстройку. С другой стороны, рациональная надстройка может быть бессознательной и, следовательно, повлечь за собою результаты, свойственные акту бессознания. Но этим не ограничиваются возможности сочетания различных способов представления и отвечающих им аппаратов раздражителей. Ибо рациональный акт, т.-е. построенный на самом безупречном реальном основании, нуждается для своего обнаружения в человеческом действии в соответственном оформлении, которое должно произвести выбор ближайших и отдаленных целей, приспособление более или менее подходящих средств, объединение их в целом ряде

трудовых действий, гармонически вытекающих друг из друга и кончающихся определенным производственным результатом. Более того, такой акт немыслим без более или менее высокого напряжения энергии, а мы прекрасно знаем, благодаря современной физиологии, что энергия у нас одна, и что источник ее один—и это наша био-физическая система с ее эндокринным аппаратом во главе (выделительные железы). Как известно, исключительное значение в этом аппарате в качестве внутреннего раздражителя имеет система половая. Таким образом, если мы желаем объединить в рациональном акте человека, как естественную силу, и окружающий его столь же естественный мир, то возникает еще вопрос о том, как при помощи высшей рациональной надстройки внести соответственные исправления и переделки в более ранние исторические системы формального и мистико-сексуального характера, чтобы извлечь из них все необходимое для рационализации нашего отношения к внешней среде и для обеспечения нашей победы над миром.

Ответ на поставленные здесь вопросы мы можем дать лишь путем изучения рационального метода представления и обслуживающих его раздражителей. Как мы уже отметили, наиболее характерным здесь является положение нашего отражающего аппарата, т.-е. мозга и нервов. Поскольку они при мистическом методе представления работают почти исключительно под давлением сексуальных влечений, т.-е. внутренних (химических) раздражителей нашего тела, постольку они далее при формальном представлении и надстройке находятся под давлением ощущений двигающегося тела, т.-е. разрядов нашего мускульного механизма, т.-е нашего же тела, пришедшего в известное соприкосновение со внешней средой, постольку же при рациональном методе представления и его раздражителях наше отражающее зеркало обращается целиком или почти целиком к окружающему нас реальному миру. Можно сказать метафорически, что в первом случае в зеркало нашего мозга и нервов глядится мир через радужный туман и светящиеся волны сексуальных страстей. В него смотрит, прежде всего, наше страстное тело, как оно сложилось в результате тысячелетней жизни человечества. Во втором случае внешний мир находит отражение при помощи ритма нашего сердца и движений рук и ног. Мы ощущаем его кончиками наших пальцев и измеряем натяжением мышц, и только в третьем случае свое место занимают глаза и уши, которые получают непосредственную возможность телеграфирования, телефонирования и фотографирования для целей приспособления.

Такое рациональное отношение к миру рождается необходимо лишь в том случае, когда этот мир достаточно чувствительно и больно дает о себе знать. Следовательно, здесь идет речь о встрече человека с целым рядом весьма серьезных препятствий, которые принуждают его перейти в состояние

настораживания самообороны или самозащиты. Такую роль действительно и играют как различные условия природы—бесплодная почва, холодный климат и т. п., так и окружающая среда — дикие звери, разбойничьи племена и т. п.. Библия совершенно правильно поместила в раю совершенно глупого человека, и непонятно только, как он мог при райских условиях совершить грехопадение. Следующим условием для образования рационального отношения к миру является некоторая периодичность и закономерность в тяжелых давлениях природы, которая дает возможность их так или иначе предвидеть, т. к. постоянно обновляет запасы человеческой памяти новыми воспоминаниями об одних и тех же бедствиях. Отсюда рождается возможность предвидения и некоторого опасения, которое, в свою очередь, дает толчок к размышлению. Не надо забывать, что и в физиологическом отношении мысль появляется, как деятельность известным образом задержанного, заторможенного рефлекторного процесса, дающего разряд не прямо к двигательным нервам, а через широкое возбуждение центра и прилегающих к нему путей. Такая заторможенность мысли дает ей известную ясность и объективность, которая может даже выразиться в некоторой трезвости восприятия. Такую трезвость, направленную по отношению к внешнему миру, необходимо резко отличать от пассивности вообще, которая, например, присуща сну и, наоборот, содействует оживлению не только остатков дня, но и сексуальных влечений, хотя бы в их замаскированной форме.

Для пробуждения рационального процесса необходимо еще новое обстоятельство. Он тогда только создает надлежащий аппарат раздражителей, когда он становится актом коллективного труда, вызванного необходимостью самосохранения и самообороны. Ибо только наличность совместного коллективного действия или труда порождает ту материальную связь между людьми, которая выражается в членораздельном слове. После труда, именно, слово становится орудием рационального отношения к миру, так как этот словесный сигнал, не имеющий в себе ничего ни образного, ни конкретного, обладает достаточной гибкостью, чтобы путем расчленения и модулирования звуков выразить те отдельные черты и свойства материальных предметов, которые подлежат закреплению и сообщению другим людям. Слово есть результат языка, а язык, в свою очередь, немыслим без двустороннего общения, в котором, путем взаимного подражания и выучки, не только известные звуки связываются с объективными признаками и свойствами вещей и самими вещами, но и проверяются на коллективном опыте участников активного и трудового общения. Именно слово, сначала устное, в виде, так называемой, речевой реакции, а затем и письменное, закрепленное при помощи зрительных сигналов и символов, в виде идеограмм, иероглифического и иератического письма,

и наконец, буквенного изобретения, становится мощным материальным аппаратом, с которым в виде гибкого и многоразличного раздражителя и связываются действия людей.

Рациональное отношение к миру, как мы уже видели выше, служит человеку в его реальной производственной работе. Слово, рожденное из рационального трудового процесса стало спутником производства с первых его шагов. Но это нисколько не помешало тому обстоятельству, что найденное таким образом слово было использовано совершенно иным способом и, будучи перенесено в сферу сексуальных символов и мистических представлений, стало орудием совершенно иных способов отношения к миру. Оно было само обожествлено в качестве имени божества, которое не подлежало произношению, т. к. в звуке этого имени заключен был сам бог. Слово, как имя вождя, настолько сливалось с его духом, что после его смерти все люди, носившие одинаковое с ним имя, должны были принимать новые имена. Слово в мистическом обиходе потеряло свое подлинное значение и, как всякое другое явление внешнего мира, превратилось в оболочку для чуждого ему содержания. В сексуальном словаре женщина обозначается словом пещеры или дома, мужчина получает имя огня или оружия, половой акт обозначается как лестница, полет и т. п. и самое рациональное слово не может избежать такого извращения, раз только насыщается сексуальной симпатией или антипатией. Даже слова, заимствованные из мира природы и внешних явлений, получают совершенно иной смысл, как только они становятся достоянием мистически-настроенных философов. Пример здесь — система Платона, где все общие понятия получили новую жизнь в качестве нетленных и бессмертных, истинно реальных идеалов.

Но слово может быть изменено и другим способом. Оно может быть преображено в формальный символ, связанный и с теми звуками, из которых оно образовано, и с тем образом, которому оно присуще. Здесь сказывается и другой факт. Несомненно, точное слово современности не сразу получило то значение адэкватного выражения объективных признаков или предмета, как это делается теперь. Оно слишком долго было средством в руках художественной игры и творческой догадки. Прежде чем стать в его теперешнем объеме чуть ли не математическим знаком для трезво отражаемой действительности, оно служило символом для художественного изображения нравственного идеала или правовой формы. И это было неизбежно, т. к. целый ряд явлений первоначально воспринимался человеком по аналогии с движениями животного мира или самого же человека. И когда он говорил, ветер дует, то он видел действительно дующее существо на манер самого же человека, а когда утверждал, что солнце всходит, то видел солнечного бога, подымающегося на небесный свод в колеснице, влекомой огненными конями. Неудивительно, что и сейчас поэтический язык не

только стремится использовать музыку слова в своей ритмической речи, но и его образное переносное значение для выражения действительности в форме прекрасного. Само собой разумеется, что слово, ставшее орудием рационального отношения к миру, есть нечто совершенно иное. Оно имеет один только точно определенный смысл и никакого другого. Оно определяет лишь известные, строго намеченные, признаки и свойства и ничего другого. В этом смысле оно совпадает с термином и научным определением.

Еще больший успех завоевал рациональный метод, когда ему на помощь пришли счет и математика. Безразлично, где родились эти великие приобретения в деле познания мира. Лежало ли здесь в основе разделение поровну труда и урожая между членами коммунистически организованного рода, явился ли счет в результате первых попыток обмена товара и его эквивалента, был ли он изобретен в результате обмера земли и установления границ, или при первых попытках соорудить устойчивый и быстроходный корабль,—для нас безразлично. Но факт тот, что расчленение мира на качественно-однородные и количественно-равновеликие единицы положило начало величайшему прогрессу рационального познания и выражения, так как здесь уже совершенно была устранена какая бы то ни было таинственность и неопределенность, которая могла бы дать приют мистической фантазии. Конечно, были и тут попытки подставить под язык цифр колдовство восточной астрономии или формальную музыку сфер в духе греческих пифагорейцев, но, в общем и целом, число поддержало свою репутацию и стало на редкость удобным и гибким техническим выразителем необъятного количества математических отношений, которые строго отвечали материальным отношениям внешнего мира.

Математика сама по себе, конечно, не страхует объективности рационального метода, как вообще не может быть застрахован от извращения ни один способ, ни одно орудие познания мира и соответственного приспособления. Стоит оторвать ту же математику от действительного опыта и ее материального основания, как и здесь легко увлечься формальной логикой, а сама математика превратится в отвлеченную и не имеющую никакого реального содержания надстройку. В этом отношении был чрезвычайно поучителен пример теории природы и разума, которую строили пророки юной буржуазии. Пренебрегая фактами и действительностью, они без всякой критики решили натянуть математические формулы на общественную жизнь, и в результате явилась удивительная философия. В ней складывались и вычитались вещи материальные и нематериальные. Цифрами выражались понятия, не имеющие за собой никакого точного реального содержания, делились страсти, умножались чувства. Со знаком плюс появлялись понятия добра, со знаком минус понятия

зла и страдания, а в общем и целом каждый подобный математик приходил к самым различным выводам, претендующим на обязательное для всех и притом непогрешимое решение.

Не меньшую беду натворила в области рациональной и формальная логика. Как и всякому человеческому делу, рациональному отношению к миру свойственна также известная организующая формальная сторона, которая здесь выражается в противоположности между положением и отрицанием, в применении, так называемых, законов логики, сообразно которым об одном и том же предмете нельзя утверждать одновременно две, друга друга отрицающие, вещи, или в одно и то же время утверждать и отрицать одно и то же положение и т. п.. Такая логика легко может представиться какою-то независимой силой, законы которой имеют безусловное или абсолютное значение. На самом деле такая логика представляет из себя весьма растяжимую форму, легко покрывающую какое угодно содержание. Ибо она совершенно не интересуется фактом, но только внешней последовательностью. Так, в свое время, в эпоху младенчества наук, создавались обширнейшие логические построения, которые, подобно бесконечному узору, окружали какую-нибудь одну принятую точку или выходили из нее, как непрерывная нить логической паутины. Неспособная к открытию новых данных и материалов, такая схоластика в тысячный раз пережевывала чужие мысли, снабжая их все новыми и новыми примечаниями, разъяснениями, дополнениями, комментариями, и т. д.. Подобного рода метод особенно привился в различных, так называемых, науках формального или догматического содержания, как богословие или правоведение.

В последнем случае пришел на помощь и могучий классовый интерес. Когда буржуазия крепко обосновала власть рынка и биржи, а затем выбросила на эту биржу обезземеленного и нищего крестьянина, она решила поработить его не при помощи меча, феодального барона или кадила древнего жреца. Она добивалась труда высокой производительности, которого не может дать ни раб, ни крепостной. Поэтому, перед наемным рабочим она открыла соблазнительное поле борьбы за богатство и предоставила ему, как казалось, равную возможность добиваться счастья во всеобщей и свободной погоне за богатством. И для того, чтобы оформить рабство неимущего, который ничего не имел для продажи, кроме своей кожи и рук, буржуазная мысль создала идеологическую оболочку большого размаха и силы. Это как раз формальное начало равных прав, которое должно прикрыть фактическое неравенство призрачным равенством и противопоставить друг другу, как равных граждан, заключающих добровольный договор, и пролетария и капиталиста. Так созданное право было и запечатлено, и разработано в бесчисленных кодексах и конституциях, и легло в основу особой науки — догматики права. Ее характерной чертою было то, что она,

совершенно не трогая фактических отношений классового гнета, работала над воображаемыми равными субъектами и из основных положений равного права на собственность выводила бесчисленные логические случаи его применения (казусы) и правила его истолкования (интерпретации). Логики в такой, с позволения сказать, науке сколько угодно, но считать ее отраслью положительного знания невозможно.

Наукой в истинном смысле слова,—а именно она является высшим выражением рационального отношения к миру,—в настоящее время признается лишь та, которая, подобно наукам естественным, опирается на опыт и наблюдение. Только постоянное наблюдение фактов и сравнение их с данными нашей памяти, только подробный анализ предмета, его расчленение, сравнение с другими предметами, сравнение его самого с его частями, сравнение его во времени с его предшествующими состояниями и сравнение общих черт у разных предметов дает положительный материал для теории, которая, однако, должна быть проверена опытом или экспериментом, где каждый из моментов наблюдения подвергается новой проверке, благодаря искусственной технической обстановке, где явление подвергается лишь определенным влияниям с исключением других и таким образом постепенно выявляет все свои подлинные свойства. В общественных науках мы находим за отсутствием опыта широко развитое наблюдение, которое в настоящее время пользуется материалами массового наблюдения и подсчета при помощи статистики, исследует материальную основу общественной жизни посредством политической экономии и, наконец, изучает всевозможные надстройки в таких науках, как психология, социология, история культуры, правоведение, государствоведение и т. п..

И здесь опять-таки приходится отметить один факт громадного значения. Лишь постольку современная наука может дать и настоящее выражение рациональному отношению к миру и дальнейшее его закрепление и развитие, поскольку она обладает достаточными средствами и техническим оборудованием. Производство идей здесь целиком уподобляется производству вещей. И если немыслимо никакое обеспечение человеческих масс нужными им предметами потребления без высоко развитой техники и колоссального увеличения производительности труда, то совершенно то же приходится сказать и о науке. И если наука тесно связана с современной техникой в том смысле, что без научных открытий современности последняя была бы совершенно невозможна, то приходится утверждать и обратное положение. Современная наука без техники неминуемо вырождается и гибнет. Для нее нужны библиотеки, которые бы в упорядоченном и организованном виде дали бы возможность пользования плодами мировой мысли за много веков. Ей нужны музеи, где можно было бы читать

надписи сорокавековой давности древнего египетского царства. Ей нужны собрания материальной культуры всех стран и народов. Ей нужны кабинеты и лаборатории с тончайшей аппаратурой для исследования животного и человека. Ей нужны специальные институты, где бы в особых изысканных условиях можно было бы производить открытия законов мертвого и живого вещества. Ей нужны клиники и врачебные кабинеты, издательские аппараты и средства для научного общения, университеты и академии. Только при помощи этого материального аппарата наука получает значение не только идей, существующих в отдельных мозгах, но громадной машины социальных раздражителей, которая крушит мистических богов, раскрывает жреческие тайны, освещает темные углы страстей и предрассудков и создает всеобъемлющую конструкцию, которая соединяет связью неразрывной культуры человека и внешний мир, его, как естественную силу, и естественные силы природы...

Только благодаря великому промышленному развитию современной техники наука сделала и тот последний шаг, который мы должны отметить, как величейшее ее достижение. Ибо это развитие принесло и социальные условия, необходимые для ее расцвета. Новый общественный класс, созданный под крылом буржуазии, еще в прошлом веке возвестил о своем приходе путем революционных взрывов. Неся на своих плечах социальный переворот, он потряс старые небеса и земли буржуазных идеологий. Благодаря этому рушилась целая стена еще задерживающих науку плотин и заграждений. Была провозглашена идея развития, которая сразу заставила двинуться неподвижный мир даже материалистической философии. В самом развитии были открыты формы органического роста и наряду с этим — потоки революционных преобразований или мутаций, которые сразу бросают в мир тысячи новых форм. И мыслители пролетариата довершили этот ход идей новым открытием развития диалектического, которое окончательно стирает старые формальные предрассудки в познании действительности и наблюдает переходы «да» в «нет» и качество в количество и наоборот. Эта теория полагается в основу новый марксистской социологии и неожиданно получает для проверки своих истин опыт мировой войны и российской социальной революции, захватившей полмира. И этот опыт блестяще подтверждает теорию Маркса и Энгельса, гениально оправданную Лениным на великом российском перевороте.

Так, на примере происхождения и разработки рационального отношения к миру еще раз нашло подтверждение то положение марксизма, которое гласит, что именно рост производительных сил в конечном счете определяет собой все надстройки, воздвигнутые над экономической структурой.

Интелигенция и общественные классы.

Мы уже ознакомились с основами классовой психики. Перед нами прошли и различные способы представления с их специальным механизмом раздражителей. Теперь нам остается обратить внимание на ту живую лабораторию, в которой класс вырабатывает ему свойственную надстройку. Мы не раз упоминали со слов Маркса об особом «идеологическом сословии». К нему причисляет Маркс весьма различные категории, объединенные профессиональной деятельностью идеологического характера. Таковы люди, составляющие правительство и его машину, юристы, попы, войско, инженеры, механики, политические и литературные деятели, одним словом, всевозможные представители «интеллигенции», вплоть до студентов. Именно эти группы занимаются в качестве призвания, так называемым, духовным трудом, т.-е. делают своей профессией восприятие мира при посредстве одного из вышеуказанных способов представления, и затем закрепляют его отражения при помощи словесной или вообще материальной формы; эта же последняя является носительницей различных идеологий и в качестве символа или сигнала вызывает соответственную реакцию со стороны обслуживаемых интеллигенцией групп и образований. Однако, как мы видели выше, интеллигенты не только являются техниками и работниками в деле производства идей, они сверх того и сами весьма часто становятся теми живыми возбудителями и раздражителями, которые воплощают в себе определенную идеологию и в качестве живых символов вызывают связанные идеологией действия окружающих их людей.

Эту деятельность можно различать сообразно с ее основными видами. Во-первых, она дает нам две категории: познавательную и практическую сообразно тому, является ли деятельность интеллигента исключительно теоретической и познавательной, или же она охватывает собой технические формы, при помощи которых, на основании полученного знания, человек организует свое производство. Во-вторых, можно различать сообразно указанным выше способам представления интеллигентов, как техников мистики (попы), как деятелей и творцов в области формования и оформления (художники, юристы), или наконец, как специалистов в области рациональной работы (врачи, инженеры, ученые). Наконец, возможно классифицировать по их участию в общем деле сооружения и хранения идеологических аппаратов, как хранителей и исполнителей, приспособителей и виртуозов, наконец, изобретателей и новаторов. Для нашей цели, однако, важнее остановиться на различных группировках интеллигенции, сообразно с тем, как они обслуживают исторически сложившиеся общественные классы, т. к. важнейшие культуры, известные нам

с древнейших времен, являются социальной надстройкой обществ, основанных на классовом господстве и проникнутых классовой борьбой.

Остановимся прежде всего на кастовом строе. Он возникает по общему правилу там, где мы имеем некоторый уровень уже достигнутой техники, но где вместе с тем производство лишено возможности дальнейшего накопления и роста производительных сил. В таких случаях техника необходимо вызывает к жизни особую общественную группу сведущих специалистов, как это мы наблюдаем на культурах великих речных систем. Необходимость периодического орошения полей создает ряд особых инженеров-гидравликов, астрономов, метеорологов и т. п., которые в эту эпоху выступают в облике жрецов и магов. Хозяйственно-социальной предпосылкой для образования такой касты должно признать наличность широкого распространенного в орошенной местности общинного крестьянского хозяйства с весьма колеблющимся уровнем получаемого продукта. Порою здесь мы находим богатейший урожай, но слишком часто он сменяется стихийными бедствиями, нашествиями диких зверей и т. п., так что голодные годы не только съедают весь избыток, но иногда превращают и целые области в пустыни. Крайняя отсталость населения, несмотря на его интенсивный труд и тщетные заботы об урожае, загоняет его в рамки самой чудовищной мистики, т. к. в ней крестьянин ищет спасения от ужасов своей земной доли. Именно господствующее крестьянское хозяйство такого типа есть основная предпосылка для кастового порядка.

Крупное землевладение не может выдержать таких условий, т. к. не обладает ни достаточным капиталом, ни такими техническими познаниями, которые бы дали возможность объединить оросительную систему обширного контингента земель. Как показывает пример Египта и Мексики, в лучших случаях государство берется за эту задачу, но, как показывают эти примеры, без особенного успеха. Классовый порядок при такой социальной основе не может доразвиться до частной собственности, а в силу этого останавливается на естественном процессе профессионального разделения труда, который целиком размещается возле крестьянского хозяйства и над ним. Воины, при других условиях легко образующие класс или сословие крупных землевладельцев, здесь остаются на положении служебной организации, которая подобно раннему европейскому феодализму не ведет самостоятельного хозяйства, но пользуется исключительно данями и поборами со стороны населения. Однако, ввиду того, что гидротехника и заведывание системой орошения при таких условиях оказывается делом неизмеримо более важным и необходимым, нежели охрана спокойствия и безопасности, то на первое место выдвигается, в качестве высшего служебного класса, группа жрецов, которая и занимает здесь

положение, в значительной степени сходное с тем, какое занимают в других классовых обществах категории имущих, обладающие в то же самое время средствами производства и в то же время играющие роль класса — хозяина.

При кастовом порядке высшая господствующая группа, таким образом, представляет собою известным образом организованное «сословие идеологов», которое держит в своих руках тайны необходимого для производства знания и пользуется своей профессией для получения львиной доли всего прибавочного продукта. Это в полном смысле слова монопольное царство «мудрецов», как его рисовали нам некоторые древние мыслители. Такое царственное положение совершенно естественно влечет за собой весьма своеобразные отношения между жрецами, которые обслуживают производство, и крестьянскими общинами, которые обслуживаются в своих хозяйственных нуждах. Служащий здесь господствует над тем, кому он служит. В результате этого вся идеологическая работа монополизируется в одних руках и ведется из одного центра. Она не связана непосредственно с нуждами масс, но является даром милости и мудрости свыше Она не столько подчиняется их интересам, сколько интересам господствующей касты, которая смотрит на свои функции лишь как на источник непрерывного дохода, возрастающего безмерно во время урожая. Политическая власть, общественный почет и возможное богатство становится добычей занявших такое высокое место жрецов спецов.

К этому присоединяется и другое обстоятельство. Мистическая оболочка для необходимых знаний теоретического и технического характера оказывается необычайно удобной для того, чтобы сделать недоступным это знание для каких бы то ни было конкурентов. Не только издается формальное запрещение чтения священных книг, но сами знания жреческой касты окутываются непроходимым туманом древних мифов, непонятных молитвенных формул, загадочных и странных положений закона и откровения. Требуется многолетняя специальная выучка для того, чтобы в конце-концов, после прохождения длительного искуса, стать достойным познания великих тайн и посвящения в касту жрецов. Мистическая оболочка, конечно, не мешает тому, что важнейшие организационные нормы, в особенности же необходимые для благополучия жрецов, или заимствуются из практики, или вводятся в виде закона. Так, в целях получения обильных дарений, жрецы не раз при помощи закона налагали руку на родовой быт старой крестьянской общины. Вместе с тем, конечно, именно закон становится основною формой для закрепления жреческой идеологии. Он поставлен под защиту и гнев божества и является для древнего человека снабженным наиболее страшной санкцией, какая только может существовать. Здесь на помощь мистике приходит еще одно порождение сексуального мира, а именно, рожденный при подавлении

сексуальных влечений панический страх или фобия, подкрепленный стихийными бедствиями на земле. Организуя такой небесный террор, жрецы придают возможную при данных условиях силу своим божественным велениям.

Неудивительно после этого, что закрепощение масс при таких условиях получает оригинальные формы. И так как здесь и тайна, и чудовищный террор направлены к укреплению власти монополистов — идеологов, то совершенно естественно, что и сама эксплоатация получает характер совершенно на первый взгляд непостижимого распухания и роста той техники, которую мы называем аппаратом раздражителей мистического типа. Колоссальную часть прибавочного продукта поглощает обслуживание мертвых, в которых коренится весь источник вытесненной сексуальности, связанной со страхом и обожанием. И если уже дикарь едва ли не три четверти своего нищенского достатка тратит на обслуживание мертвецов и их духов, то в кастовых теократиях этот культ достигает своего завершения. Можно сказать без преувеличения, здесь живые порабощены мертвецами, которые при помощи жрецов поглощают неисчислимые богатства. Гробницы, саркофаги, целые храмы и пирамиды, бесчисленные жертвоприношения и алтари,— все это идет на потребу мертвых, дабы кормить живых жрецов. Страх перед загробной жизнью и страшным судом открывает новые источники жреческого благополучия. Начиная с древнего Египта и кончая современным христианством, верующие платят ежедневные дани за допущение в царство небесное. Культ, с его грандиозными капищами и храмами, драгоценными сосудами, предметами поклонения и изображениями богов, бесчисленные паломничества, процессии, празднества и посты служат новым источником выкачивания средств из трудящихся, и, наконец, это все увенчивается чудесными и магическими действиями, которые в одном случае дают дождь, а в другом — солнце, исцеляют болезни и отражают врагов, но для своей действительности требуют подвига и жертвы, вплоть до гекатомбы быков и убийства на алтарях детей, юношей и девушек. Картина дополняется еще священной проституцией, при помощи коей источником благополучия святых становится уже не вытесненная, а самая открытая и циничная сексуальность.

Таковы успехи мистически работающей интеллигенции поповства в ее высших достижениях. В этой картине, однако, необходимо различать два момента. С одной стороны, то, что причитается на долю мистического способа представления и мистической надстройки. Эта сторона образования религиозных раздражителей остается в той или иной степени присущей всем дальнейшим наростам мистики и религии на классовом обществе. И даже в тех случаях, когда жрецы принуждены уступить место новым общественным классам, имеющим гораздо более прав на это в силу своего отношения к производству.

они работают теми же приемами, как их предки в Вавилоне, Мексике, Египте, античном мире и последующих религиозных организациях в Европе и Азии, от православных скитов, католических орденов, мусульманских дервишей вплоть до тибетских лам и индусских браманов. Но здесь надо отличать и другую сторону дела, а именно то обстоятельство, что на кастовом примере мы знакомимся с типичным положением монопольной и привилегированной интеллигенции, защищенной от всякой критики и конкуренции и почерпающей источники своего существования именно из такого привилегированного положения. Таким образом, от собственно касты мы можем отличать кастовый принцип, который заключается в такой монополии идеологической работы и необходимо встречается везде, где для нее исторически находится место.

А таких примеров мы находим достаточно. Глубокая техническая отсталость средневековой крестьянской массы и варварство завоевателей-феодалов привели к попытке образования касты со стороны католического духовенства, унаследовавшего значительные сокровища и западной и восточной культуры. Единая церковь и единая вера — таков был принцип, который обеспечил церкви и треть всех обработанных земель, и десятину, и лепту святого Петра, и свой суд, и папское самодержавие и, наконец, торжество святой инквизиции. В век просвещения мы встречаемся с подобной же монополией, но уже светского просвещения и знания в руках бюрократической интеллигенции абсолютного государства. Эти монополисты также заставили дорого заплатить себе за обслуживание интересов не столько крестьянства, сколько выходящего на арену истории городского класса, а впоследствии и новой буржуазии. Среди общества, основанного на товарно-капиталистическом производстве, такие монополии стали значительно реже, но всякий раз, когда она, хотя бы в ограниченном кругу и специальной области, возникала благодаря монопольному господству одного течения, одной школы, одной организации, вроде академии или университета, во всех таких случаях немедленно сказывалась материальная основа идеологической профессии, и люди, попавшие на положение монополистов, превращались в душителей всяких конкурирующих сил и фанатичных сторонников своей, раз навсегда, установленной догмы. В высшей степени замечательно то обстоятельство, что в таких случаях рождалась неистребимая тенденция к превращению своей, иногда весьма рациональной истины в мистического фетиша, непогрешимость коего провозглашалась для всех стран и народов.

Лишнее говорить о том, как отражается кастовый дух на фабрикации той надстройки, которая сооружается под его кровом. Прежде всего, порывается всякая непосредственная и тесная связь с действительностью. В мистике это, конечно, особенно легко. Но то же самое мы должны отметить относительно

организационной и формальной деятельности и даже научного достижения. В этих случаях на место искания и критики становится надутое самодовольство и идейное чванство. Такой кастовый интеллигент или полуинтеллигент мнит свою догму непогрешимой и установленной в качестве незыблемого авторитета. Никакие сомнения не допускаются. Но в силу этого водворяется косность и традиция с ее мертвящим формализмам. Чем больше расхождение между жизнью и отражающим ее сигналом, тем более последний приобретает самоцельное существование. Невольно он одухотворяется при помощи симпатии, выросшей на материальном интересе, и приобретает черты мистического божества, царящего в бессознательной рутине своих поклонников. Такая оторванность отражающего символа, перенося все внимание на него самого, заставляет особенно выдвигать его внешнюю формальную сторону. Начинается целое наводнение разъяснений, дополнений и комментариев, как это мы уже раз отметили выше. Формализм дополняет обрядность, крайний идеализм венчает превращенный в мумию живой отражающий или познавательный символ. Так продолжается до тех пор, пока действительность не разорвет кастовые рамки и живым дыханием социальной борьбы не наполнит мерзость запустения...

Оценка кастовой организации идеологического производства с точки зрения классового интереса вряд ли дает положительные результаты. Правда, она отличается некоторыми «достоинствами»: во-первых, она крайне стирает классовые противоположности и ослабляет классовую борьбу. Во-вторых, при помощи крайнего террора она снабжает господствующий класс мощным орудием угнетения. В-третьих, она в исключительных размерах поддерживает косность и традицию. Но эти «достоинства» сопровождаются далеко перевешивающими их «недостатками»: во-первых, каста выступает, как независимая организация, стремящаяся к захвату власти. Во-вторых, она противопоставляет свои интересы интересам господствующего класса и пользуется в своих целях классовыми противоречиями. В-третьих, она слишком дорого заставляет оплатить свои услуги и слишком тяжела на подъем. В-четвертых, поскольку она пользуется мистическим способом представления, она неуловима и недоступна. Вот почему в целом ряде случаев, когда религиозная организация брала на себя обслуживание классовых интересов феодального общества, это кончалось обыкновенно жестокой борьбой церкви и государства, как это было в средневековой Европе и феодальной Японии. В первом случае должна была смириться церковь, во втором,— церковная власть первосвященника — папы-микадо превратилась в государственную.

При сословном строе общества его идеологи уже не могут объединиться в единую монопольную организацию. Сословное общество обладает другой экономической структурой, т. к. здесь, с крестьянством или вернее на его шее, выдвигается

общественный класс воинов, который сравнительно скоро начинает свой переход на землю и образовывает класс крупного крепостного землевладения. Этот процесс сопровождается вместе с тем обособлением городов, а в них, в свою очередь, разделением на классовые группы труда и капитала. Феодальное общество отличается и другою чертой. Оно лишено такого единого экономического стержня, как речная культура великих рек, а поэтому в связи с переходом населения от скотоводства к земледелию распадается на массу друг от друга независимых и мелких образований. Здесь мы имеем в общем и целом ряд профессиональных и сословных подразделений, которые исчерпываются классами крестьян, крупных, вотчинников и крепостников, наемных рабочих, подмастерьев, учеников, мастеров, торговцев и т. п.. При таком положении вещей вместо мертвого окостенения кастового общества мы имеем широкое развитие борьбы, которая охватывает собой не только классовую борьбу труда и капитала, крепостного и барина, но и городов с крупным поместным и вотчинным землевладением.

При такой социально-экономической обстановке интеллигенция должна была необходимо разделиться между борющимися сторонами, из которых каждая предъявляла спрос на идеологическую работу. Противоположность интересов вызвала и противоположность идеологий, и, таким образом, в феодальном обществе мы находим у каждого класса, сословия или группы образование своей собственной интеллигенции, которая борется вместе со своими кормильцами и поильцами и работает над созданием для них необходимой социальной надстройки. И хотя сама интеллигенция, под влиянием общего разделения феодального населения на отдельные автономные группы стремится также найти свой центр, подобно гильдиям и цехам, в особых корпорациях, цехах и мастерских идеологических профессий, но это ей удается отчасти лишь в городах, а вне их стен она в значительной степени распыляется между замками феодалов и в исключительных случаях общинами крестьян. Так появляются, наряду с интеллигенцией церковной, различные интеллигенты, находящиеся в услужении у баронов, у городских верхов, у ремесленных низов или у крестьянства. Объединение их по профессиям — богословы, канонисты, легисты (юристы), герольды, певцы и поэты (менестрели и миннезингеры), каменьщики — франк-масоны, комедианты, доктора, студенты и т. п.,— не дает крепких единых организаций. Интеллигенция делится по классовым и сословным центрам.

При сравнительно невысоком уровне производительных сил вполне естественно, что спрос, который был обращен к этим техникам мозга, не носил резко рационального характера. Экономика здесь была разорвана на тысячи отдельных очагов и шла стихийным процессом, который лишь отчасти обслуживался и техникой, и соответственным знанием. Центр тяжести в эту

эпоху был перенесен в организующую деятельность, которая имела своей задачей обеспечение мира, объединение мелких, вечно враждующих, единиц в более крупные соединения, установление прочных отношений между городом, деревней и поместьем и, наконец, оформление все растущего гнета барина над свободным крестьянином, а городского хозяина над свободным рабочим. Первое, как известно, закончилось в большинстве случаев крепостничеством, а второе сначала домашней зависимостью, а затем и кабальным гнетом. Ко всем этим задачам присоединялась еще одна, вытекающая как из военного характера эпохи, так и наличности массы прибавочного продукта, который поставлялся в натуральном виде господам, но еще не был двинут на пути мирового обмена. Такой накопленный в поместьях избыток давал возможность сытой и праздной жизни, которая свой досуг и лишние силы естественно тратила в варварских забавах не только пьянства и пиров, но охоты, турниров, ухаживания за женщинами и войны.

Мы не говорим здесь специально о роли церкви в средние века. Многие из серьезных экономических задач были взяты ею на себя и разрешены под религиозным флагом, т. к. именно в церкви сохранился более всего и технический и организационный опыт древности. Не надо забывать, что клирики часто выступали и как деятели мирской культуры. Для последней, однако, оставался еще большой простор в указанных выше областях и в частности в сфере военного дела, моральной и правовой нормировки возникающих отношений и области искусства, понимаемого весьма широко. И если бродячий монах обслуживал политические требования крестьян, а городской юрист формулировал действующее право, состряпанное из варварских законов и изуродованного римского права, то какой-нибудь трубадур в одинаковой степени и воодушевлял рыцарей перед боем, и складывал легенды и баллады о прошлых подвигах, и в то же время формулировал задачи франков в борьбе с маврами или воспевал прекрасную даму. Такой сравнительно большой и разнообразный спрос на интеллигенцию в области формальной и организационной деятельности привел к двум результатам: во-первых, к тому, что она дала преимущественное количество деятелей именно в общественной области, и во-вторых, к тому, что среди самой интеллигенции родилась конкуренция и свободная борьба, совершенно неизвестная кастовой среде. Оба эти момента, впрочем, как мы увидим ниже, связаны между собою.

Остановимся на значении для интеллигенции ее специально организаторского и формирующего призвания. Такая деятельность, как мы уже знаем, неразрывно связана с образованием идеальных форм. В производственной работе они очень скоро получают значение рабочих планов и проектов, подлежащих фактическому выполнению. При малом развитии производительных

сил такие идеальные формы, если даже они и появляются, то неизбежно остаются в области мечты и романтической фантазии. В лучшем случае они находят себе выражение в образах искусства, в недосягаемых образцах и примерах «морального» поведения, в картине какого-нибудь совершенного общественного образования вроде какого-нибудь золотого века позади или впереди нас, рыцарского братства круглого стола или святого Грааля, иерусалимского королевства на святой земле и т. п.. Средневековое общество и представляет нам картину такого рода. Громадный избыток сил не был отдан целиком религиозности и церковности, т. к. суровые условия борьбы с природой, тяжелый процесс накопления и классовая борьба в ее различных формах не давали возможности той косности и единства, которую мы наблюдали в кастовом обществе. И когда эти силы ушли вместо производства в организационную работу, то ее техники и мастера не могли избегнуть преувеличений. Вот почему на работе интеллигенции в это время лежит оттенок излишества идеализации, грубой остроты и резкости формального начала. В то время как крестьянин изнемогает от непосильного физического труда, интеллигент ударяется в преувеличения и фантастику. Ученый в это время становится или алхимиком или схоластиком. Юрист превращается в законоведа, глоссатора или комментатора. Поэт доводит до крайности романтику любви и обожания женщин. Архитектор оформляет дух в крайностях готического стиля. Моралист или требует совершенного уничтожения плоти или, наоборот, возводит рыцарское военное ремесло на ступень преувеличенного героизма. Сама жизнь приобретает церемониальный характер и сопровождается красочной символикой гербов, цветов и одеяний. Общественные собрания становятся не то балетами, не то драматическими представлениями, при чем в то же время вся эта культура с ее разноцветностью строится на нищете и грязи, полном отсутствии гигиены, необычайной жестокости и грубых варварских пороках.

Другою стороной распыления интеллигенции между отдельными группами и корпорациями было ее состояние весьма жалкой зависимости от различного рода хозяев. За исключением разве лиц, занимавшихся науками и искусством в качестве развлечения и принадлежащих по существу к состоятельным классам феодального общества, остальная масса или покупала себе свободу бродячим существованием, которое перемежалось весьма тяжелыми приключениями, или же находилась на положении приживальщиков, придворной челяди или клиентов то городских патрициев, то земельных баронов. И если кастовая интеллигенция пользовалась полной возможностью тунеядства и постоянным обеспечением, то свободные и крепостные интеллигенты средневековья, наоборот, покупали себе средства существования лишь ценою глубокой личной зависимости и всяческого услужения. Они настолько работают не для

себя, а для заказчика, что целый ряд превосходных сооружений средневековья остается совершенно анонимным. Таковы неизвестные строители ряда великолепных соборов и ратуш, деятели бродячих университетов, переписчики книг и анонимные певцы и летописцы. Здесь уже указывается черта, которая впоследствии приобретает громадное значение Не сам идеолог есть высший центр, организующий общество. Напротив, он есть орудие, при помощи которого выдвигаются великие люди, славные правители и знаменитые папы. Не сам интеллигент является живым символом организации, но он создает их среди практических хозяев и политических руководителей общества.

В этом пункте мы как раз подходим к любопытному процессу в образовании социальной надстройки. Еще личное начало играет громадную роль. Господствующие классы желают обладать высокими достоинствами, которых у них совсем нет. Борьба ведется отдельными лицами, которые на самом деле лишь марионетки в руках истории. Но это нисколько не мешает им превратиться в живые центры преклонения и восхищения, подражания и примера. Идеологи, при помощи различнейших средств формального творчества, создают из живых людей полубогов и героев, великие авторитеты, драматические маски и легендарные фигуры. Но этим самым они отделяют от себя свое творение и становятся возле него лишь мастерами и техниками. Такое же явление повторяется и в мире материальном. Важен не художник, а совершенство его творения. Важен не автор, а изысканность его мысли и богатство схоластической эрудиции. Не святость или благодать делают идеолога, но его произведение, прославленное его собратьями, может сделать его то великим, то ангельским, то ученейшим, то тончайшим... Понятно теперь, что уцелевшие до сих пор творения феодальной культуры способны и сейчас вызвать в нас и волнение, и восторг. Созданные ими вещи стали возбудителями глубоких эмоций не потому, что за ними скрывается божество, а потому, что сами по себе они закончены или прекрасны.

Нарождение капиталистического общества, как известно, произвело не одно, а ряд последовательных землетрясений, пока оно при помощи рынка и пиратства, первоначального накопления и последующей эксплоатации обезземеленных нищих масс не создало твердыни промышленного капитала и мирового обмена. Ушло средневековье, а с ним вместе рушился и причудливый сословно-корпоративный строй с его последующим земским государством. Пали не только стены баронских замков и внутренние таможни с налогами и барщинами крепостничества, пало все старое общество и на его развалинах на экономическом базисе установились, так называемые, свободные общественные классы. Невиданный до тех пор подъем промышленности, сопровождаемый реформацией, возрождением

наук и искусств, закончился рядом политических революций. Совершенно очевидно, что все это развитие было немыслимо без напряженной работы по установке новой теоретической и практической сигнализации и новой машины социальных возбудителей и раздражителей. Мы выше видели достаточно яркую характеристику, которую дал Маркс господствующему классу буржуазного общества.

Каково стало положение интеллигенции и какую форму приняла ее деятельность? Прежде всего, необходимо отметить, что громадный рост производительных сил предъявил соответственный спрос и на интеллигенцию, которая должна была дать и нужные знания, и техническое руководство. Но это не избавило интеллигенцию от общего подчинения закону рынка. В ряду наемников продажного труда она заняла свое место. Интеллигент вышел на биржу, а его рабочее время, способности, знания, талант и моральные свойства стали предметом купли-продажи точно так же, как любой товар, обмениваемый на соответственный эквивалент. Одни интеллигенты продавали прямо рабочее время, другие выносили на рынок, на подобие мелких ремесленников и кустарей, свои произведения. Лишь немногие, благодаря монопольным дарованиям или познаниям, получили привилегированное место, благодаря спросу на их произведения, и приблизились в известной степени к рядам господствующего капитала. Как мы уже отметили выше, своей основной массой интеллигенция вошла в состав мелкой буржуазии, а в идейном отношении стала обслуживать того, кому она продавала свои произведения и у кого находилась в состоянии наемного служащего. Сравнительно с положением приживальщика феодального хозяина, интеллигенция в капиталистическом обществе получила такую же свободу, как стал свободен рабочий, попавший непосредственно под угрозу голода и болезни.

Капитал интеллигента—это его квалификация. Главные средства производства заключаются в нем самом и, чем лучше выработает он свой мозг и нервы, тем больше шансов у него на положение, близкое к положению мелкого производителя. Наиболее устойчивую позицию занимает он в качестве квалифицированного специалиста в производстве, как техник, инженер, управляющий, директор. Он стремится к государственной службе, ибо там в бюрократической машине, хотя он получает более скромное вознаграждение, но оно обеспечивает известное продвижение вперед и пенсию на старость. Свободные профессии врача, педагога, журналиста, политического деятеля, ученого и художника привлекают к себе призраком свободы, но на самом деле ставят этих «независимых» работников духа в самую тяжелую кабалу от капиталистической машины, работающей по производству идеологической общественной надстройки. Можно сказать без преувеличения, что организация производства материальных благ совершенно и во всем сравнялась

с такой же постановкой массового производства организационных, идеологических и идейных ценностей. На первый план выступило материальное воплощение мозговой работы, а поэтому современная идея так же немыслима без типографского станка, бумажной фабрики и словолитни, как аршин миткаля немыслим без ткацкой машины, работающей тысячами веретен. Производство идей, однако, стало не только фабричным, оно стало массовым и точно также работает для рынка, как работает любой железоделательный завод. Капитал взял в свои руки и то и другое. Ему одному принадлежит роль господина, хозяина и распределителя.

И подобно тому, как среди деятелей производственной работы можно различить отдельные разряды лиц, обладающих специальной функцией, точно также среди интеллигенции можно различить некоторые основные виды деятельности. Особенно ярко выделяются здесь следующие разряды. Одни интеллигенты специально готовятся для несения работы по охранению и передаче следующим поколениям имеющегося технического состава идеологического аппарата и, таким образом, в них специально развивается исполнительность и послушание, верность раз установленным образцам, порою фанатичное стремление соблюдения имеющейся рутины и сохранения накопленных ценностей. Эта категория интеллигентов специально обезображивается при помощи школы, стажа и предварительной подготовки и вырабатывается в весьма тупую и консервативную массу людей ограниченного кругозора, но большой исполнительской энергии. Это интеллигенты — исполнители или охранители. Другая категория интеллектуального состава или мозговых работников специально готовится на положение приспособителей, при чем их мозговой аппарат специально тренируется на выучку известного компромисса, развития данного общего принципа, осуществления на практике некоторого, не вполне разработанного, задания или приспособления известной общей и высшей формы к организации отдельных частных случаев. Такие интеллигенты-приспособители стоят как бы между аппаратом различных высших форм, новых научных и технических открытий и между миром повседневной практики с ее установившимся ходом работы. Их задача приспособить новые идеи к данной практике и, наоборот, изменить практику согласно тем или иным осуществимым в данный момент новым идеям. Третий разряд интеллигентов, вырабатываемых в капиталистическом обществе,—это изобретатели, новторы и открыватели, которые, подмечая новые факты и запросы жизни, создают для нее новые формы материального производства и производства идей.

Технический характер интеллигенции, которая прошла тяжелый путь от державного жреца древности через придворного клиента средневековья к наемному идеологу современности, все

более вдавливает ее в общую производственную машину капиталистического общества. И так как в этом обществе единый главный хозяин, сосредоточивший всю власть в своих руках— капитал, то и современная интеллигенция оказалась под его давлением, но здесь сказались особенности мозговой работы. Капитал берет у интеллигенции не просто рабочее время, он берет у нее определенные отражения действительности, известную форму деятельности, другими словами,— направление, окраску, оценку, силу влияния, приемы убеждения, методы внушения. Интеллигенция не просто служит, она учит, направляет, отражает, идеализирует, находит пути, ставит цели, изобретает средства. Поэтому интеллигенция на стороне капитала не просто работник, хотя бы льющий для него пушки, но пушкарь, наводящий орудие и ставящий трубку на прицел. Другими словами, интеллигент, купленный капиталом, отказывается от своих личных симпатий, убеждений и воззрений и обязуется свою голову наполнить выгодными и нужными для капиталиста и враждебными всем другим классам идеями, нормами и идеалами. В этом отношении интеллигент похож на наемного воина, который отдает не только рабочее время, но самую свою жизнь, высшие ее производительные силы на защиту классовой позиции господствующего в современном обществе буржуа. Мозг и нервы интеллигента—его орудия производства. Их выделывает капиталистическое общество согласно своим запросам и отнюдь не церемонится с тем, что при такой переделке живые нервы и мозг человека дрожат, болеют и рвутся. Уродуется капиталистом рабочий на фабрике. Уродуется и интеллигент в редакции, избирательном бюро или адвокатской конторе. Но к этому уродству дополняется еще новое. В него, как в пустое место, врезываются чуждые ему интересы, и во имя их он становится боевым буржуазным аппаратом.

В капиталистическом обществе выясняется, таким образом, окончательно и вполне та тесная связь, которая существует между производством материальных ценностей и производством идей. И не только потому, что высокая техника позволяет здесь снабдить наше исследование тончайшими аппаратами и построить для технической победы над природой изумительные институты и великолепные лаборатории. Но капитал втягивает интеллигента в свою общую работу и культуру, как необходимую органическую надстройку над производством. Он обращает профессионалов мозга в материал для колоссальной живой машины, где создаются, согласно производственным требованиям, умы, характеры, чувствительность и энергия и выделывается в массовом порядке нужная человеческая психика. Эти люди, в свою очередь, наполняют приготовленные для них места в производственной машине и, с одной стороны, руководят материальным производством, а с другой, изобретают, приспособляют, берегут и выполняют задания великой фабрики

производства идей, где строятся живые и мертвые аппараты для организации масс, возбуждения ее деятельности, направления и концентрации ее сил и, наконец, эксплоатации при помощи экономического гнета и политической диктатуры. Так создается классовая мораль и классовое право, классовое государство и классовая культура. Производство идей завершает собой производство материальное...

Социальная надстройка и революция.

Нигде, может быть, так ясно не обозначается соотношение психики, общественных классов, интеллигенции и идеологического аппарата, как в боях и бурях революции. Подобно тому, как геологический переворот, обнажая недра, дает отчетливый рисунок перемещения и соотношения отдельных горных пород, наслоенных друг на друга, точно так же и революционный взрыв разрезает ткань общественных отношений и обнажает их взаимную зависимость и связь. Революция представляет, однако, то удобство, сравнительно с геологической катастрофой, что здесь мы не только присутствуем все время и можем, как на грандиозном эксперименте, проследить весь процесс от начала до конца, но в то же время оказываемся в состоянии, благодаря психологическому анализу, выяснить те реакции, которые возникают в нашем мозгу и нервах под влиянием событий революционной эпохи. И притом не только в мире производства, но и той социальной аппаратуры, которая служит к закреплению наших отражений мира и наших же ответов на эти отражения. И так как за последнее столетие перед нами прошло достаточное количество революций, освещенных глубоко и тонко вождями пролетариата, то мы можем установить уже и некоторые общие черты такого, отчасти происшедшего перед нашими глазами, процесса.

Мы не входим здесь в исследование тех катаклизм в производстве, которые приводят к революционному взрыву. Мы считаем этот вопрос достаточно выяснённым в теории исторического материализма и повторять здесь общеизвестное учение было бы излишне. Наше рассмотрение мы начинаем с установления того факта, что в данной стране, при определенном уровне производительных сил, происходит противоречие между ними и построенными на этой базе производственными отношениями. И так как дело идет о классовом обществе, то в результате такого противоречия господствующий класс, в руках коего находились средства производства, оказывается поставленным в необходимость произвести радикальное изменение в том общественном здании, составною частью которого он сам является. Но так, как такого рода «реформа» обозначает не более и не менее как самоупразднение такого класса, то естественно оно предпочитает итти против стихийного развития экономических сил и противопоставить этому процессу всю мощь своего

классового влияния и всю силу тех средств социальной надстройки, которыми он обладает. Происходит отрыв последней от ее экономического базиса, сама она приобретает новые черты разложения и вырождения, пока, наконец, не подымается новый общественный класс, созданный ростом производительных сил и несущий вместе с собой новые производственные отношения, который, в результате политической борьбы, свергает старого хозяина и становится сам на его место.

В наше время такая социальная революция представляет особый научный интерес не только потому, что подобный переворот сопровождается колоссальным разрушением производительных сил, при чем первым и главным разрушителем является господствующий класс старой формы производства. Так капиталистическая буржуазия на примере империалистической войны и последующих затем мелких войн национального характера показала с достаточной ясностью, что тот общественный класс, который в XVII и XVIII веках низверг феодализм и открыл изобильные источники капиталистического производства, поднял богатство современных народов на невиданную дотоле высоту, сумел произвести разрушения, значительно превосходящие все его экономические успехи. Но для нас пролетарская революция представляет еще и другой интерес. Революция, производимая при современном уровне производства, создала ведь и для организации социального действия такой богатый аппарат социальных раздражителей, какого еще до сих пор не видал мир. Как мы убедились уже выше, техника производства идей обусловлена целиком общим материальным производством. Когда поэтому перед революцией стал вопрос о разрушении старой идеологической надстройки с ее аппаратурой, то здесь представились два серьезных препятствия. С одной стороны, производство идей оказалось столь тесно связанным с материальным производством, что разрушение механизма последнего рода неизбежно влекло за собой дезорганизацию первого. А с другой,— укрепленная при помощи капиталистического аппарата современности идеологическая надстройка оказалась обладающей громадною силою сопротивления.

Указанные обстоятельства привели к тому, что сама революция не могла быть сделана без достаточно технически оборудованных средств и способов борьбы, какие мы действительно и наблюдаем в наличности. Вот почему величайший теоретик и практик революции, Ленин, строго различал с одной стороны, стихийный процесс разложения, который давал все признаки назревания революции, а с другой—работал со всей ему присущей энергией и над теоретическим уяснением событий и над организацией того боевого тарана, каким явилась партия революционного марксизма. Из оставленных нам трудов Ленина мы как раз можем убедиться с полной очевидностью,

что эпоха стихийных взрывов и случайных удач уже миновала, что для руководства событиями нужны обширнейшие знания и долгая, иногда весьма тяжелая, подготовка, что революция, направленная к ниспровержению законченной машины идей современной капиталистической культуры, должна и сама обладать всеми знаниями новейшей науки и организационной машины, не уступающей по остроте и силе тому материалу, над которым она должна работать. Отсюда же ясно и другое обстоятельство: техническая подготовка революции в стране отсталого типа, какова Россия, могла быть значительно слабее, чем она должна быть в стране высоко развитого производства, как например, в Германии или Англии. Орудия борьбы здесь и там должны быть в значительной степени иными.

Остановимся сначала на некоторых моментах стихийного развития революции. Прежде всего, наблюдаются некоторые изменения в самосознании и организации угнетенного класса.

Он начинает сознавать себя, как класс, и вместе с тем осознает противоречие своего положения. Сначала делается это в формах существующей моральной, правовой или даже романтически построенной идеологии. Заимствуются идеи господствующего класса, но их острие обращается против этого последнего. Для пролетариата это ранний период его борьбы, в которой легко всплывают различные утопические идеи. Революция связывается с идеями равенства и свободы, при чем ставится требование об их действительном осуществлении в противоположность господствующим фикциям и фантазмам. (Энгельс,—Анти-Дюринг). Усиливается экономическая борьба, которая в рядах промышленного пролетариата первоначально приводит лишь к профсоюзному движению и синдикальному объединению. Это вообще максимум того, чего может достичь стихийное движение, не снабженное аппаратом активной научно-подготовленной и революционной партии. Усиливается политическая борьба, растет пролетарская партия, но, поскольку она остается в легальных рамках, она невольно привлекает в свой состав буржуазных идеологов и сама подчиняется действию буржуазных идеологий. (Ленин). Характерным моментом такого периода борьбы является переход некоторой части интеллигенции на сторону пролетариата, которому она, однако, служит по преимуществу при помощи привычных методов легальной организации и борьбы.

Разрыв между ростом производительных сил и производственными отношениями вносит, вместе с тем, изменения в идеологическую работу буржуазии. От рационального отношения к миру она невольно переходит к аппаратам формальной мотивации и даже к мистике. Заключенный в ее надстройке материалистический базис сменяется или смягчается рядом идеалистических построений. Рождается сомнение в истинности

науки, до крайности обостряется формализм и его порождение— правовой принцип. Государственные формы становятся самоцельными, а политика из более или менее открытой борьбы классов перемещается в сферу более мелких интересов. Начинается грызня бесчисленных фракций, политические лозунги перемещаются в область моральных принципов и спора мировоззрений. В то же время частные интересы местных групп и спекулянтских шаек, парламентских дельцов и карьеристов, хищников всякого рода, шиберов и рвачей заслоняют собой сколько-нибудь общие интересы и заменяют группировки, хотя бы таких солидарных интересов, как торгового, промышленного, аграрного и финансового капитала. В то же самое время усиливается политический авантюризм, а к естественно растущему империализму, в виде стремления захватить новые сферы влияния и колониальные области, добавляется лихорадочная жажда быстрого обогащения, сопровождаемая трескучей шумихой военного и завоевательного фасона. Характерно, что за десять лет до империалистической войны автор настоящих строк имел возможность в одном из русских толстых журналов изобразить грядущую войну по данным обширной воинственной журналистики того времени (1904 г.).

В высшей степени замечательно, что понадобилось такое невероятное крушение европейского хозяйства и культуры, как империалистская война, для того, чтобы действительно нарушить не только ход экономического развития, но и устойчивость социально-идеологической надстройки. Мы не будем здесь останавливаться на размерах, формах и видах этого потрясения. Раны еще достаточно свежи, и кровь еще течет из них, не переставая... Нам важно, однако, отметить, что даже такой катаклизм, казалось бы, исчерпывающей силы, и тот не смог привести непосредственно к социальной революции нигде, кроме России. Уже этим одним мы можем измерить и мощь европейского производства, и силу вросшего в него культурного аппарата. И если Ленин даже для России требовал революционной организации громадной сплоченности, высокого личного состава, вооруженного всеми средствами материалистической науки и снабженного активностью революционного вождя для того, чтобы повести массы в бой, то понятно отсюда стремление III Интернационала образовать военный штаб европейской революции по образцу современных великих армий. Оправдывается вместе с тем и предсказание Маркса, который говорил не об одной европейской революции, но о целом ряде таковых, могущих заполнить собой не одно десятилетие.

Вторая стадия революционной борьбы характеризуется некоторыми новыми чертами. Восстающий класс все более усиливает злостную критику существующего порядка. Этим знаменуется перемена в психике класса, который разрывает с каждым днем все более нити, связывающие его нервно-мозговую систему

с возбудителями и раздражителями господствующего класса. К этой символике и сигнализации он относится уже не просто равнодушно или даже благожелательно, как это делалось еще вчера, но указанная надстройка вызывает в нем определенно отрицательную реакцию. Социальная надстройка враждебного ему класса вызывает у него негодование и ненависть. Такого рода реакция сопровождается новым явлением. Восстающий класс постепенно ощущает свою связь с новой формой производства и сознает себя, поэтому, представителем не узко-классового интереса, но широкого общенационального подъема. Его классовый интерес в данный момент сливается с интересом общенациональным. (Энгельс). Отношения враждебности заканчиваются, наконец, полным разрывом с идеологической надстройкой старого порядка, так что восстающий класс считается с нею, лишь как с фактом, поскольку она обладает определенными материальными свойствами. Из нее устраняется всяческое оправдание, в виде ли ссылки на законы природы и общества или в виде требований моральной, правовой и какой бы то ни было иной формы. Наконец, во главе класса образуется революционная организация, которую так блестяще организовал Ленин для России. Она может заключать в себе первоначально выходцев из различных классов. Как показал тот же Ленин, в некоторых случаях наличность таких выходцев, особенно интеллигентов, прямо необходима, так как без помощи их опыта и знаний сам пролетариат не может подняться далее чисто экономической профессиональной борьбы. Так образуется революционная партия, и задачи ее громадны. Она менее всего призвана к тому, чтобы тащиться в хвосте у стихийно идущего процесса (хвостизм). Она должна оформить революционное движение и технически снабдить революционный взрыв надлежащим аппаратом организации и движения.

Роль партии в такой момент чрезвычайно велика. Это ее дело — произвести точное обследование фактических условий и выяснить все необходимые материальные предпосылки для переворота. Напомним, что у нас эта работа была выполнена со всем знанием научной подготовки, чему опять-таки пример показал Ленин. Им же совершенно правильно был поставлен в первую очередь вопрос о законченной организации партии в ее верхах и периферии. Покойный вождь не только требовал, чтобы в партию входили исключительно люди, целиком посвятившие себя революции, своего рода «профессионалы революционного дела», но чтобы они с одинаковым вниманием организовали и агитацию на местах, и пропаганду среди более подготовленных кругов рабочих, и приняли самое деятельное и активное участие в борьбе. У нас стоял чрезвычайно важный вопрос о союзе крестьянства и пролетариата. У нас был также обострен другой вопрос — о национальных взаимоотношениях. Все эти вопросы не только были теоретически исследованы партией,

но и получили практический аппарат для их разрешения. Важнейшая социальная надстройка — государство, эта, по выражению Энгельса, первая идеологическая сила, господствующая над людьми, была подвергнута Лениным серьезному изучению, в результате чего явилась его теория о роли государства в революционной борьбе, о необходимости полного сокрушения его аппарата подавления и такой же настоятельности в сохранении государственного экономического основания с его техническим (интеллигентским) составом. Можно сказать без преувеличения, что в полном соответствии современным условиям материального производства и производства идей Ленин, будучи великолепным экономистом, обратил в то же самое время пристальное внимание на социальную надстройку и наметил здесь и собирание новых сил и их организацию. Можно сказать, без преувеличения, что в своей партии он наперед подготовил будущий государственный аппарат послереволюционной России.

Самый революционный взрыв в условиях современности нуждается в сильном внешнем или внутреннем потрясении. Таким ударом для России была сначала японская война, принесшая с собой революцию и первое образование Советов, а затем империалистическая война, давшая толчок громадному передвижению общественных сил. Под влиянием этой войны произошло невероятно быстрое созревание не только рабочих, но и крестьянских масс, и если в 1905 году крестьяне задушили революцию, то в 1917 году они шли вместе со своим авангардом в виде фабричного пролетариата. Психологически важно отметить тот интенсивный и глубокий процесс отрыва психологии трудящихся от идеологических двигателей старого режима с постепенным падением влияния всех старых идеологий, начиная с православия, монархизма и царского отечества и кончая падением формального фетиша частной собственности, барско-интеллигентской культуры, аристократизма крови и т. п.. Заслуживает положительно особого исследования этот период, тянувшийся всего несколько лет, когда с возрастающей быстротою, как ледяные горы в теплом море, таяли одна за другой все идеологические машины, подпиравшие собою старый порядок не только политического господства, но быта, культуры междуклассовых отношений, верований и воззрений.

Но этот процесс не был простым отрицанием и уничтожением. Каждый класс — и рабочие и крестьяне — нес в себе массу требований, которые отчасти были неосознаны и неоформлены, отчасти несли неточную и несоответственную идейную оболочку, а отчасти были наследием дореволюционной борьбы, проходившей еще под покровом старого режима. У крестьян воскресло много требований, похороненных со времен аграрных войн и первобытного коммунизма, у пролетариев было провозглашено много лозунгов эпохи легальной, экономической

и парламентской борьбы. Заслуга партии, руководимой Лениным, состояла в том, что она нашла подлинное, полное и точное выражение всех важнейших запросов восставших классов и, таким образом, помогла необычайно быстрому процессу политического созревания. Благодаря этому, можно сказать без преувеличения, массы смогли: противопоставить своим классовым врагам исчерпывающую экономическую программу социалистического характера, формулировать свое классовое право в виде, так называемого, революционного правосознания, создать свое государство Советов, как осуществление диктатуры пролетариата, обосновать свою этику борьбы и строительства, как величайшее напряжение классовой ненависти, героизма, самоотвержения и единства. Наконец, не только выдержать при помощи военного коммунизма ужасы блокады, интервенции и гражданской войны, но и найти в себе достаточно силы, чтобы перейти на рельсы сбережения производительных сил, их увеличения и постепенного восстановления как экономической структуры, так и культурной надстройки.

Второй период революционной борьбы закончился с установлением мира на внутренних и внешних фронтах. Начался третий период и он не менее интересен для психолога. Ибо здесь мы находим новую группировку общественных классов, новые формы хозяйства, и соответственно этому изменяется машина идеологических двигателей и соответственных раздражений. Один общественный класс исчез совершенно. Это — полукрепостническая группа крупного землевладения, которая должна была отдать все свои земли трудящимся. Ей не осталось больше места при национализации земли. Крупная буржуазия потеряла свое господствующее положение и, в незначительном количестве сохранив обрывки прежних богатств, должна была подчиниться новому многомиллиардному капиталисту — социалистическому государству, овладевшему средствами производства. Пролетариат занял господствующее положение и совместно с крестьянством установил рабоче-крестьянское государство, в котором решающий голос был отдан трудящимся. Совершенно естественно возник вопрос о новой политической, юридической, моральной и всякой иной культурной надстройке, которая должна протянуть свои нити между всеми этими классовыми группами и соединить их в одном идеологическом аппарате, который призван организовать живую массу производителей в деле все растущего социализированного производства.

Этот третий период революции с его ярко выраженным строительным и творческим характером для нас представляет особую важность потому, что здесь мы подходим к ряду практических проблем, которые совершенно неразрешимы без дальнейшей разработки марксизма и в особенности без использования учений Ленина в целях построения марксистской социальной психологии. Ибо

здесь нет возможности непосредственно заимствовать буржуазную культуру. Но точно также совершенно нелепо строить какую-то особую «пролетарскую культуру» от-противного. Последний опыт демонстрировал всем свое полное бессилие. А, между тем, буквально каждый день ставит перед нами все новые и все более сложные задачи. Отношение пролетариата к интеллигенции было уже намечено Лениным, но сейчас оно вступает в новую фазу. Мы начинаем готовить нашу собственную интеллигенцию из среды рабочих и крестьян и мы должны принять все меры, чтобы это «идеологическое сословие» отнюдь не приняло психологического облика буржуазной интеллигенции и не образовало среди нас все более могущественной — благодаря росту производства — группы мелкой буржуазии. Мы должны поднять при помощи партийного аппарата и нашей интеллигенции (учителя) массы безграмотного населения трудящихся, чтобы каждый из них не был голосующим животным политического стада, но сознательным и активным участником политической жизни (опять мысль Ленина), но вместе с тем мы должны устроить так, чтобы интеллигенция в партии и Советах не превратились в самодовлеющую и замкнутую касту бюрократии, яд которой слишком часто дает себя чувствовать в наших учреждениях. Мы должны создать аппарат управления величайшей активности, но в то же время должны поставить его под бдительный контроль и наших Советов, и партии, вместе с Рабкрином и органами советского общественного мнения (сельскоры, рабкоры). Мы должны сохранить все приобретения буржуазной науки, двинуть вперед новые открытия и изобретения, но в то же время сохранить твердым наш диалектический метод исторического материализма. Мы должны, наконец, создать новую этику, где работали бы на производство и на диктатуру пролетариата пролетарская честь, крестьянская совесть, красноармейский героизм и коммунистический энтузиазм.

Мы не касаемся здесь тысячи других вопросов более частного характера, но столь же важных и необходимых — вопросов об организации производительности труда и его психотехнике, об идеологическом и психическом строе Красной армии, о психотехнике нашей школы, о техническом устройстве партийного и советского аппарата, а, в частности, о пропаганде и агитации, имеющих у нас совершенно исключительное значение. Совершенно очевидно, что на одном экономическом образовании здесь далеко не уедешь. В этом отношении чрезвычайно показательным был недавний спор о партийной этике, поставленный в порядок дня решениями различных контрольных комиссий. При разборе этого вопроса, в особенности в сфере половых и семейных взаимоотношений, обнаружилась полная неустойчивость и нерешительность, которая в некоторых случаах повела прямо к гибельным возможностям. К сожалению, здесь, кроме давления воскресшей мещанской стихии, сыграло

крупную роль и отсутствие подготовки в партийных кругах по вопросам современной научной физиологии и психологии. Если бы мы хотя бы приняли к сведению учение Штейнаха и Фрейда, мы бы нашли материалистические основания для половой этики не только в рядах партии, но и вне ее. Мы бы оценили тогда враждебные отношения Маркса и Энгельса к половой распущенности и звериной свободе. Мы наложили бы запрет на безумную расточительность сексуальной энергии в половом акте, т. к. из единого источника рождаются высшие виды человеческого творчества. Все, что мы отдаем полу, мы отнимаем у мозга и его высшей активности. Уродлив поповский аскетизм с его вытеснением. Но мы должны уметь организовать сублимацию, ибо мы хотим, чтобы творчество и гениальность, сознание и высшая активность были достоянием не каких-нибудь исключительных натур, немногих аристократов духа, но всех масс трудящихся.

Пора, наконец, бросить нелепые предубеждения против современной науки. Мы достаточно сильны для того, чтобы не бояться знакомиться даже с вражескими нам учениями. Как показал Маркс, можно достигнуть прекраснейших результатов, поставив на ноги стоящего вниз головой великолепнейшего идеалиста (Гегеля). Надо вылечиться от увлечения идеологическим мышлением, ибо оно характеризует или невежество, или трусость мысли. И Маркс и Ленин учили нас возможно широкому развитию научной критики и предостерегали против господства идеологии. Плохо будет, если мы, под влиянием окружающей нас мещанской косности и буржуазного омертвения, перейдем от осторожной и острой марксистской науки к формальному мышлению с его суевериями и фетишизмом...

Мы заканчиваем нашу работу словами английских коммунистов, которые в настоящее время выпустили любопытный очерк психологии, написанной с марксистской точки зрения: «Если пролетарий знает биологического человека и человека экономического, то он должен знать и человека психологического». Ибо он должен знать не только свои руки, но и свою «голову». (Лестер Джемсон и коллегия «Плебса». «Очерк марксистской психологии»).

БИБЛИОТЕКА